Сяргей
ДАВІДОВІЧ

ЗБОР ТВОРАЎ

Сяргей
ДАВІДОВІЧ

Вершы
Паэмы

Том 10

Мінск
Выдавец А.М. Вараксін
2018

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)
Д13

Рэдагаванне і малюнкі аўтара

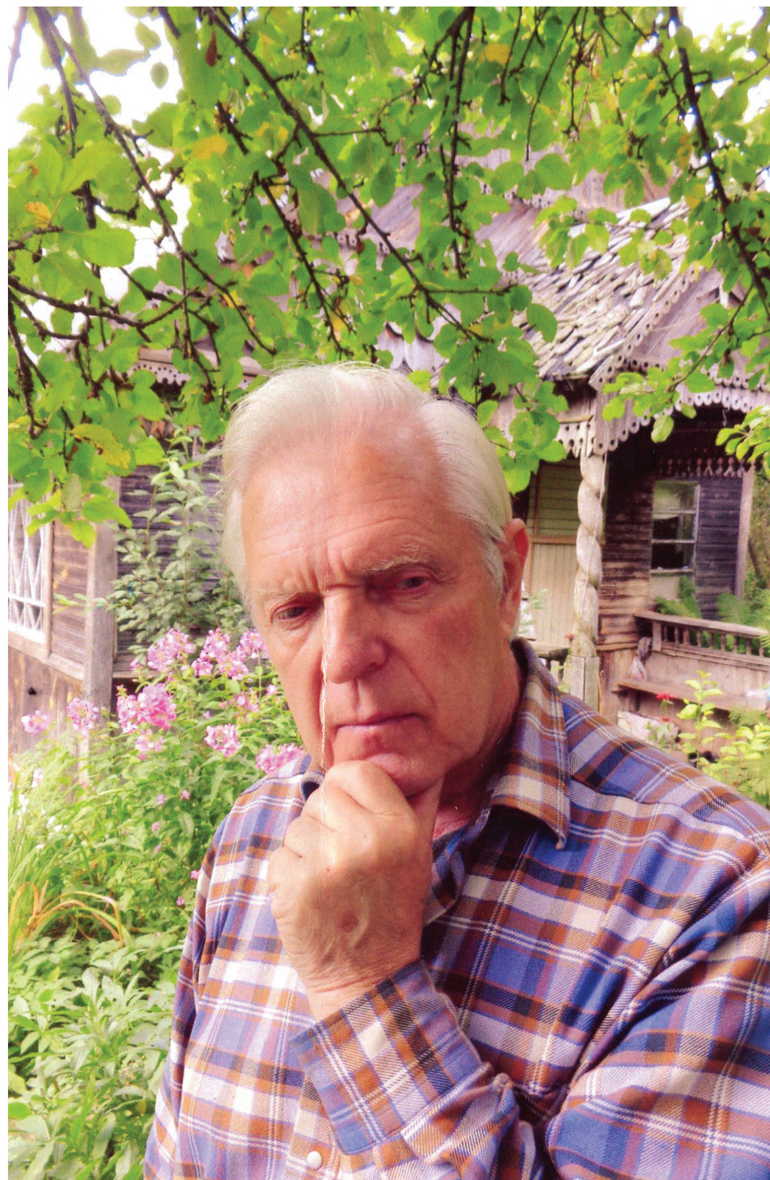
Давідовіч, С. Ф.
Д13 Збор твораў. Т. 10. Вершы. Паэмы. / Сяргей Давідовіч. — Мінск : А. М. Вараксін, 2018.— 432 с., іл.

ISBN 978-985-7186-76-1.

У дзесяты том збора твораў Сяргея Давідовіча ўвайшлі, напісаныя ў 2018 годзе вершы і паэмы.
Творы цікавыя сваёй псіхалагічнай заглыбленасцю, сюжэтнай вастрынёй і актуальнасцю.

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)

ISBN 978-985-7186-76-1

Вершы
2018

Дылема

Вось дапішу апошні том — дзесяты…
Апошні ці чарговы?
Невядома.
І з мар, куды натхненнем
быў узняты,
Спушчуся на зямлю —
агорне стома.

Ці ж выбар мой —
апошні том? Чарговы?
Я — пасяродку гэтых слоў
Ці дзе я?
Апошні —
Гэта крыж датэрміновы,
Чарговы —
Ратавальная надзея.

Ад году ў год,
ад верша да паэмы,
Ад тома і да тома час віруе.
Ніколі мне не вырашыць дылемы —
Апошні ці чарговы
Дзень жыву я?

Хто адкажа?

Сябе спасцігнуць
так я і не здолеў —
Хто ў свеце я,
Адказ не мог знайсці.
Я па жыцці прайшоў,
нібы па полі
Ці ўсё-такі
Я крочыў па жыцці?

Я прыкладаў
Нястомна намаганні,
Шукаў,
Шукаю
Й не найду адказ:
Мой час жыцця —
запознены ці ранні,
Прайшоў мой час
ці не настаў мой час?

Я й сам сябе
не гладзіў па галоўцы,
Разбэрсана душа
на ўсе бакі —
Я ёсць які —
адмоўны ці станоўчы?
Ці горшы самых горшых —
Ніякі?

Мой лёс быў,
як і многіх лёс — вірлівы,
Хрысціў выпрабаваннямі
Штодня.

Я быў бязгрэшны?
Сціплы?
Справядлівы?
Я быў заўсёды правільны?
Хлусня!

У тым, што век зжываю —
Мала шчасця,
Які быў век мой,
хутка што міне?
Які я ёсць?
Спасцігнуць ці удасца?
Навошта быў я?
Хто адкажа мне?

Богаўгодна

Каб падскочыць,
Адштурхнуцца трэба,
Хай сабе й не даляціш
Да неба,
А ў паветры будзеш
хоць імгненне,
Зведаеш, адкуль яно,
Натхненне.

Каб падскочыць…
Можна пнуцца й пнуцца,
Ад пустога
Век не адштурхнуцца,
Не ўзляцець з пустога
Ні на ёту,
Вельмі шмат патрэбна
Для узлёту.

Сэрцам трэба быць
Ў бацькоўскай хаце,
Трэба помніць
калыханку маці
І любіць
Свой родны кут адзіны,
Не ўяўляць сусвету
Без Радзімы.

І яшчэ —
Для ўзлёту неабходна
Жыць духоўна,
Светла,
Богаўгодна,

І дзяліцца ад душы
З усімі
Творчымі здабыткамі
Сваімі.

Да ўсяго —
Дадам яшчэ умову:
Родную ў палёт
Бярыце мову,
Каб уславіць ёю
Край наш мілы,
А інакш —
Душы аслабнуць крылы.

Лёгка... Цяжка...

Прыемна —
Па жыцці самааддана,
Калі ёсць мэта,
да яе ісці.
Том дапісаць
не так ужо й складана,
Цяжэй —
Апошнюю старонку у жыцці.

Прыемна сябраваць
надзейна, важка,
Калі у душах —
шчырасці праз край.
Развітвацца
Пасля сустрэчы цяжка,
Цяжэй сказаць
апошняе «Бывай!»

Як цяжка першы раз
сказаць: «Кахаю!»,
Але, бывае,
Пачуццё міне.
Тады каханне
сумна дагарае
У больш цяжкі́м,
кароткім слове «Не…»

Лягчэй… Цяжэй…
Няпростыя лічылкі —
І хто з іх
больш балюча б’е пад дых?

Мы ўблытваемся
з лёгкасцю ў памылкі,
І з цяжкасцю
Выблытваемся з іх.

Жыццё, яно —
матэрыя жывая,
То прыцемак,
То золкасць,
То святло…
Калі ў жыцці
ўсё лёгка не бывае,
Дык не дай Бог,
каб цяжка ўсё было.

То бяздонне, то мелі

З узвышша фантазій
я кідаўся ўніз галавой
У плынь свайго лёсу,
не ведаючы глыбіні.
Глыбока было —
і захлёбваў мяне «вадапой»,
А мелка было —
біўся цемем у дно,
У карчы, камяні.

То шышкі на цеме, на лбе,
то вады повен рот,
А я ўсё даваў і даваў
з новай мары нырца.
То плыні бяздонне, то мелі —
і так без канца,
Пакуль не найшоў ратавальны,
здавалася, брод.

І вось я на беразе,
як рыбіна, што без вады,
Нібыта прачнуўся і ўстаў
з непатрэбнай нагі.
Амаль непрыкметна сплылі,
адбруілі гады,
Як мала жыцця захавалі
жыцця берагі.

Ці недзе галосяць званы,
ці ў вушах гэты звон,
Ці вецер кагось адпявае,
ці выюць ваўкі.

Таму, што было ды сплыло,
я гляджу наўздагон,
А побач — ні шчырых вачэй,
ні душы, ні рукі.

І холадна сэрцу да болю,
як птушцы зімой,
Ў астылых надзеях
яму не сагрэцца, на жаль.
Няўтульна на беразе мне —
асяродак не мой,
Хацеў даць нырца я,
ды плынь перасохла амаль.

З паслязімняга выраю

Гляну ўверх,
У блакітнае неба без дна,
Пагляджу на бакі —
лес ажыўшы пяе.
З паслязімняга выраю
марай вясна
Прыляцела да нас —
тут радзіма яе.

Тут Радзіма адзіная —
ваша й мая,
З ёй нікому, ніколі
нас не разлучыць.
Песня песняў усіх
земляка-салаўя
Толькі тут,
На Радзіме адзінай гучыць.

Кроплі шчырасці слёз
пацяклі па шчацэ —
Тут нябесная сінь,
тут бяроз родных бель.
Я сваіх намаганняў
сініцу ў руцэ
Не трымаю — ляці!
Бачыш, вунь журавель!

Бываюць словы...

Бываюць словы, як туман,
За імі аўтара не бачна.
Ці бачыцца двухтвары Ян,
Ці ў словах сэнс неадназначны.

Ёсць словы, як пусты арэх,
Сарваў, але не варта грызці.
Ёсць словы, як дзіравы мех —
Ні сэнсу ў іх і ні карысці.

Ёсць колкія, нібы асцё,
Ёсць словы вострыя, як брытва.
Ёсць важкія, нібы жыццё,
Як ачышчальная малітва.

Ёсць словы…
Не, за імі мы —
Пачуццяў розных, думак гама.
Ляцяць з нас словы, як з турмы —
Злачынцы…
Ці Анёлы з Храма.

Вірус зла

Мы ўсе —
Упаўнаважныя Богам
Тварыць дабро
Пад сонечным крылом.
Чаму ж нас шмат,
Пасколатых, як глогам,
Наўмысна створаным
між намі злом?

Хто творца зла,
што ў свет наш забадзяжыў,
Сумлення
Адцураўшыся свайго?
Хто і каго
На зло упаўнаважыў,
Галоўнае пытанне —
для чаго?

Мы, быццам бы —
дабра адзінаверцы,
Усе зямляне —
ад адной зямлі.
Адкуль жа зло
пранікла ў нашы сэрцы?
Як гэта
Не заўважыць мы маглі?

Ёсць прымаўка,
вядомая спрадвеку,
Маўляў, з'еш хоць вала —
адна хвала.

У нават самым
        добрым чалавеку
Затоены
Ўсё роўна віру зла.

Мы любім шчыра
        й ненавідзім шчыра,
Мы творым зло
        адкрыта й спадцішка.
Адна рука —
        працягнута для міру,
А вось другая —
        з кулаком рука.

Самападман

Жывём мы богаўгодна і бязбожна
Штогод у весялосці і бядзе.
А паралельна з намі й спадарожна
Ідзе жыццё й смерць кожнага ідзе.

Жыццю — падзякі нашы і ухвальнасць,
Й праклёны пад гарачую руку.
А смерць, як нерэальная рэальнасць,
Далёка недзе ад жыцця ў баку.

Далёка недзе?
Думкай багацеем.
Хоць мала ўцехі з гэткім багажом.
Самападман — як па душы алеем,
Самападман — па сэрцы, як нажом.

Заручоныя з марай

Дарогі, што вабяць з маленства
ў прастору жыцця — не забава.
А як жа хацелася ведаць,
Што будзе на кожнае з іх.
І ад невядомасці гэтай
рабілася сэрцу надзвычай цікава —
Адкрыць таямніцы дарог
Кожны марыў наўздых.

І кожны быў з марай сваёй
назаўжды заручоны,
І кожны хацеў след пакінуць
на ёй, неадкрытай зямлі.
Былі мы у марах —
Калумбы, Ікары,
Былі Рабінзоны,
А ўвогуле ў нашым юнацтве
мы ўсе летуценна жылі.

Цікава было! Ой цікава
чакаць з невядомым сустрэчы,
Калі паварот, а за ім — Што за ім?
Таямніцы сцяна…
А сёння дарога адна прада мной
упіраецца ў вечар
І мне ўжо вядома,
куды ўсіх прыводзіць яна.

Што тут благога?

Адкіну сціпласць…
Хацеў я спадабацца
Дзяўчатам — знешнасцю,
            надзейнасцю — сябрам.
Каб быць сваім —
            бывала, пасля працы
То з тым, то з сім
            закідваў па сто грам.

Што тут благога?
            Прыемна быць прыемным,
У калектыве,
            які завём сям’ёй.
Ў сістэме —
Можна жыць і безсістэмным,
Галоўнае —
Каб быць карысным ёй.

І чытачу
Я спадабацца рады,
Й калегу,
Хто ў спіну нярэдка б’е.
Душа згарэць гатова без ашчады,
Каб толькі полымя
            заўважылі яе.

Не хочацца

Чаго б яшчэ
Хацеў я ўзяць ад часу?
Хоць трохі часу,
пакуль іду ў гару.
Ён трэба
Не для сквапнага запасу,
Не проста жыць,
А жыць, пакуль твару.

Баюся штось пачаць
і не завершыць
Не дапісаць
Апошняга радка.
Не хочацца, каб раптам
на паўвершы
Спынілася пісаць
Мая рука.

Памылкі

У школе,
Сям'і,
Нас вучылі нязменна
Свой шлях самастойны
шукаць у жыцці,
Каб кожны мог
адукаваным, пісьменным,
Да мэтаў сваіх
без памылак ісці.

Памылкі у школе —
на дошцы, у сшытках,
Спраўлялі настаўнікі,
дома — бацькі.
Нялёгка даваліся
Ведаў здабыткі,
Лягчэй — пасля бацькавай
з дзягай рукі.

Які гэта гонар
пісаць без памылак!
А малапісьменнасць людзей —
цёмны лес.
Цяпер чалавецтва —
у ведах асілак
І з ім —
Навукова-тэхнічны прагрэс.

На маці-Зямлі
не бывае зацішша,
Буяніць,
Драпежнічае чалавек.

Хтось малапісьменны
гісторыю піша —
Вунь колькі памылак
ад веку у век.

Напэўна,
У малапісьменных пісакаў
Няма ні настаўнікаў
і ні бацькоў…
Вунь зноў на зямлі
хтосьці горка заплакаў —
Крывавяць радкі
на старонках вякоў.

Не адкруці́цца

На адметным нейкім рубяжы
З запытам да нас сумленне прыйдзе:
— Праўду распіналі на крыжы —
Вы чаму маўчалі?
Вы былі дзе?

Сёння вы сярод сумленных, тут,
Маеце і выгляд ганарлівы.
А калі бязвінны йшоў пад суд,
Вы тады маўчалі.
Дзе былі вы?..

Бачу заклапочанасць на лбе,
Дадатковы доказ непатрэбны.
Нам не адкруціцца ад сябе,
Мы агучым свой прысуд сабе —
Або гонар,
Або слуп ганебны.

Ёсць людзі

Уявіць немагчыма —
Не злавала зіма.
Люты ж ляснуў дзвярыма,
Проста спасу няма.

Маразы аж за дваццаць,
З рыбы мех — паліто.
Дзе нам?
Дома схавацца,
А за вокнамі хто?

Спасу птушкі шукаюць
І сабакі, й каткі.
Пад сябе падціскаюць
Лапкі ў холад такі.

Смерць за вокнамі блудзе,
Чыншу прагне свайго.
Дзякуй Богу, ёсць людзі,
Сэрцы ёсць у каго.

24.02.2018

Грэла кроў

Як я любіў застольны тлум радні,
Дзе п'ецца за кампанію і есца,
Дзе пустазвонь, жартуй або мані —
Усё разумна, весела, да месца.

Дзе тост такі звычайны: «Будзь здароў!»
Гучаў і пранікнёна, і ласкава.
Нас келіх весяліў,
А грэла кроў —
Кроў родная — насупраць, злева, справа.

Як холадна мне сёння за сталом,
Анідушы — насупраць, справа, злева.
Слязою запіваю ў горле ком —
Ні пустазвонства,
Ні маны,
Ні спева…

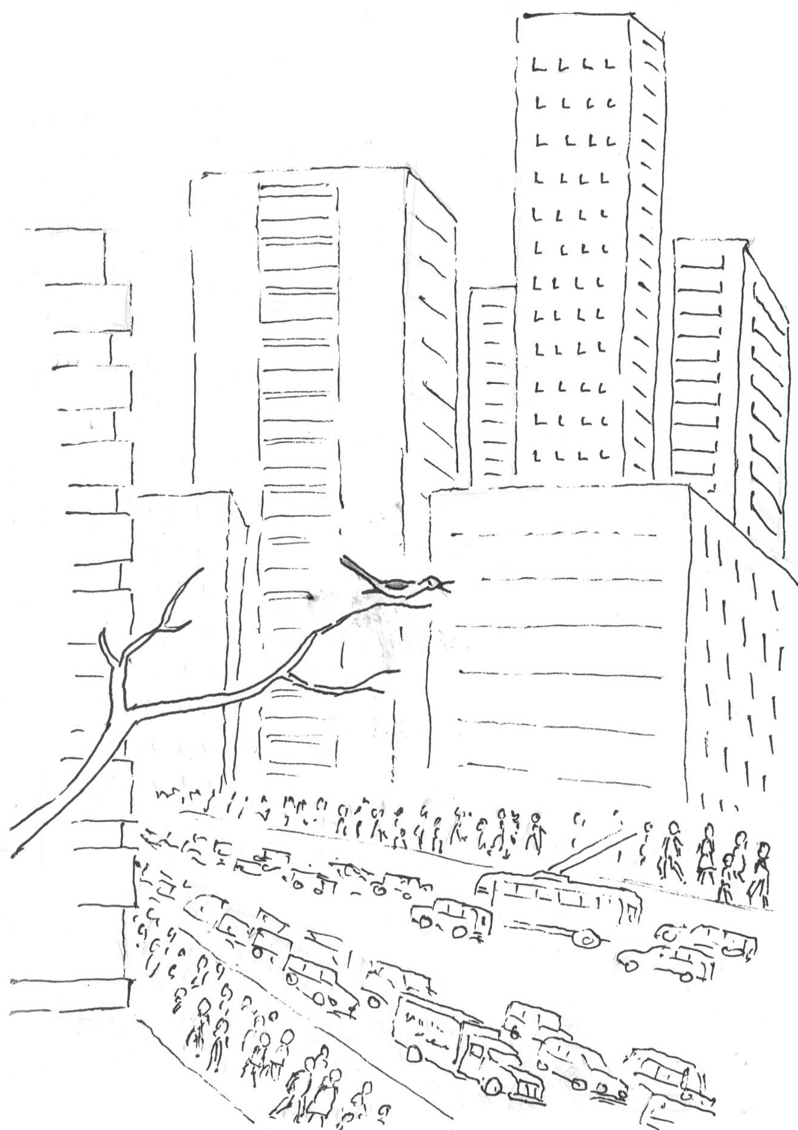
Душа прыроды

Якую трэба мець душу
Малой сінічцы,
Каб перапець вялікі шум
І рытм сталіцы.

Раве, гвалтуе горад-гмах
Без перадыху,
Ажно закладвае ў вушах —
Неразбярыха.

Праз горы гэтай гвалтаўні,
Праз гул машынны,
Аднекуль тоненька звініць
П-і, п-і-і — няспынна.

Ёй дэцыбелы, хоць іх шмат,
Не перашкоды.
Перамагае шум і чад
Душа прыроды.

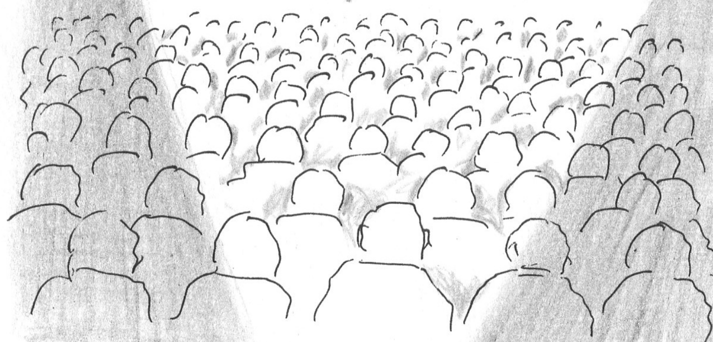
Рот памяці

Чаму так мала
Хронікі ваеннай?
І дзе
Дакументальнае кіно?
Хтось забываць пачаў
Пра час страшэнны,
Пра тое, што было
Не так даўно.

О, на святую памяць
Час няўдалы!
О, тэлебездухоўнасці
Парад!
Занудзістыя
Тэлесерыялы
Часцей гучаць,
Чым подзвіг твой,
Салдат.

Угледзьцеся
Ў салдат вайны той твары,
Адчуйце іх
Самаахвярны лёс.
Ён па зямным,
Крывёй залітым шары,
Сцяг Перамогі
Наш салдат пранёс.

Жыццё і смерць
Не раз ён клаў
На шалі,
Ў атацы гінуў,

Смерці слаў праклён,
Ён у агні гарэў,
Але ўставалі
На яго месца
Гэткія, як ён.

Такія, як і ён,
На ўсёй планеце
За мір плацілі
Страшную цану…
А сёння,
Інтэрнэтных гуляў дзеці
Ці чулі,
Што загінуў
Кожны трэці
Ў Вялікую Айчынную вайну?

Адкуль ім ведаць?
Зноў папрокі сею
Ў закрыты
Ідэялагічны рот,
Калі да даты нейкай,
Юбілею,
Пра подзвіг той
Нам скажуць
Раз на год.

Пра подзвіг
Неуміручы і вялікі,
Пра Перамогу —
Падзею ўсіх падзей.
Салдаты ж гінулі
Штодзень,
Без ліку,

І не чакалі
Нейкі юбілей.

А партызаны?
А геройства ў тыле?
Канцлагеры,
Падполлі —
Ўся і ўсе.
Усе яны
Ў адной вялікай сіле
Дзень светлы
Набліжалі пакрысе.

Не, не забылі мы
Ні на імгненне
Ахвяры й перамогі
Страшных год.
А вось для іх,
Для новых пакаленняў,
Часцей бы памяць
Раскрывала рот.

Крылы

Душа і сэрца —
крылы два арла,
Над хмарамі
лунаюць святакрыла.
У творчасці душа
свой лёс знайшла,
Паэзія — і сэрца прытуліла.

Хто з крыламі —
бязмежнасці ўладар,
Ён, летучы, ўвесь свет
да сэрца туліць.
Які гэта цудоўны
Божы дар —
Другіх сваімі творамі акрыліць.

Пытанні... пытанні...

Калі ў агні гараць
ці паміраюць дзеці,
Ці робяцца ахвярамі дарог,
Крычыць пытанне:
— А ці ёсць дзе ў свеце
Ахоўнік богаўгодных лёсаў —
Бог?

Магчыма, задаваць пытанне —
і блюзнерна
І нават думаць пра такое —
Грэх?
Дзе ён і хто —
адзіны і надзейны,
Ад жорсткасцяў жыццёвых
Абярэг?..

25 сакавіка 2018 года
ў Кемерава згарэлі ў агні
64 чалавекі, з якіх 41 — дзеці.

Таямніцы сакрэт

Дзеду й бабе не спіцца,
прыселі на лаўцы ля хаты,
Зверху месяц, як човен,
які ў цёмным небе плыве.
Цішыня і спакой —
нібы вушы закладзены ватай,
Толькі думкі-ўспаміны
вiруюць у іх ў галаве.

Сярод гэтай чароўнай,
прыцішанай цемраю тайны,
Чуцен голас старой,
нараджаючы словы наўздых:
— Глянь на месяц, стары,
ён нібыта пастух той нядбайны,
Што на пашы нябеснай
распусціў статак зорак сваіх.

Дзед уверх паглядзеў,
і на бабу зірнуў запытальна:
— Ты убачыла зоркі,
а між імі пастух залаты.
Неба — дзіўны сусвет,
неба — гэта вялікая тайна,
Я там бачу другое,
чым зараз убачыла ты.

Неба зорнае — дах,
А пад сонцам, ён дах гэты, новы,
І пад ім мы жывём,
як і продкі прайшлі праз вякі.

Пэўна, неба даўно бы
звалілася нам на галовы,
Каб не ўбітыя Богам
пазалочаных зорак цвікі…

Лёс нялёгкі старых,
мусіць, ён не такі ўжо і горкі,
Калі баба і дзед
успрымаюць душой гэты свет.
Дажываючы век,
Не пад ногі глядзяць, а на зоркі,
І спрабуюць раскрыць
таямніцы далёкай сакрэт.

Нібы ў яме

Было вясковае шматлюддзе,
Запал душы — нябёс вышэй.
Мне дыхалася на ўсе грудзі,
Усмешылася — да вушэй.

І сярод тых гадоў галодных
Было надзей і мараў шмат
Было вакол людзей мне родных,
Сяброў — за лёсу далягляд.

А сёння ў полі я не воін,
На полі лёсу — я адзін.
І смех мой сумам упакоен,
І ў горле часу комам блін.

Аблога думак — нібы ў яме,
Мяне ўспаміны долу гнуць.
Магу я поўнымі грудзямі
Не дыхаць — толькі уздыхнуць.

Калючкі і адзінкі

Пустое сэрца, як пакой,
Ў якім няма нікога.
Ад безнадзейнасці такой
Не прыйдзе дапамога.

І ля душы, ў каторай лёд
Сагрэцца не удасца.
Нявер’е ў высакосны год
Не абяцае шчасця.

А колькі сэрцаў!
Колькі душ
Ратуюць нас ад бедстваў!
Калючкі — не зняважаць руж,
Адзінкі — чалавецтва.

Пачынаецца дзень

Дрыготкае ранне,
Калючая сцюжа,
На покрыве снежным
                віхляюць сляды.
Прамерзлыя,
Нібы зашклёныя лужы,
І людзі, як здані —
                туды ды сюды.

З карнізаў дамоў,
                бы застылыя чары,
Вісіць ледзяшоў
                вастразубы крышталь.
Няспешных машын
                перакрэсныя фары
Павольных сняжынак
                высвечваюць баль.

Дрымотныя дрэвы
                стаяць заінела,
Іх снежныя шапкі
                крыху набекрэнь.
Расхмарыла неба
                абшар свой, віднела,
Рухавасць вакол —
                пачынаецца дзень.

Пакой без вокнаў

Жыццё пражыў,
як розум вёў мяне,
Як ускладнялі шлях
мае пачуцці.
Спакусы віравалі
ў кожным дне,
Ўцякалі ўдачы
кропелькамі ртуці.

Юнацтва —
Безпрасветнае было,
Пакой без вокнаў —
дзе ўваход, дзе выхад?
І ўсё ж надзеі
кволае святло
Мне дазваляла
і ў бязвыйсці дыхаць.

Я марыў,
Марыў,
Марыў — аб усім,
На мары
Не ўплывалі забароны.
Жыццё — дзяўбло,
я ж захапляўся ім,
Быў неўзаемна
у яго ўлюбёны.

Надзея й вера,
і любоў мая
Да ўсіх —
мяне ў юнацтве ўратавалі.

Ў жыцці складаным
не згубіўся я,
Мяне не паглынулі
й лёсу хвалі.

І праўду кажуць —
грош таму цана
Хто не жыве
з жыццём адзінакроўна.
Я за любоў
адораны спаўна
Жыццём —
Надзённым хлебам
І духоўна.

Чорная паласа

Высахнуць не паспела сляза,
А трагедыя новую родзіць.
Чорная паласа
Зацягнулая, не праходзіць.

Апрыходваў боль душу,
Дзе яна, ад каго падмога?
Я у Бога адно прашу…
Не, не зменіць і ён нічога.

26.03.2018

Галоўнае пытанне

Я ўсе пытанні ўплёў
у адно пытанне,
Каб атрымаць за раз
на ўсё адказ.
Адказ на ўсе пытанні — ратаванне,
Якое праўдай ці ўратуе нас?

Бывае праўда горай самасуда,
А самасуд не паляпшае свет.
Ці ўратаваў адказ каго,
што Йуда
Ісусу здрадзіў з-за пустых манет?

І свет разумны не прыдумаў сродку,
Які ад нас пытанне адхіне:
Ці мы ідзём у іншы свет да продкаў
З павагай да сябе?
Ці ўсё-ткі не?

Роздуму пара

Роздуму пара,
Непазбежна ўсіх —
Ўсіх тады
Наведвае людзей,
Калі бурны вецер
Жыццятлуму сціх
І ўляглася ў штыль
Вада падзей.

Урачысты,
Сумны,
Светлы роздум мой
Атуляе
Сэрца спакваля.
Так прыціхлы лес
Стаіць перад зімой,
Так сумуе
Прад зімой зямля.

Колькі летаў, колькі
Праляцела зім,
Ды яшчэ наперадзе
Адна.
Роздуму пара —
Думаць ёсць аб чым,
Роздум —
Як апошняя вясна.

Колькі іх, падзей,
Колькі вас, людзей,
Давялося з кім
Праз лёс ісці.

Колькі за жыццё
Згублена надзей,
Колькі шчасця
Знойдзена ў жыцці.

Роздуму пара,
Будзь са мною, будзь,
Сэрца
Успамінамі крані.
Толькі б у былым
Штосьці не мінуць,
Ў блізкай сэрцу
Той далечыні.

Мы ці яно?

Жыццё — не Алімп,
хоць узносіць высока,
Й ні пекла жыццё,
хоць абрыне уніз.
Ад першага —
І да апошняга крока,
Яно — непрыемны
й прыемны сюрпрыз.

І гэта прымае ўсё
лёс на рахунак,
Дарункі жыцця —
ружы й шышкі на лбе.
А мы?
Ці занадта ўжо мы падарунак
Жыццю-падарунку,
другім і сабе?

Жыццё — не Алімп,
Бо Алімп для абраных,
Для большасці ўсё-ткі,
Жыццё, як плато.
Ёсць месцы, куды
не чакаюць нязваных,
І нават у пекла —
яно нам нашто?

Па кроплі жыццё
прапускаем праз сэрца,
На хвалях яго —
мы то ўверх, то на дно.

Жыццё нам не ўласнасць,
хоць нашым завецца,
Мы ім не валодаем —
намі яно.

І хоць мы ў жыцці
ладзім розныя змены,
Спрыяем ці шкодзім
настрою свайму,
Ніхто з нас не ведае,
Колькі яшчэ нам
Валодаць жыццём
ці ўсё ж намі яму.

Гмахі-гады

Як сябар наўдалы
Знікае з жыцця ў нікуды,
Як хвалі аб скалы,
Лёс б'ецца аб гмахі-гады.

Ўсе нашы намеры
Абнульваюць гмахі-гады.
Адчынены дзверы
Для кожнага з нас
Ў нікуды.

Воз

Нялёгкі ён,
Праблем жыццёвых воз,
Адны скідаеш — зірк! —
        аж поўна новых.
На ім у кожнага —
        свой час для слёз,
І меншы час для радасцяў жыццёвых.

Дыхнеш —
І упрагацца мусіш зноў
Насустрач новым радасцям і слёзам.
О колькі па жыцці наломіш дроў,
Між іншых прадзіраючыся з возам.

Цяжэе воз — і чалавек знямог,
Ледзь тахкае знясіленае сэрца.
І валіцца ён без дыхання з ног,
А воз, праблемаў поўны —
Застаецца.

Два светы

Свет, створаны Богам,
і людзі ў ім Божыя,
І свет, што ўва мне,
што ствараў я старанна,
Яны непадобныя,
нават варожыя,
Два антаганісты,
ім ладзіць складана.

Які з іх галоўны?
І што ў іх галоўнае?
Чаму ў не галоўных
галоўныя ролі?
Свет, створаны Богам,
магчымасці роўныя.
Хоць дзеці мы Бога,
не дасць нам ніколі.

Пытанні адвеку,
шуканні нястомныя
Адказу
на незразумелае гэта —
Свет, створаны Богам,
а ў ім сілы цёмныя
Канец набліжаюць
нявечнага света.

Свет, створаны Богам?..
ў ім шмат дызгармоніі,
Бо шчасце і жах —
не гармоніі дзеці,

Бо глухне
Людская душа ў какафоніі
І сам чалавек,
ў гэтым жудасным свеце.

А што адбываецца
ў свеце, мной створаным?
Парадкі і згода?
Спакой і ўлюбёнасць?
І ён дызгармоніяй
шчодра адораны,
І ў ім супярэчлівых спрэчак
Бяздонне.

Затое не зменіцца
свет мой унутраны
Ад нечай пагрозы
ці ласкі — ніколі.
Ён узбагаціцца
ці будзе разбураны
З жадання майго
па маёй толькі волі.

Куды ногі несці?

Дзе бывае шчасце?
Куды «ногі несці?»
У патрэбны часе,
Ў неабходным месцы.

І душа жывая
У пошукаў блудзе.
А яно ж бывае
Там, дзе нас не будзе.

Са сваім мы лёсам
Штосьці шукаем, скачам.
Шчасце мо пад носам,
Мы ж яго не бачым.

Перасяленне душ

Зіма чакае нас
　　　　　пасля смугі асенняй,
Мы целам — на клады,
　　　　　а вось душа куды?
І нават калі ёсць
　　　　　душы перасяленне,
Нікому б не жадаў
　　　　　сваёй душы-бяды.

Я адпакутваў век
　　　　　без сну і без спакою,
Ў кіпенні хваляў-спраў
　　　　　былі гады і дні.
Нікому б не жадаў
　　　　　жыцця з душой такою,
Бо гэта не жыццё,
　　　　　а кіданні ў агні.

Жыццё — кароткі час,
　　　　　душа свой век бязмежыць,
І не ўсё-роўна нам,
　　　　　што будзе пасля нас.
Перасяленне душ
　　　　　ад нас хоць не залежыць,
Мы ім жадаем жыць
　　　　　у больш прыстойны час.

Быў час...

Я маладым быў,
Сэрцам чэрпаў
З жыцця натхненне —
дні, гады.
І мноства мараў,
безліч мэтаў
Ажыццяўляліся тады.

Што б ні рабіў —
было ўсё мала,
Што б ні пісаў —
браў з сэрца слоў.
Тады яго перапаўняла
Надзея,
Вера
І любоў.

Жыцця майго
быў рытм шалёны,
Імчаў мяне,
Як вецер-конь
І я, каханнем блаславёны,
Гатовы быў хоць у агонь.

Мой лёс імчаў
няспынным лётам
Насустрач вёснам маладым.
Спачатку крок —
развагі потым,
Учынак — а адказ затым.

І не шукаў я
гладкіх, роўных,
Ужо пракладзеных дарог.
Быў час
Адчайных і чароўных
Памылак,
Гульняў,
Перамог.

А сёння —
Чэрпаць дзе натхненне?
А калі нават ёсць дзе —
Чым?
Бо ў сэрцы — прыцемак, зацьменне,
Й паўнютка-поўна
Суму ў ім.

Узнагароды наўздагон

Узнагароджваць
Трэба маладых —
Таленавітых па жыцці,
Рухавых.
Узнагарода
І апошні ўдых
У адзін дзень —
                дакор табе, дзяржава.

А ён ішоў да мэтаў
Напралом,
Пакінуў за сабой
                гадоў алею.
Ён Гулівер у творчасці,
                не гном.
Ах так!
Табе медальку ці дыплом
Чыноўнікі дадуць
Да юбілею.

Ці пакладуць
Запознена ў труну —
Прабач,
У іх нарады і фуршэты.
Пасада
Не залічыць ім віну,
Тым болей, што
Пакінуў свет ты гэты.

Ах, што за чалавек
Быў сярод нас! —
Ва ўсе часы

Кусаюць локці жалю.
А потым і другіх
Праз пэўны час
Жалобна
Наздагон успаміналі,
І у труну
Узнагароды клалі.

Узнагароды
І апошні ўдых —
Чыноўніцтва
І матухна прырода.
Узнагароды…
Хто прыдумаў іх?
Ці ж талент Божы —
Не узнагарода?

Зорачка надзеі

У самай безнадзейнасці адчайнай,
Калі нідзе не дзецца ад яе,
Надзеі промнік,
 як пасланнік тайны,
Як дабрыні анёл выратавальны,
Нам пахіснуцца духам не дае.

Няўдачаў халады,
Інтрыг завеі,
Тугой пятлёй бязвыйсце душыць нас,
А ў чорным небе зорачка надзеі
Высвечвае нам ратавальны шлях.

Мы б без надзейных гэтых памагатых
Не шмат перамагалі ў барацьбе.
Мы зведвалі б радзей
 удачаў святы,
Часцей лічылі б шышкі на ілбе.

Да наступнага юбілею

Вечар цепліцца —
Ледзь-ледзь,
Захад цэдзіць
Ружовасць алею.
Не імкнуся я
Дарыпець
Да наступнага
Юбілею.

Дажыву —
Дык нап’юся ўдым
І засну
Сумнай мордай на блюдзе.
Ах, як радасці
Мала ў ім,
Яшчэ меней
Цікавага будзе.

Юбілей —
Нібы цень на сцяне,
У сучасным —
Мінулага здані.
Смешна.
Ўхвальванні слухаць мне,
Горка будзе
Ўспрымаць віншаванні.

Цераз гэта
Я ўсё прайшоў,
Ўсё было,
Ўсяк было —
Напаміне.

Не успеніцца
Чутым кроў,
Ад вачэй спачувальных
Прыстыне.

Што ж, ад лёсу
Не дзецца нідзе —
Што наперадзе?
Сум?
Святкаванне?
Што гадаць,
Калі курка ў гняздзе,
А яечка ці будзе?
Пытанне!

Жах званка

Я набіраю нумар тэлефона
І слухаю —
Гудкі…
Гудкі…
Гудкі…
Гукаюць то напружана, то сонна,
Імгненні паміж імі, як вякі.

Яны гудуць спалохана, няспынна,
Нервова цісне тэлефон рука…
Спатрэбілася цэлая хвіліна,
Каб зразумеў я
жах свайго званка.

Чатыры месяцы не чуўся з братам,
Яго няма — заві ці ні заві.
А я ж хацеў павіншаваць са святам,
Прывычка гэта назаўжды ў крыві.

23.02.2018

Не дай Бог!

Душы быць вечнай?
Не дай Бог!
Больш лютай кары не бывала.
Пасляжыццёвы некралог
Ёй пры жыцці жыццё складала.

«Ты адпакутвала свой час
Аддана — разам з грэшным целам.
За годам год,
За разам раз,
Прымала ўсё і ўся ад нас,
Ўвесь боль, хоць адпачыць хацела.

Хай цела у зямлі ляжыць,
Яму нішто не дапаможа.
Ты б не змагла без болю жыць,
Засні і ты пад ласкай Божай».

Аджыў і згас

Што́ ёсць свет часовы наш?
Нацый антысімбіёзы?
Фарс трагічны?
Сон?
Калаж?
Ці камедыя праз слёзы?

Шлях наш коўзкі, непрамы,
Накіроўвае куды нас?
Гэты свет, і ўсё, і мы,
Аджываем і — на вынас.

Свет былы аджыў і згас,
Зніклі з ім і тыя людзі.
Колькі нас было да нас…
Пасля нас жа — нас не будзе.

Раскрыў бы Гамлет рот

Спыніць не ўдасца
    матылька нікому,
Імкліва да агню
    які ляціць,
І праз імгненне
    аддае якому
Жыццё…
Адказ на запыт —
    быць альбо не быць?

Праз смерць сказаў ён «быць!» —
І без ваганняў…
Раскрыў бы Гамлет
    ад здзіўлення рот.
Эх, нам бы
    за свае перакананні,
За праўду —
    у агонь, на эшафот.

Нязменнае меню

Дні варочаюцца, як жорны,
Перамолваюць зерне падзей.
Выпякае час сум наш чорны,
Белай радасці хлеб радзей.

І на крайчык надзей,
              як на лаву,
Сціпла месціцца стомлены лёс.
І у думак счарнелую каву,
Замест цукру — гаркоціну слёз.

Ноч ідзе — мала ёй даверу,
Сэрца цешыцца кожнаму дню.
На сняданак і на вячэру
Не мяняецца ўжо меню.

Кансерватыўны густ

Адна мелодыя штогод
Гучыць у нас.
Спяваць развучыцца народ
Праз хуткі час.

За фестывалем фестываль —
Ды свет, як клін
На кожным з іх спраўляе баль
Матыў адзін.

Шмат кампазітараў, ды ў вус
Не дзьмуць яны.
У нас кансерватыўны густ,
Без навізны.

На вякі

Ў маленстве далёкім
        і ў старасці блізкай,
Заўжды за якой надыходзіць зіма,
Я чую, як мама пяе над калыскай,
Хоць зыбкі няма той
І мамы няма.

А той калыханачцы не перашкоды
Падзеі,
Гады,
І бяда,
І нуда.
Яна ў маім сэрцы,
        са мною заўсёды,
Яна для душы, як жывая вада,

Як незамутнёных ўспамінаў крынічка,
Як з мамай пяшчота —
        шчака да шчакі.
Жыццё маё згасне някідкаю знічкай,
А вось калыханка ў жыцці —
На вякі.

Судны час

Мы штогод у жыцці
　　　　ўспамінаем радзей і радзей,
Што зямля нас і корміць,
　　　　і поіць ад веку у век,
Што зямля нам не служка,
　　　　шар Зямны не уласнасць людзей,
Што на ёй —
　　　　кропля ў моры жыцця чалавек.

Што ў жыцці чалавек —
　　　　над прыродай не злосны асілак,
Ён зямлі не ўладар,
　　　　а дзіця, а часцінка яе.
Чалавецтва зрабіла памылку —
　　　　памылку памылак,
Як вампір той, што кроў
　　　　парадзіхіну п’е.

Шар Зямны не пацерпіць далей
　　　　чалавека-пралазу,
Зменіць літасць на кару,
　　　　якую абрыне на нас.
Ой, прыцягне зямля
За вар’яцтва людзей да адказу!
Не міне прагавітых людзей
Судны час!

Сярод продкаў і год

Пячаць майго смутку,
жыцця бліскавіца,
І шчасця імгненні —
не лепшы мой твор.
Жывеш —
І не можаш ніяк надзівіцца,
Як хутка пралог
нам насустрач імчыцца,
І ўжо недалёка —
драўляны убор.

Мінулае душыць
сучаснасць за горла,
А будучыня —
суне ў колы ражон.
І ўсё-ткі жыццё
Не прайшло,
Не памёрла,
Хоць быць ці не быць
час паставіў на кон.

І ўжо ў лабірынце
надзей неласкавых
Губляю кірункі
Дарог-безнадзёг.
І самі мяняюць
каней пераправы,
Якія, й мяняныя,
валяцца з ног.

У думках, у марах,
з нас кожны галёкаў

Мінулае клікаў,
як маці дзіця.
Куды ўсе дарогі вядуць?
Да вытокаў
Маленства,
Юнацтва,
Кахання,
Жыцця.

О родны мой кут,
ты на месцы пачэсным
Ў бязмежжы душы,
сярод продкаў і год.
Я тут, на Радзіме Малой,
Уваскрэсну
І вершам удзячным
адчую узлёт.

Ноч пяшчоціцца

Месяца святло
На начной вадзе
Ззяе, як вясло,
Цемра прэч ідзе.

Соннай рэчкі плыць
Пад лазы кустом,
Зноў казыча лінь
Залатым хвастом.

Пэўна, ў ліня жор,
Не да сну яму.
Руціцца й бабёр,
Перажыў зіму.

А на глыбіне
Сом ляноціцца.
Хтосьці спіць,
Хтось не —
Ноч пяшчоціцца.

Туга

Гадам маім паношаным вядома
Сіл пазбаўленне (восень — не вясна).
Туга ж мая не ведае ні стомы,
І ні бяспамяцтва
Не ведае яна.

Во скула!
Во назола!
Во тырання!
Апошні час прадыху не дае.
Грызе і нудзіць
              з рання і да рання —
І павялічваецца моц яе.

Туга-злыднюга, як старая дзева,
Нібы быльнёг, уссеўшы на раллю.
Вось так ад шашалю
              і парахнее дрэва,
Пакуль зусім не рухне на зямлю.

З чым параўнаць?

З чым можна параўнаць
Расчараванне?
Адказ пытаннем
на пытанне: — Ў чым?
Балючае расчараванне
у каханні,
Калі ні слоўмі —
сэрцамі крычым.

Расчараванне ў сябры
больш балюча
І душы раніць,
і бянтэжыць нас,
Калі наш «сябар»
сябраваў выключна
Для дасягнення выгады —
На час.

Калі мінаюць
маладыя вёсны
І зімка не дае
далей ісці,
Балюча!
Ой балюча!
Невыносна!
З гадамі
Расчароўвацца ў жыцці.

Жыццё —
Ці маладому, ці старому
Наставіць процьму
шышак на ілбе.

Галоўны ж боль —
 не дай Гасподзь нікому
Самім разачароўвацца ў сабе.

Дык з чым
Расчараванню пераўнацца?
Самім з сабою,
 як з бядой бядзе.
Жыццё на свеце,
 ад свайго зачацця
З расчараваннем
Праз вякі ідзе.

Юбілей

Я на гэты юбілей да брата
Не дамоў прыехаў — на клады.
Ах, які б быў сёння стол багаты,
Каб не ўседазволенасць бяды.

Як бы, Косцік, віншаваў цябе я!
Як бы славазвоніў ты ў адказ!
Сёння толькі гэта думка грэе,
А сляпой трагедыі завея
Вые, стогне болем паміж нас.

Думкамі з табой стаю ў абдымку
Тут, дзе вечнасць, дзе твой вечны сон.
Свет пусты — і ты на фотаздымку,
Ды і той, скрозь слёзы, зыбкі ён.

Фотаздымак кратаю халодны,
Гаркату ўспамінаў сумна п'ю.
З круглым юбілеем. брат мой родны —
Незапрошаны я тут стаю.

15.02.2018

ДАВІДОВІЧ
канстанцін
Фёдаравіч
1938–2017

Знаёмства

Яна напачатку аднеквала штосьці,
Дэвіз яго:
«Ўбачыў, прыйшоў, перамог!»
Яе абяззбройваў сваёй прыгажосцю,
Ды ўрэшце, усё усталёўвае Бог.

Яна баранілася безабароннасцю,
Уся яе зброя —
            чароўны пагляд,
Яна «адступала»,
Здавалася з годнасцю,
І гэта ўжо быў
            ледзь прыкметны напад.

Напад быў праверaны
І безадказны —
Далей адбывалася ўсё,
            нібы сон.
І ён, як лічыў сябе,
            рыцар адважны,
Патрапіў да чар
            непрыкметна ў палон.

Эмоцыі і мары

Запал эмоцый не патух, ды ён,
На жаль, ужо не апячэ нікога.
Гады — яшчэ не памінальны звон,
Хоць іх зашмат.
Яны — дарунак Бога.

І мары не пакінулі, але
Ім, знічкам, сёння
значна менш даверу.
І што высока на адным крыле
Узняцца давядзецца —
зноў не веру.

Затое свята веру, што яны
Не схалануць маёй душы абшары,
Жалобы памінальныя званы,
Пакуль са мной эмоцыі і мары.

Рай ці пекла?

Сярод падзей мінулых, дат,
Маіх уласных і дзяржавы,
Я, як музейны экспанат —
Жывы — і гэтым не цікавы.

Малаўцяшальны час сівы,
Скупы на памяці ліміты.
Я — не цікавы, ды жывы,
А потым — не жывы й забыты.

Вось тут што хочаш выбірай,
Пытанні бізунамі секлі —
Альбо з жыцця ў забыты рай
Ці лепш жывым пабыць у пекле?

РАЙ
пекла

Супраць!

Ў залу, паўнюткую
Людам цікаўным,
Сам сацыёлаг
прыйшоў на спатканне,
Пераправеранымі
Метадам даўнім
Здзейсніць,
Правесці сваё апытанне.

Ён запытаўся:
— У час гэты новы,
Ведаць хачу я:
Супраць чаго вы?

— Я дык гандлюю
Зімовым адзеннем,
Голас пачуўся
Упэўнены, звонкі,—
Супраць
Глабальнага я пацяплення,
Дзе тады дзець
Паліто і дублёнкі?

Чуецца голас
Аратара новага:
— Мной выпрабляюцца
плаўкі для пляжа.
Супраць
Перыяду я ледніковага,
Ў іх нават дурань
На снезе не ляжа.

Раптам стары
Сваё «супраць» агучыў,
Выклікаў рогат,
Як кажуць, лячэбны:
— Я супраць секса! —
Сказаў дзед рашуча,—
Лішні ён сёння!
Каму ён патрэбны?

Хтосьці устаў,
Захістаўся, як колас,
Высмаркаў нос свой пунцовы
Ў хусціну:
— Супраць сухога закона
Мой голас,
Я без гарэлкі
Сандалі адкіну.

І сярод гэтага
Шуму і звону
Нехта падняўся
У татуіроўках:
— Супраць парадку я!
Супраць закону!
А асабліва —
Супраць ментоўкі!

Хтосьці прыцішана
З месца прамямліў:
— Супраць я
Дзецям плаціць аліменты!
Хопіць таго,
Што пры дзецях ёсць
Мамы —

Я ні капейкі не дам ім,
Ні цэнту.

Раптам жанчына
Сказала дасужа:
Я, у сямейным жыцці,
Супраць мужа! —

І дадала
Ўсхвалявана і з болем:
— Два трэба сёння мужы,
Нават болей,
Бо сёння муж —
Адна назва, мужчына,
Ёсць ён ці не —
Зразумець немагчыма…

Шмат яшчэ чулася
Сумных, вясёлых
Розных выказванняў,
Згоды,
Нязгоды.
Што ж пры сустрэчы
Адкрыў сацыёлаг?
Супраць — ніхто,
За — як заўсёды.

Немагчымасць

Калі застаецца жыццё за плячыма
І Бог адыходную ставіць пячаць,
Душой разумеем, штó ёсць немагчымасць —
Ні смерці, ні старасці супрацьстаяць.

І думкамі мы, і душой, і вачыма,
Гатовы імчаць у апошні свой бой.
Але натыкаемся на немагчымасць,
Якая наш свет закрывае сабой.

Мы, колісь аматары руху, экстрыма,
Адчулі пасля «нам усё па плячу»,
Як розняцца словы «магу» й «немагчыма»,
Як цяжка развітвацца праз не хачу.

Сабутэльнік

Давай, люстэрка, вып’ем…
Будзеш ты
За сабутэльніка
І суразмоўцу,
Бо я адзін,
пайшлі з жыцця браты
Туды, дзе спяць бацькі
й аднавяскоўцы.

Я наліваю келіх
Свой і твой,
Прыемны мне,
а не табе, напітак.
Ў цябе прашу адно —
насупраць стой,
Ў сабе трывай
нахабны мой адбітак.

Ну, будзь здарова!
Звон ўзаемны шкла
Прыемна далучаецца
да тосту.
Былых застолляў
радасць адгула,
А аднаму «гудзець»
зусім няпроста.

За нас з табой!
Які туман густы
У галаве.
І на душы няміла.

Я зноў кульнуў,
а штось пацееш ты —
А што за запацеласцю
за рыла?

Гані з сябе
адбітак брудны вон!..
Зноў п’ю за нас,
за нас і тост мой палкі.
Я чокнуўся і —
шкла пачуўся звон,
А рыла і люстэрка —
на кавалкі.

Лекі мае

Я сёння не маю
хвіліны ніводнай,
Якая б ад болю свабоднай была.
Мне чуецца покліч
крыві маёй роднай,
Якую святая зямля прыняла.

І я ўсхвалявана да могілак еду,
Што святасць для сэрца
майго набылі.
Вяду там у думках
з мінулым бяседу
І гутару з тымі,
хто спіць у зямлі.

І гэтым душу спадзяюся аблегчыць
І гэтым спадзевам нявечу яе.
Збалелае сэрца —
збалелым не лечаць,
А боль і ўспаміны —
ўсе лекі мае.

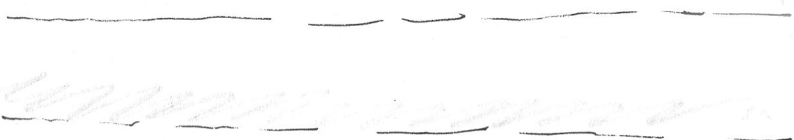
Залатая спадчына

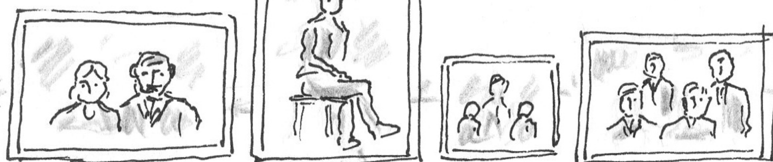
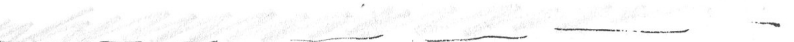
З усяго,
Што маю сёння я,
Сярод мараў збыўных
І нязбыўных —
Залатая
Спадчына мая —
Фатаздымкі родных
Незабыўных.

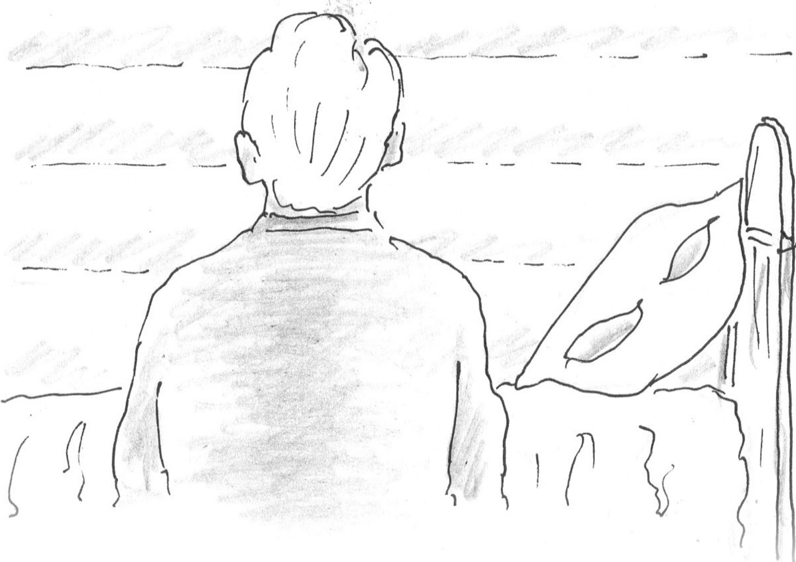
Некаторым —
Пяцьдзясят гадоў,
Рэдкім фатаздымкам —
Значна болей.
Я тулю бацькоў,
Сястру,
Братоў,
Да душы, да сэрца,
Разам з болем.

З імі я —
І ў той далёкі час,
Й не зусім далёкі —
Я між імі.
Атуляла
І яднала нас
Сэрцаў повязь
Марамі сваімі.

Веру і не веру —
Сон не сон,
Ці ж жыццё
Так хутка праляцела?

Міг жыцця,
Такі кароткі ён,
Быў яскравы,
Сёння — чорна-белы.

Рознае мне лезе
Ў галаву,
Ўласны прадчуваючы
Зазімак.
Сэрца з болем
На кавалкі рву,
Гледзячы
На кожны фотаздымак.

Адвечнае змаганне

Прыцягненне…
Ці я к яе? Гравітацыя,
Ўсе намеры прынізіць прагне.
Спробваў
Ўсяк ад яе ратавацца я,
А яна долу цягне і цягне.

Алё ёсць моц
не меней магутная
(За заступніцу дзякуй, Божа)
Хто змагаецца з першай, пакутуе,
Тым з зямлі узляцець дапаможа.

І між імі змаганне адвечнае —
Прыцягненне —
То ўніз, то ў неба.
І між імі — жыццё чалавечае,
І таму, што яно нявечнае,
У натхненні, у крылах патрэба.

Неўпрыкмет

Як імкліва, неўпрыкмет мінулі
Побач з мамай светлыя гады…
Ты пайшла з жыцця,
Мая матуля,
Ўслед мае ўсе святы — назаўжды.

Ты жыла —
І я, жыццём прытомлены,
Адчуваў душою маладосць.
Мне бы толькі ведаць,
што ты ёсць,
Я б не быў сіроцтвам абяздолены.

Доля, ты, без мамы, невясёлая —
Я цяпер —
Як птушка без крыла.
Хай бы — хоць старэнькая,
Нямоглая,
Краталася ледзьве, ды жыла.

Пралятае міма

Беларуская культура —
беларускасцю багатая,
Самабытнасцю адвечнай
і крынічнасцю народнай.
Калі некаму яна
у грудзях нішто не кратае,
Значыць тоіцца «нішто»
у такіх грудзях халодных.

Бескультурнае жыццё
пралятае жыцця міма,
Беларускасць у каго
не ў пашане, ў заняпадзе.
А заробак плоцяць ім
беларускімі грашыма
Й не Расія — Беларусь
іх трымае на пасадзе.

Першая вясна

Першая вясна,
Якую я чакаю,
Не чакаючы нічога ад яе.
І сакавіку з красавіком,
І маю
Сэрца ў захапленні ці пяе.

Першая вясна,
Што для мяне ні значыць
Ні эмоцый, ні пачуццяў — нуль.
Першая вясна,
Якую ўжо не ўбачаць
Родныя памерлыя — адтуль.

Славіць Бога цяжка,
Горка слаць бясслаўе,
Калі ў гэтым ёсць яго віна.
Першы раз вясной
Душою не адтаў я,
Першы раз не грэеш ты, вясна.

Неперможная

Ў жыцці я піў
і піў не мала
Напоі градуснай шкалы,
З сябрамі — да з капыт-павала,
З раднёй інакш — душа спявала,
Гулі святочныя сталы.

О колькі грошай і здароўя
Забраў нячысцік-алкаголь.
Атручваў ім не толькі кроў я,
Я і ў сям’ю закідваў боль.

Мінуў той час загульна-чадны,
Жыву інакш — праз не магу:
Я сёння п’ю напой бясплатны —
Непераможную тугу.

Не бяда

Спатыкнуўся — не праблема,
Паваліўся — не бяда…
Што далей? — вісіць дылема,
Як над светлым днём нуда.

Справа левых, злева правых
Дадаецца пакрысе.
Быць рухавым між рухавых,
Значыць крочыць, як і ўсе.

Хтосьці хілы да магілы,
Хтось самрэч і ў снах лятаў,
Хтосьці ўпаў, запасіць сілы,
Хтосьці і без сіл устаў.

Непазбежнасць

Песні сваёй
Наступіў я на горла,
Лёсу узнёсласць
Складала яе.
Лічыцца,
Што прыжыццёва памёрла
Песня, якую
Ніхто не пяе.

Ах, як гучала
Мелодыя гэта
Звонка і шчыра,
Наіўна падчас.
Спетая, ды да канца
Не дапетая,
Песня маўчыць,
Жар мелодыі згас.

Хоць захаваліся
Сілы для ўзлёту,
Неба настрою
Не прыме мяне.
Рыфмы —
Нібыта змярцвелыя ноты,
Ў прозу жыцця
Безнадзейнасць хіне.

Звон памінальны —
Жалобы прадвеснік,
Сёння да песні —
Трагедый сцяна.

Родных маіх —
Як сааўтараў песні,
Болей няма —
Вось і сціхла яна.

Зносіны сціхлі,
Сустрэчы, гаворка,
Святы сумесныя —
Як не было.
Слухаць вакол цішыню
Сёння горка,
Адгаманіла жыццё,
Адгуло.

Ад адзіноцтва
Не будзе збавення,
Гэты прысуд непазбежнасці —
Жуць.
Як бы хацеў я
Хаця б на імгненне
Песню мінулага
Сёння пачуць.

Тайна

Якую тайну тайн
чалавецтва не раскрыла?
І не раскрые, ні яно,
на жаль, ні кожны з нас.
Чаму вялікі цуд —
жыццё становіцца нямілым,
І нават невыносным
некаму праз час?

Няўжо жыццё ў тупік
вялі гады-манюкі?
Жыў чалавек сабе,
бяды не прадчуваў.
І раптам на сябе
накладваюцца рукі
Тым, хто сваё жыццё
надоўга планаваў.

Адзін трагічны міг —
яго бы пераборацць,
Яго бы пяражыць,
прайсці праз сэрца крык.
І можна жыць далей,
і зноў гады адорацць
Надзеямі на лепшае —
і абмінуць тупік.

О гэты страшны міг,
трагічны і няшчасны
Забраўшы столькі душ
у царства небыцця.

Што прымушае іх
пайсці з жыцця заўчасна?
У іх не запытаць,
яны сабе суддзя.

Шмат тлумачэнняў ёсць:
псіхалагічны крызіс,
Параненасць душы
ці злосць на ўся і ўсіх…
У самагубства ёсць,
на жаль свой катэхізіс,
І тайны, й тупікі —
не разгадаць нам іх.

Ідэалы і п’едэсталы

Юнацтва —
Богам створаны, удалы,
На дзіва светлы,
непаўторны час.
Юнацтва
Вынаходзіць ідэалы,
Ў душы узносіць іх
на п’едэсталы,
Ў таемны свой,
ружовых мар Парнас.

Юнацтву —
І надвор’ем самым шэрым,
Праз хмар заслону
сонца промні шле.
Юнацтва верыць
прывідным хімерам
І ў чалавецтвам
Створанаю эру,
З свядомым чалавецтвам на чале.

Парыў юнацтва
мала зразумелы
Тым, хто сваё юнацтва
здаў ў архіў,
Забыўся хто
На час той дзёрзкі, смелы,
Ў чыёй душы —
павеў, а не парыў.

О, не дай Бог —
з маленства ў сталасць здуру,

І выкрэсліць юнацтва,
Як утыль.
Хто б кінуўся грудзьмі
На амбразуру?
І хто пераўтвараў бы
              ў казу быль?

Дзе нашага юнацтва ідэалы?
Няма —
Іх скінуў пасталелы час
На іх бы месца нам,
              на п’едэсталы,
Ды завысока ўсё ж
              яны для нас.

Прыгожая жанчына

Стаіць перада мной
немаладая дама
Й не «дыянзаўр» —
год сорак усяго.
Не твар — палітра,
розных фарбаў гама —
Навошта тынкавацца?
Для чаго?

Ад чырвані густой
блішчаць не губы — пысы,
І тушы чарната
аж сыпіцца з вачэй,
І сінь вакол вачэй —
і зніклі твару рысы,
Саскубленыя бровы
за нітачку танчэй.

Мы ехалі ў метро,
ў вагоне не крануцца —
Пакуль жывы,
рухавіць Божы люд.
Я, нават каб хацеў,
не мог бы адвярнуцца,
Куды мне вочы дзець —
глядзеў на гэты цуд.

Я разумеў — яна
аб маладосці марыць,
Да прыгажосці прагне
па-свойму «мал і стар».

Але ж яна сябе
              не маладзіць, а старыць,
З-пад фарбаў выглядаў
              усё ж прыгожы твар.

Дзівосны парадокс
              вядомы ўсім адвеку,
Відаць, не ўсім,
              бо не крануў яе:
Адзенне маладых
              старому чалавеку
Падкрэслівае старасць
              і ўзросту дадае.

З вагону выйшлі мы,
              я далікатна, чынна,
Каб не абразіць,
              ёй сказаў за-за плеч:
— Паверце мне, што вы —
              прыгожая жанчына,
Але без фарбаў…
І падаўся прэч.

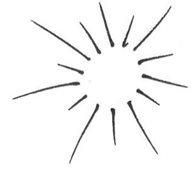
Удзячнасць

— Гэй, дзед!
Што ты паўзеш, як чарапах?
Вышэй вусы трымай,
Не горбі плечы!
Габлюй хутчэй,
А ты — то пых, то ах,
Жыццё імчыць,
Не адставай, старэча!

Айда за мной!
Ды весялей! Лады?
Успомні маладосць,
Як гойсаў лётам! —
Мяне абкрочыў
Хлопец малады,
Махнуў рукой
І знік за паваротам.

— Эх, хлопча,—
Прашаптаў яму я ўслед,—
Міргнеш —
І маладосць не адгукнецца.
І я быў малады,
Цяпер вось — дзед,
Ад старасці й табе
Нідзе не дзецца.

І я з жыццём
Калісьці быў на «ты»,
Цяпер я ім
«Пастаўлены на вушы»,
І скібы спраў маіх,

Гадоў пласты,
Прыціснулі душу
І лёс мой душаць.—

І ўсё ж яму я ўдзячны,
Ён мяне
Крутнуў на міг
Душой да маладосці.
— Няхай цябе хоць
Старасць абміне! —
Гукнуў я ўслед яму,
Гукнуў без злосці.

Галоўнае святло

Мне давялося чуць
настаўніц двух,
Размову іх —
Лепш бы не чуў яе я.
Адчуў — нібы спыніўся
часу рух,
Нібыта ранак назаўжды патух
Й палоніць свет
знішчальная завея.

Я з чутага
Не мала ведаў сам,
Не мала бачу,
Чую, успрымаю.
Парадак — радуе,
Засмучвае бедлам,
Бо хата маёй дзейнасці
Не з краю.

З падслуханага
Я ўсвядоміць мог:
Гнілое ў глебу
кінута насенне,
Чакалі змену,
а прарос быльнёг,
Што згубленае гэта пакаленне.

Што ў вучняў —
зацікаўленасці нуль
Да ведаў тых,
што у духоўнасць рушаць.
І дзівяцца настаўніцы:

— Адкуль
Столькі ў дзяцей
бяздушша й раўнадушша.

Што грошы ў іх —
галоўнае ў жыцці,
І што ў сяброўстве
мала ёсць карысці,
Што лёгка ім
ў такі тупік зайсці,
З якога ўжо
не кожны знойдзе выйсце.

І горка гэта слухаць мне было —
Няўжо святое
ў людзях памірае?
Бо веды, школа —
першае святло,
І, да таго ж —
галоўнае святло,
Якое шлях жыццёвы асвятляе.

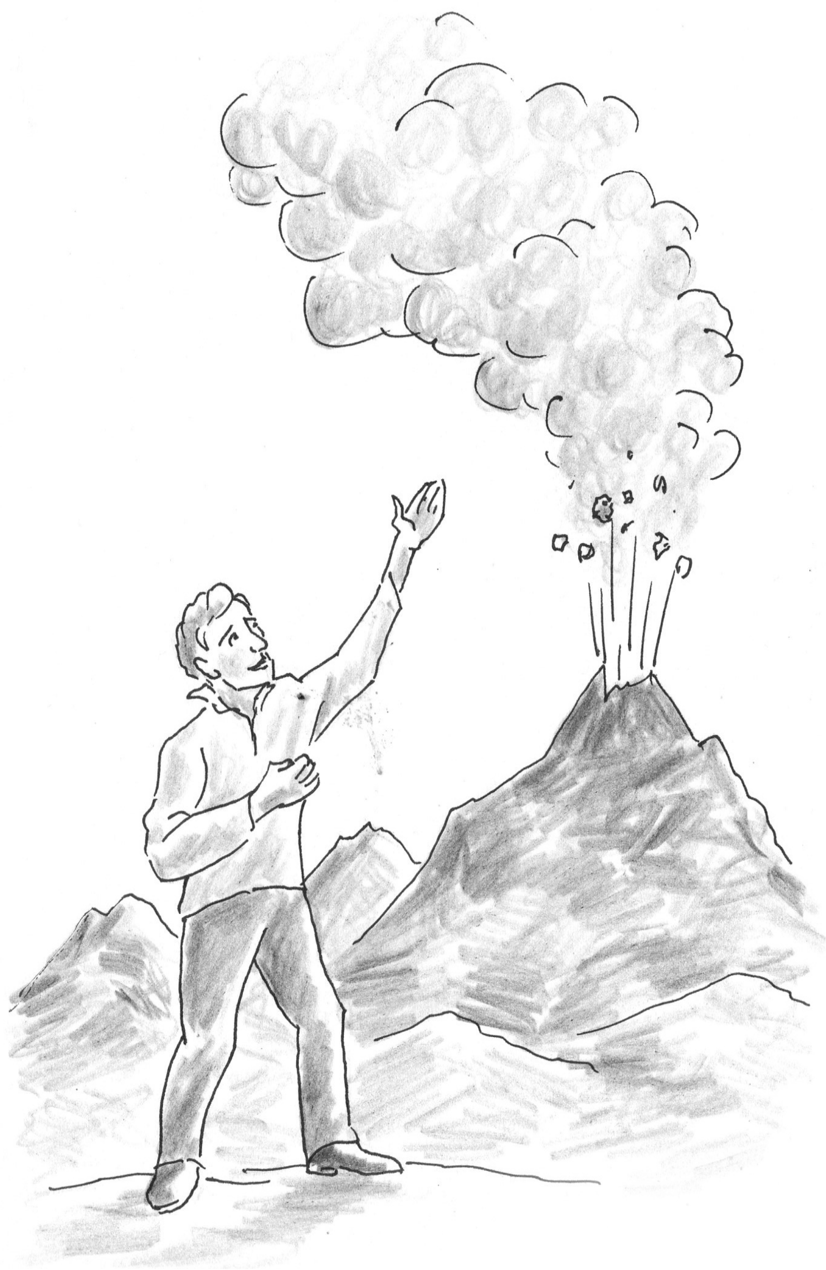
Лягчэй плысці́
куды нас плынь нясе,
Але ў тупік
заплысці можна гэтак.
Настаўнікі, бацькі і мы усе,
Адказнасць кожны
на сабе нясе
За лепшы час,
за будучыню дзетак.

Вулкан

Гарачай лаве цесна
глыбока у зямлі,
Яна бурліць,
шукае выйсце з нетраў.
Калі ўзлютуе жар,
зашкаліць ціск калі,
Гарачым выбухам
імкнецца у паветра.

Вулканаў подых — жах,
як кажуць, іскры з воч,
Зямля салют
ў свой гонар выкрасае.
Каб выбух не змяншаў
падземных хваляў моц,
Ці вытрымала б ціск
кара зямная.

Ў паэтаў, у ва ўсіх,
ў душы вулкан такі,
Не бачны ён
цікаўнымі вачыма,
А бачны ён тады,
калі не з-пад рукі,
А ў свет ляцяць з душы
гарачыя радкі,
Бо стрымліваць
іх націск немагчыма.

Крыўднае слова

Вунь, рэчка ўліваецца ў мора —
І дзе яна ў моры?
Нябачна.
Маленькая ж кропелька гора
Мяняе жыццё — адназначна.

Вунь, хмарка у небе вясеннім,
Вісела і знікла з блакіту.
А пляма на нашым сумленні
Не ведае часу ліміту.

Бывае, сабака чый злючы
Укусіць каго выпадкова.
Параніць душу больш балюча
Атрутнае крыўднае слова.

Пад пятой

Пачуцці — уладар
І мой, і ўсіх учынкаў,
Яны — кіроўцы
самых дзёрзкіх мар.
Яны і мной кіруюць
свавольна, безупынку —
Дык што?
Я сам сябе не уладар?

Выходзіць так…
Адкінем крыўды позу,
У нас, апроч пачуццяў, ёсць яшчэ
Надзейны,
Непахісны,
Безкампрамісны розум,
Што ісцінай па ўсім
з пляча сячэ.

Свяжо паданне…
Ды яно — памылка,
Не той мы прыклад выбралі,
Не той.
І розум у пачуццяў,
як кажуць, на пасылках,
Яшчэ бывае й горай —
пад пятой.

Замыкаецца кола

Замыкаецца кола
　　　　　зямных пуцявінаў,
Што па лёсе мяне
　　　　　ад народзін вялі.
На слабеючых крылах
　　　　　маіх успамінаў
Не ўзляцець у паветра здзяйсненняў
З зямлі.

Ці было ад мяне
　　　　　ў жыццятлуме карысці,
Не упэўнены я
　　　　　ці удзячны хтось мне.
Пэўна, дуб састарэлы,
　　　　　ўвосень скінуўшы лісце,
Не упэўнены, перазімуе ці не.

Мой запал у вачах
　　　　　стаў заглыблена сумным,
Я — узважваю
«Сёння»
І «ўчора»,
Й «даўно».
Я спаткаўся з жыццём
　　　　　засяроджана-думным
І мяне ў невядомасць
　　　　　рыхтуе яно.

Узрадуйцеся...

Няўжо настолькі верш
нікчэмны мой,
І думкі ў ім —
як сярод мора мелі,
А ў ім пачуцці,
як лясы зімой,
Што без птушынай
шчабятні знямелі?

Няўжо няма ў ім
сэнсу і душы?
Няўжо ён прафесійна
нізкай пробы?
Чаму і для каго
мой верш чужы?
Ці аўтар (а каму?)
недаспадобы?

Няўжо памерці трэба,
Сапраўды,
Каб зганьбілі мой верш
ці ухвалілі?
Узрадуйцеся,
я — не малады,
Вы, ў рот вады набраўшыя —
У сіле.

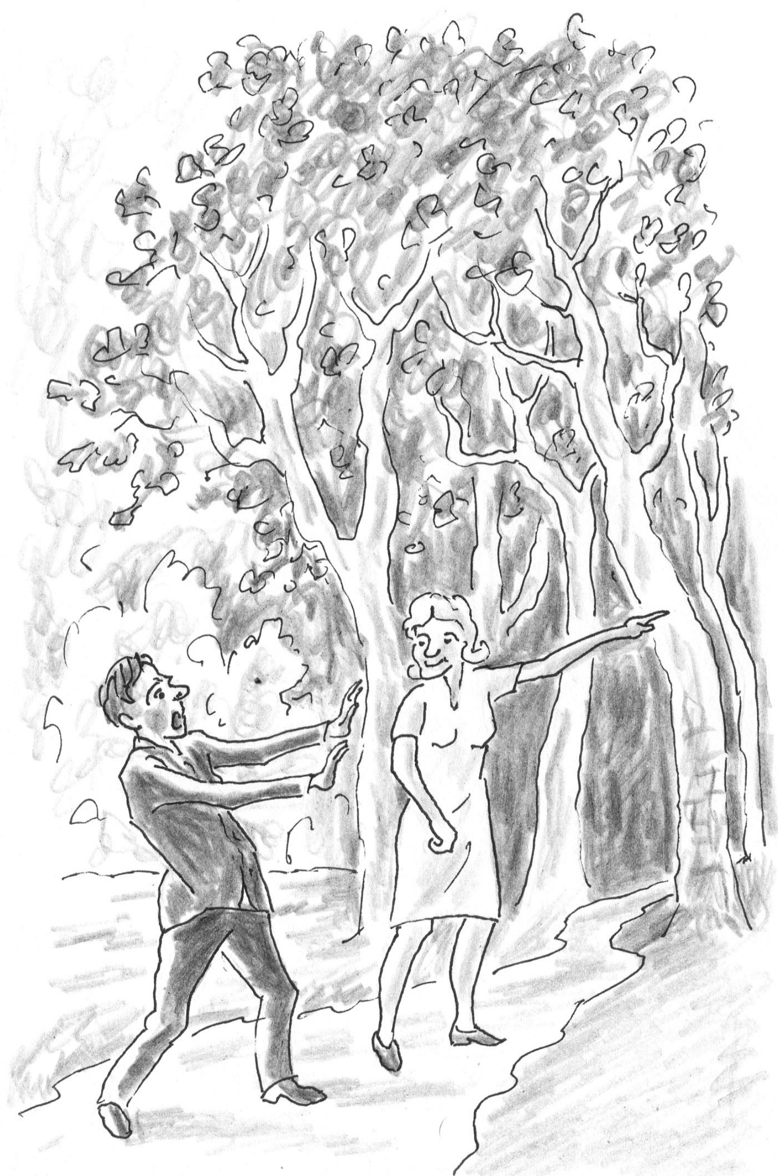

Край зямлі

— Я за табой пайду
на край зямлі! —
Ён абяцаў,
Яна маўчала ў згоду.
Яны, рука ў руцэ ўвячор ішлі,
Ім верылася — будзе так заўсёды.

Ды кажуць жа —
зрабі, не абяцай,
І ў гэтым —
Ад памылак засцярога,
Бо неўзабаве — вось ён,
поля край,
Далей у лес дала нырца дарога.

Спыніўся ён:
— Туды ісці нам? Не!
Там страшна сэрцу,
непрыемна воку.
Яна здзівілася: — Няўжо мяне
На край зямлі прывёў?
Сваё ён гне:
— Лічы, што так,
бо я далей — ні кроку.

Сумны сімвал

Мы ідзём па слядах
папярэднікаў продкаў, пра-продкаў,
Па памылках чужых,
пакідаем свае за сабой.
Ад памылак памылкі — быццам
антыпамылкавы сродак,
Мы ж іх плодзім і брудзім
стагоддзі такою сяўбой.

Нездарма кажуць — тое сажнеш,
што пасеяна будзе,
У будынак без вокнаў не трапляе
ад сонца святло.
І адкуль столькі зла на зямлі,
шчыра дзівяцца людзі.
Сапраўды, шмат яго,
у дадатак — муціруе зло.

І адкуль столькі зла?
Кожны лічыць сябе бездакорным.
А, між тым, зазірніце
на нашы і продкаў клады —
Помнік кожны і крыж падмагільны
зеўруць колерам чорным,
Сумны сімвал стваральнікам…
і прыжыццёвай бяды.

Сярод белых слядоў,
хоць адзін хтосьці чорны пакіне
На здаровай тканіне жыцця —
іх мільёны на жаль з веку ў век.

І дабро непазбежна
пад чорнай стаптанасцю гіне —
Вось ён, носьбіт дабра —
і не толькі дабра, чалавек.

Мы не суддзі сабе,
непрымальнае гэта суседства,
Быць суддзёй і падсудным,
і пры тым, у асобе адной,
Быць анёлам і д’яблам —
і ў гэтым галоўнае бедства,
Што няма вінаватых
там, дзе стогне жыццё пад віной.

Мазаіка мінулага

Гадзіна,
Тыдзень,
Год —
Ў стагоддзях маламеркі,
І нават драбяза
мінулага майго.
Ў канцы жыццё маё —
разбітае люстэрка,
Гады і лёсы родных —
кавалачкі яго.

З кавалачкаў жыцця,
калісьці ціхаходных,
Маланкава сыйшла
ў нябыт уся сям'я.
Мазаіку падзей мінулых,
лёсы родных,
Ў адзінае сабраць
ўвесь час спрабую я.

Гэта мала

Год Малой Радзімы —
гэта мала,
Як і мала цэлага жыцця
Для зямлі, якая ўзгадавала
Кожнага з нас,
як сваё дзіця.

Значыць, толькі год
бацькоўскай хаце —
Святасці душы на ўсе часы,
Дзе лунала калыханка маці,
Дзе гучалі родных галасы?

Намі ўшанавана і любіма
Родная зямля — на ўсе бакі.
З намі кожны Божы год
Радзіма,
Кожны Божы дзень і год —
Вякі!

Хто мы?

За пакаленнем
Крочыць пакаленне
У новае жыццё,
У новы час.
Іх мовы беларускай
Адраджэнне
Хвалюе значна менш,
Чым сёння нас.

Ідуць гады,
А ў сэрцы больш адчаю —
Шлях адраджэння
Коўзкі, не прамы.
Нацыянальнасць
Мова вызначае,
Ка калі мова —
Хто ж такія мы?

Дзіўна!

Вунь гуска —
Бамбавозка па памеры,
Так загагоча —
Вушы затыкай.

А вунь салоўка —
Ён малы і шэры,
Спявае так,
Хоць сам за ім спявай.

Хоць звон прыгожы —
Прыгажэй гучанне.
Шлях Млечны ззяе,
Ды не саграе.

Страшней за смерць
Бог даў нам пакаранне —
Усё жыццё ў мазгах
Насіць яе.

Як дзецi

Дзівосаў розных
Шмат у свеце,
Не знікнуць
Іх запáснікі…
Пісьменнікі,
Яны, як дзеці,
Любяць гуляць у класікі.

Блуканнне

Я раптоўна згубіўся ў жыцці
Сярод гэтай няшчырасці стылай.
Дзе прыстаць мне?
Куды мне ісці?
На зыходзе душэўныя сілы.

Я й раней разумеў не зусім,
Чым я варты?
Навошта я?
Дзе я?
Сёння знічкай над лёсам маім
Безнадзейна згарае надзея.

Ну а вера патухла даўно,
Як юнацтва кароткае ранне.
І цяпер застаецца адно —
Між няшчырасці стылай блуканне.

Я камусьці патрэбны

Адкладу свае справы
Я часова у бок —
Церануўся ласкава
Каля ног мой каток.

Ён ад стрэсаў ратуе,
Дам яму ласунка.
Уявіць не магу я,
Як пражыць без катка.

Колькі шчырасці ў вочках,
Колькі ў іх дабрыні.
Ў жыцці мне каточак
Упрыгожвае дні.

Хтось яго лёс закрэсліў,
Выкінуў кацяня.
Падабраў яго ў лесе
Ледзь жывога ўжо я.

А яшчэ ёсць сабачка,
Гэткі ж шчыры —
Пушок!
Сустракае удзячна
Ён мяне, як дружок.

Ён хвасточкам яскрава
Лёс «апісвае» свой.
Ім выказвае цява
Свой душэўны настрой.

Узаемна мы рады
Жыці, як спарышы,
Без шальмоўства, без здрады,
А душа да душы.

Я б душой быў бясхлебны,
Быў жабрацкі без іх.
Я камусьці патрэбны —
Тут ні зла, ні інтрыг.

Добрая парада

За думкай
Думка новая галопіць,
Чарнее ў вочы
Вечнасці крыло.
Адсумаваць ўсяго жыцця не хопіць
Па тым, што адспявала,
Аджыло.

Параду даў мне
            мой сусед па хаце:
— Што б ні было з табою,
Не гаруй.
На гэтым свеце
            весяліся, браце,
Ну а на тым —
            ляжы сабе, сумуй.

Святасць лёсу

Стомленае сэрца не астыне,
Хоць дзесятак восьмы мой міне.
Як жа ўтульна у старой хаціне,
У бацькоўскай хаце ўтульна мне.

Сэрцу усміхаюцца ласкава
Скрып падлогі, нізенькая столь,
Самаробны стол, а побач лава —
Для крутых сучасных — гэта голь.

Для мяне — бясцэннае багацце,
Святасць лёсу, спадчына мая,
Пераначаваць у роднай хаце,
Дзе нікога з родных, толькі я.

Ўсё мне тут і блізка, і балюча,
Шыбы, што заплакалі дажджом,
Дзверы, што азваліся рыпуча —
Успаміны рэжуць, як нажом.

Тчк

Я, сынок, раскажу…
Бы…
Калі…
Веда…
Оў…
Я тваіх, мама, слоў
 не пачуў, паўтары.
Ад птушынага спеву
 не чулі мы слоў —
Ах, як лес гаманіў
 на вячэрняй зары.

Я да мамы на лаўку
 ў той вечар падсеў,
Каб ёй выказаць думак
 хвалюючых рой.
Сотні, тысячы сэрцаў птушыных
Праз спеў
Падпіралі
Вячэрняе неба сабой.

І штовечар,
Штораніцу,
Поўніўся свет
Непаўторным гучаннем,
 як казкаю лёс.
Цішыню упрыгожваў
 птушыны канцэрт,
Душы,
Думкі,
Зямлю і бязмежжа нябёс.

Сёння ў нашых лясах,
у прыхатнім садку,
Ані птушкі нідзе,
анідзе матылька,
Не пачуць салаўя,
ні пі-і-і, ні ку-ку —
Вось і ўся тэлеграма жыцця —
Тчк.

Колькі часу прайшло,
шэсцьдзесят нейкіх год,
А аглухлі лясы,
а знямелі сады.
Натуральнасць жыцця
рэзка крочыць на звод,
Мы бяздумна кіруем сябе
Ў нікуды.

Сімфонія агню

Зара над лесам,
нібы конь крылаты,
З агністай грывай,
яркай, як агмень.
Ці вечар так
да ночы едзе ў сваты?
Ці так пампезна
дагарае дзень?

Хінуць абшары
да грудзей пашанна
Ружовую прадноčча цішыню.
І слухае зямля зачаравана
Сімфонію нябеснага агню.

Шмат нязгоды

Трэба жыць,
хоць перашкодаў зграя,
Ўсё прымаць —
жалобны стол і баль.
Па жыцці дарога не прамая
І зусім няроўная, на жаль.

Ўсё прымаць — прагматыкі ёсць людзі,
Можа, праўда і на іх баку.
Згоды з Богам у мяне не будзе,
Шмат нязгоды на маім вяку.

Лёс мой — мой!
Прэтэнзій — аніводнай,
Ўсё, што заслужыў,
прымаю я.
Колькі ў свеце
зніклых і гаротных,
За другіх баліць душа мая.

Гарманічны рух

Сучаснасць наша —
хуткасці размах,
Машын —
Як птушак ўзрушаных чароды.
А колісь…
Тут Даўгінаўскі быў шлях
Й гуськом павольна
рухалі падводы.

Падводы!
Коні! Захапляла дух!
У Мінск —
Падвод ланцуг,
Адтуль — сустрэчны.
Колькі ў сабе
павольны гэты рух
Захоўваў
Натуральнасці адвечнай.

Падводаў рып,
Гаворка,
Птушак спеў,
Адно аднаму
не перашкаджалі,
Бо хто што ў словах
ці у думках меў
Усё жыццём
прымалася на шалі.

Той рух падвод
я ў памяці люблю,

Яго гармонію з жыццём
І часам.
Прагрэс тэхнічны сёння —
І зямлю,
І нас усіх
трымае пад абцасам.

І мы імчым
і міма нас імчаць,
Сучаснасць хрысціць нас
нервовай дзягай.
А рэчку, лес, стрынатак, сенажаць,
Сучаснасць не дае нам заўважаць —
І бок жыцця галоўны —
Пазаўвагай.

Часовы сын

Сэрцу мілыя мясціны,
І Карпілаўка мая,
Хутка, хутка вас пакінуць
Буду вымушаны я.

Тут маю душу бязмежыць
За ўспамінам успамін.
Мала ад мяне залежыць,
Я жыцця часовы сын.

Толькі фотаздымкі ў хаце
Зжоўкнуць з часам на сцяне.
Ўспамінай, зямелька-маці
Непатрэбнага мяне.

Вялікая радзіма

Мой родны кут —
Вялікая Радзіма
Ў маім малым,
        заблытаным жыцці.
Ці ж мог я
Ў гэтым змрочным свеце міма,
Міма цябе, асветленай прайсці.

Усёй Зямлі акругласць,
        даляў шырасць,
Збяднелі б без цябе,
        як глухамень,
Бо толькі тут
Адкрытых сэрцаў шчырасць,
Ты для мяне,
Як сярод ночы дзень.

З глыбінь часоў —
        дарога не прамая,
Ты выйшла на прастор жыцця
Сама!
Малых радзім, лічу я, не бывае,
Ці ёсць Радзіма —
        ці яе няма.

Землякам

Ў гісторыі —
Гады й вякі гулі,
Праз іх — шлях чалавецтва
Не кароткі.
Пісалі летапіс
Лагойскае зямлі
І нашы продкі,
        й нашых продкаў продкі.

Пісалі плугам
        на лістах палёў,
Перадаваўся плуг
        ад бацькі сыну.
Пісалі зброяй,
        пралівалі кроў,
Баронячы ад ворагаў
Айчыну.

Кладуцца спраўна
        ў летапіс вякі
Штодзень,
Штогод,
Святочна і будзённа.
Я ганаруся вамі,
Землякі —
Гісторыю вы пішаце
Штодзённа!

Гучыць над краем
        плённай працы гімн,
Жыццесцвярджальны
І сучасна-кідкі.

У ім і сельскай гаспадаркі
Ўздым,
Й тэхнічна-прамысловыя
Здабыткі.

Вы вынік працы,
як душу сваю,
Перадасцё
Нашчадкам працавітым,
Каб гэта праца
ў кожную сям'ю
Вярталася
Заможным дабрабытам.

Квітней, мой край!
Ты гэта заслужыў,
Каб слынным быць
і найпрыгожым ў свеце.
Хто будзе жыць,
Хто тут жыве,
Хто жыў,
Усе, як ёсць —
сваёй Радзімы дзеці!

Геніі і гаспадары

Кажуць, што́ чалавек сябе
Да канца не спасцігне ніколі.
Ён, у гэтай з сабой барацьбе,
Менш асілак, больш — вецер у полі.

Неук — ноч, вундэркінд — святло,
Гэта так — лозунг наш любімы.
Дзе бы геніяў дзець было,
Каб спасцігнуць сябе маглі мы?

Геній — я!
Геній — ён!
Геній — ты!
А каго б за штурвал камбайна?
Хто б цялятам «круціў хвасты»?
Хто б асвойваў станкі адчайна?

Не, хай будзе усё, як ёсць,
Ці пра геніяў нам гута́рыць?
Геній — госць, пры тым — рэдкі госць,
На зямлі не яны гаспадараць.

Спатыкач

Свеціць месяц кожны месяц,
Ноч не кожную, хоць плач.
Тады ногі цемру месяць,
Спасцігаюць спатыкач.

Сонцам крочыць больш прывычна
Да каханай.
Ноччу ўсё ж,
Больш прыемна й рамантычна,
Больш спакойна, да таго ж.

Ні вачэй табе цікаўных,
Ні пляткарскіх языкоў.
Спатыкаюся я спраўна
Цёмнай ноччу, зноў і зноў.

Калі...

Калі падвяў бульбоўнік
І запа́х,
Значыць насустрач
крочыць восень шырай.
І з ціхім сумам
пералётны птах
Задумваецца
Ўсё часцей пра вырай.

Калі на скроні
выпаў першы снег
І стомлен лёс
да сёмага аж поту,
Спыняем бег —
Ў мінулым час уцех,
І мала засталося да адлёту.

Ах, як не хапае...

Шар зямны —
То тут, то там ў агні
Ад гульні палітыканскай нечай.
Ах, як не хапае
              ў нашы дні
Розуму й развагі чалавечай.

Ах, як вельмі проста
              ў нашы дні
Ад прымусу нечага памерці.
Ах, як не хапае цеплыні,
Каб дайшла ад сэрца і да сэрца.

Жорсткасць часу,
Госпадзі, спыні!
Дай надзею, Божа,
              калі можна!
Ах, як часта
              людзі ў нашы дні,
З Богам на губах
              жывуць бязбожна.

Стала меней святога

Год імклівых вадзіца
Родных знесла ў нябыт…
Да каго прытуліцца?
З кім цяпер падзяліцца
Незлічонасцю крыўд?

Крыўды, поўныя болю,
Горкім дзёгцем ў жыцці.
Родным ўсім праз нядолю.
Давялося прайсці.

І ў вайну гаравалі,
Ўсе глынулі бяды.
І капейкі страсалі
Па жыцці ў сацгады.

Спрацаваліся кожны,
Штось усё ж набылі —
Жыць, здавалася б, можна,
Ды няма ўжо калі.

Кожны шчыра й сумленна
Да канца крыж свой нёс.
Ды жыццё праз калена
Гнула кожнага лёс.

Давялося да Бога,
Ў іншы свет ім ісці.
Значна меней святога
Стала ў жорсткім жыцці.

Ах, ты лёс мой, атрута!
І мяне долу гне.
Ўся бязлітасць пакутаў —
Як апошняму, мне.

Нам гады лёсы крэсляць
Без ніякіх умоў…
Цяжка бачыць мне дзесяць
Надмагільных крыжоў.

Сяброўскі шарж

Ён піша шчыра,
Із душы,
Жыццё — на творчай ніве
І Пазнякоў у шалашы,
Як Ленін у Разліве.

...І гэта слаўлю

Што вам сказаць на развітанне?
Да сустрэчы!
Хутчэй, што на старонках кніг,
чым у жыцці
Як ні шкадуй, а век кароткі чалавечы,
Імгненна пралятае ён,
як ні круці.

Шкада, што з вамі мне
не собіла сустрэцца,
Ды веру я, што вы адчуеце й праз час
Ў радках прачытаных
маю душу і сэрца,
Якія шчырай цеплынёй атуляць вас.

Люблю людзей я і жыццё —
і гэта слаўлю,
Я нават менш любіў сябе,
чым Божы свет.
І пад усім, што напісаў,
свой подпіс стаўлю —
Які ні ёсць,
А гэта творчы мой партрэт.

Неўміруча

Пакуль кладуцца строфы на паперу
І промні думак светляць галаву,
І паўнацэнна я жыву, і веру,
Што творчасць
будзе вечна на плаву.

Што ў вечным свеце
будзе вечным слова —
І што? Нічога вечнага няма?
Часова правіць зло
і ноч — часова,
Хіне часова ў сон зямлю зіма.

Гісторыя ласкава і калюча
Пляце з дабра і зла
гадоў вянкі.
Паэзія ж лунае неўміруча
Над прозаю жыцця — вякі!
Вякі!

Люты плюецца

Люты плюецца шматкамі макухі,
Снежнай,
Халоднай,
Калючай, як шрот.
Поўныя вушы выцця завірухі,
Непрадказальныя белыя мухі
Слепяць спаўна, залятаюць у рот.

Снег па калені, як покрыва ваты,
Мусіш нагамі выкручваць фінты.
Дзякуй жа Богу!
Вунь родная хата,
Як паратунак ад белай слаты.

Ляснулі дзверы — сумёты і хібы
Снежнай дарогі цяпер за спіной.
Б’ецца бяссільна мяцеліца ў шыбы —
Мала ёй здзекаў было нада мной.

Бліжэй да ночы

Светлай памяці
брата Косціка

Цябе няма, а я жыву,
Жыццё маё гучыць дакорам.
І я схіляю галаву
Перад табою, наша «ўчора».

Што ні ўспаміны —
боль да слёз,
Што ні ўспаміны —
радасць з сумам.
Ад страты — на душы мароз
І ў сэрцы цесна горкім думкам.

І слёз нявыплаканых соль
Жахліва выядае вочы.
І што ні дзень — цяжэе боль
І гне, і гне бліжэй да ночы.

Усе часы

У вершах —
Ні прыдумак, ні параднасці,
А толькі смех і плач душы жывой.
Ва ўласны лёс ўплятаю лёс сучаснасці,
Сучаснасць у сябе ўплятае мой.

Яны і ні адмоўным не загушчаны,
Й станоўчага у іх не цераз край.
Душу ўплятаю я у лёс мінуўшчыны,
Дзе адгулі надзеі і адчай.

Хвалююць нас праблемы ўсе адвечныя
І кожная падзея, кожны час.
У будучыню зазіраю сэрцам я —
Віват, нашчадкі!
Як вы там без нас?

Супраць пракруста[1]

Я ўчора збудаваў
са слоў палац цудоўны,
А сёння…
Новым словам разбурыў.
Хтось скажа пра мяне:
— Які непаслядоўны!
Навошта ж ты
нам галаву дурыў?.. —

Вунь плотнік дом будуе,
здаецца, спраўна, гладка,
Давёў яго да крокваў,
Раптам — глядзь!
То не да сонца «твар»,
то нізкая асадка,
Нязграбны нейкі…
Перабудаваць!

Ці вунь мастак, які
амбіцыі адкінуў,
Па-новаму зірнуў
на свой «шэдэўр».
І, як лічыў раней ён,
лепшую карціну
Старанна
Перапісвае цяпер.

Дынаміка і ру́х жыцця —
супраць Пракруста,
Ўсіх мераў
Адной меркаю які.

[1] Пракруст — міфалагічны антыгерой.

Мяняюцца ў людзей
　　　　　　і погляды, і густы —
Было так,
Ёсць
І будзе праз вякі.

Паэту, як і ўсім,
　　　　　　мяняцца уласціва,
Пад ціскам часу
І другога «Я».
Мяняецца вакол наш свет,
　　　　　　таму не дзіва,
Што творчасць —
　　　　　　не статычная мая.

Спіне не шкодзіць пот

Ў забытай глухамені,
Дзе горб свой беднасць гне,
Тут Бог — нябесны геній,
У свет пусціў мяне.

Жыцця світанак ранні
Крывавіў нада мной.
Ён быў з выпрабаванняў,
Падораных вайной.

Быў з голаду і жахаў,
З бясконцых чорных дзён.
Выпрабаванняў-гмахаў
Пазней не зменшыў ён.

Заўжды у горы горка,
Шмат хто сустрэўся з ім.
Ды не аб тым гаворка,
Развагі аб другім.

Лепш, каб сказаў аб гэтым
Не я, агульны суд —
Ці можа быць паэтам,
Хто не глынуў пакут?

Хто не капáў глыбока
Часоў падзейных лёс,
Хто бачыў творчым вокам
Уласны творчы нос?

Той, хто старанна блудзе
Навокал «я» свайго,
Салодзенькая будзе
Паэзія яго.

Вядома ўсім —
Без солі
Яда не лезе ў рот.
І ў працы аніколі
Спіне не шкодзіў пот.

Туга святая

Ніщто душу так не вярэдзіць,
Як неба восеньскага плач.
Нібыта ў зааблоччы недзе
Жалобіць рэквіем скрыпач.

І сум з тугою заручоны
Нясе птушыны ўдалеч клін.
Перасядае ком салёны
У горле — і не без прычын.

Бо разам з клінам адлятае
І наш чарговы год жыцця.
І ад таго — туга святая,
І неба плача, як дзіця.

Смутку цень

Калышацца тужліва далягляд,
І неба падсумоўвае яму,
І сонечны брыльянт
ў мільён карат,
За хмарку захінаецца.
Чаму?

І смех чуваць, і музыка радзей,
Натурыўся жыцця сучасны дах.
І стрыманасць пануе між людзей,
Й заглыбленасць мінулага ў вачах.

І зразумела кожнаму, без слоў,
Адкуль ён,
Гэты страшны смутку цень —
Дваццаць другога чэрвеня… Ізноў
Настаў чарговы раз жалобны дзень.

22 чэрвеня 2018 г.

Спрыяльнае надвор’е

На дрэвы сыпе восень пазалоту,
У лёгкі сум ухутаўся абшар.
І сонечную сціплую пяшчоту
Прымае верасень — руплівы гаспадар.

Паветра неастылае, ў блакіце
Празрыста бесклапоціцца пакуль.
У зарасніку дуб, нібыта ў свіце,
Паважны, фанабэрысты куркуль.

Спрыяльнае надвор’е, як удача,
Для працаю напоўненых палёў.
Пачатак восені…
Яна яшчэ не плача
Адлётным развітаннем жураўлёў.

Каласок і зернейка

Кожны з нас прычалены
Да зямлі, дзе родзіцца —
Яблычак ад яблыні
Не далёка коціцца.

Родны кут для нас заўжды,
Як царква для верніка.
Для душы ва ўсе гады,
Як каласок для зернейка.

Тут выток жыцця ўсяго,
Тут душа ўваскрэшана.
Ах, як сумна без яго,
І яму не весела.

Як важна...

Пазарасталі ўсе мае сцяжынкі,
Малечыя, юнацкія — ніводнай.
Шукаю іх, спраўляючы дажынкі
Жыцця свайго —
Тут, на зямельцы роднай.

Вяжу снапы няроўных успамінаў,
Дапамагае памяць-перавясла.
Баюся, каб ніводны сноп не згінуў,
Каб штосьці не згубілася.
Не згасла.

Ляціць адлётны клін
над родным краем,
Як напамін, што восень нікне ўпрочкі.
Мы за жыццё не мала засяваем,
І важна ўсё сабраць,
Да каласочка.

На бязлюдным востраве

Здаецца, і здароўем не абдзелены,
Кроў не псуе і хуткая зіма,
Адгаласілі й майго лёсу шчэрбіны —
Я — жыць жыву,
А радасці няма.

Адзін я, а трагедый шмат —
І хто каго?
Душэўны боль распяў
　　　　святло ў вачах.
Хоць не Атлант,
　　　　а небасхіл жыцця свайго
Трымаю ўсё-ткі на худых плячах.

Жыву я, быццам, на бязлюдным востраве,
Свой лёс то ухваляю,
То кляну.
І непазбежнасць мне
　　　　касою вострую
Дзевятую казыча рабрыну.

Далёкі бераг

Я за жыццё перапаліў не мала
З мінулага мастоў,
нібы хлам'я.
А аказалася —
ля першага прычала
Застаўся там, больш натуральны я.

Душу бяскровіш і душу бяссловіш
Адсутнасцю першакрынічных слоў.
Ў маім мінулым я —
ды не адновіш
У першароднасць спаленых мастоў.

Так і іду я —
ўсё грудзьмі наперад,
А вочы сэрца —
ўсё глядзяць туды,
На той далёкі, ледзьве бачны бераг,
Дзе я больш натуральны, малады.

Аўтарскія рускамоўныя вершы 2018

Заклинание

О как же жизнь людская скоротечна,
Неудержно летят года и дни.
Пускай звучит
В молитве каждой вечно:
— Храни, Господь, своих детей!
Храни!

Жизнь коротка,
Но делает короче
Ее порою случай-лиходей.
Не торопи явленье вечной ночи,
Храни, Господь, людей!
Храни людей!

Людей подстерегают все несчастья —
Болезни,
Войны,
Западни интриг.
Храни, Господь, храни своею властью,
Жизнь каждого из нас —
Счастливый миг!

Разменная монета

У жизни —
С неизбежностью родство,
Как и у смерти —
        с неизбежным горем.
Мы ощущаем жизни торжество,
В конце же —
        с неизбежностью не спорим.

Мы рады жизни,
        жить коль суждено,
Ликуя, плача ли —
        живем вохоту,
Бессмертие придумываем, но
Мы платим неизбежностью по счету.

Жизнь ранит —
        мы ж зализываем швы,
Поем, что наша
        песенка не спета.
Мы су́етны, активны —
        но, увы
Всё это —
Лишь разменная монета.

Хоть ночь черна

О как претят слова мне:
«Ангел смерти»
Иль «Падший Ангел» —
бред со всех сторон.
Что есть такие Ангелы —
Не верьте,
Есть Ангел, наш хранитель —
Только он!

Есть у святых святое лишь начало
И вера,
Что всегда к добру вела.
О до чего ж кощунственно б звучало:
«Бог смерти»
Или «Бог беды и зла».

И Ангел наш, и Бог —
наш свет бесспорный,
Который светит нам,
хоть ночь черна.
А свет — он только светлый,
А не черный,
И этим Вера в светлое сильна.

Золотистые пчелки

Ночь прильнула к земле…
Тихо,
Птицы уснули.
И лесам, и полям
сны волшебные снятся.
Полнолунье…
Луна, как торжественный улей,
Из которого звезды
по небу роятся.

Золотистые пчелки
луг вселенной обшарят,
Перемигиваясь
Над земным нашим шаром.
Серебристой пыльцой
Млечный Путь их одарит,
Мир галактик других
их одарит нектаром.

Человек, глядя в небо,
небыль делает былью,
За мечтою стремится
в небесный простор.
Человек не сдается —
совершенствует крылья,
Чтоб познаний и тайн
совершить медосбор.

Дорогого стоит

М. В. Мясниковичу

Есть люди мудрые в стране,
И для любой державы счастье
В том, что достойные оне,
Наделены реальной властью.

Их вклад в прогресс неоценим,
Их опыт дорогого стоит.
Как нé быть благодарным им —
Один родник, а многих поит.

Они, как правило, скромны,
Их «я» услышите едва ли.
Но жизнь свою в судьбу страны
Делами важными вписали.

Спасительный круг

Как будто сам себя
беру я на испуг:
— Ты много не успел!
Ты сделал слишком мало!
Но Муза, ангел мой,
спасительный мой круг,
Расслабиться и плыть
по ветру не давала.

И если я ослаб,
не по моей вине,
И если я вздремну,
она настырно будит.
И плетью пригрозит,
сулит и пряник мне:
— Присядешь отдохнуть,
привал последним будет.

И вновь перо в руке,
и льнет к бумаге ночь,
И заполняют аркуш
образные строки.
И вновь я в мире грез,
и снова отдых прочь,
И предо мною мир
неведомый, далекий.

Спасительный мой круг
со мною на плаву,
Пока перо в руке,
мир возрастом не сужен,

Пока во мне слова
роятся — я живу,
Мне нужен этот мир,
пока ему я нужен.

Но я устал…
Устал…
Боюсь покой навлечь.
Я всё еще иду,
увы, не семимильно.
Спасительный мой круг
дает тихонько течь,
И пряник — ни к чему,
боюсь, и плеть бессильна.

Читай стихи

Вновь вечер наступил,
к возлюбленному снова
Она с мольбою,
Полною огня:
— Знакомы столько мы,
ты о любви ни слова,
Ведь вижу я,
что любишь ты меня.

Неужто холодна с тобой
или строга я,
Ведь есть слова,
без коих в сердце мрак
Зачем ты то таишь,
что жду, изнемогая,
И, замирая,
Не дождусь никак.

Когда она придет,
счастливая минута?
Молчанием надежду не губи.
И если ты молчишь
упорно почему-то,
Но я молчать
Не в силах о любви.

Прости, возможно, первой
девушке зазорно
Прокладывать
К вершине счастья путь.
Я высказала все
и жду ответ покорно,

И если что не так —
Не обессудь.

Услышала она,
давно что ожидала,
И что не ожидала —
Заодно:
— Я первым о любви сказал,
ты опоздала,
В любви признался первым —
И давно.

Что связаны с тобой
любви незримой нитью,
Что нам поют весною соловьи,
О том, что без тебя
уж не могу прожить я —
Ведь я поэт,
Читай стихи мои.

Дарвин прав

Если, Боже, прочтешь эти строки —
Прости!
В них виновен лишь я,
не ищи виноватых:
Перепутали волосы,
где им расти,
Оттого столько лысых
и тьма бородатых.

Уж не бал ли справляет
меж нами чума
И безвкусицу делает
модой бесстыже?
Говорят, что лысеют
мужи от ума,
Отчего же тогда
волосеют пониже?

Спрятан в каждом из нас
свой кураж, свой изъян,
Быть собою — престижно,
кому-то — зазорно.
Дарвин, кажется, прав,
все мы от обезьян,
Ну а если не все,
то мужчины — бесспорно.

Равный среди равных

Среди неравных
Равным не был я,
Хоть превзошел иных
		в большом и малом.
Когда же жизнь
Закончилась моя,
Теней Хозяйка
		всех нас уравняла.

О сколько здесь
Чинов без должностей,
Без той «весомой»
		кабинетной спеси.
Испорченные спесью
До костей,
Они, вернее прах их,
Мало весит.

И мало значит
		гонор прошлый здесь,
Как, впрочем,
		и при жизни значил мало.
«Горизонтали»
В «вертикалью» спесь —
Что здесь!
И в жизни мало волновала.

И в жизни…
Им казалось, что они —
Над истиной,
Над творчеством,
Над вечным.

Теперь мы все —
навечно здесь, в тени —
Таков итог
всего и вся конечный.

Теперь мы здесь?
Не с вами я, не тут!
От жизни я устал
Неравноправной.
На сельском кладбище
нашел приют
Я средь сельчан —
как среди равных равный.

Отточенный скальпель

Поэзии не быть
овцою в волчьей шкуре,
Поэзия, она открытостью сильна.
Служить стихи должны
ни власти, ни цензуре,
А истине святой,
над нами лишь она.

А истину извлечь,
как будто клад зарытый,
Хоть истина порой
мешает кой кому.
Ведь мы же на врача,
за наш недуг, им вскрытый,
Обиду не таим,
признательны ему.

Приносит пользу стих,
когда в нем образ точен,
Строка «не в бровь, а в глаз»,
для дела не беда.
Ведь даже скальпель — он,
когда остер, отточен,
В руках врача
больным не причинит вреда.

Пьедестал

Подумаешь… зарифмовать слова…
И я могу! — изрек небрежно кто-то.
Но тот, кто так сказал, поймет едва,
Что стих сложить — нелегкая работа.

И прежде, чем творить над словом суд,
Не лишне знать фигляру слов нелестных:
Поэзия — неимоверный труд,
Пожалуй, самый тяжкий из известных.

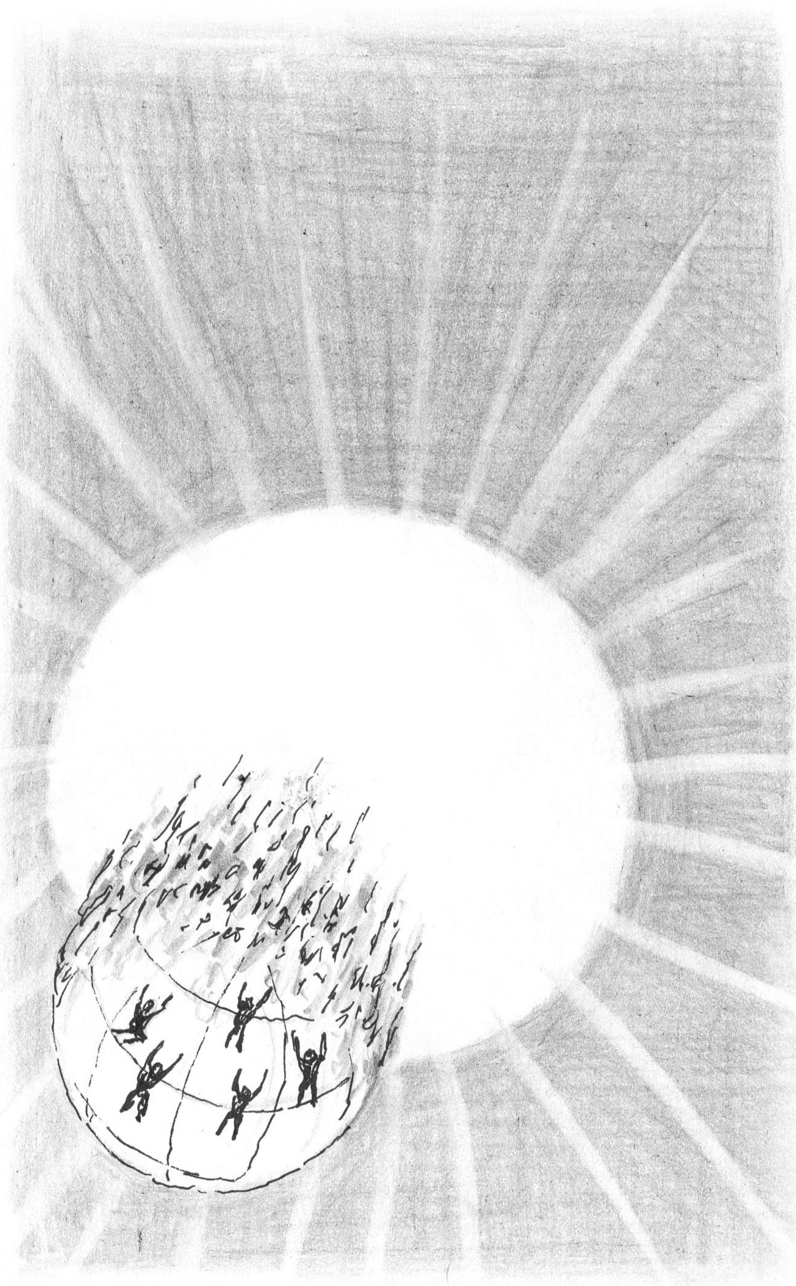
Я вкладывал в нее души запал,
Насколько Бог позволил, смысл высокий.
Да что такое — я не досыпал!
Да что такое — чувств девятый вал!
Я жизнь вложил в написанные строки.

Дотошно я страницы лет листал,
Стараясь быть, как бы сказали — в теме.
Из книг мной создан только пьедестал,
А памятник пусть доваяет время.

Короткий срок

Через каких-то
пять мильярдов лет
Гигантом агрессисным
солнце станет.
Оно наш шар земной
к себе притянет
И поглотит…
Был шар земной — и нет.

О будущего неизбежный рок!
О обреченный мир —
ты плакать вправе!
А мы мечтаем о какой-то славе…
Зачем она на столь
короткий срок?

Небо, вот оно...

Бог для всех открыт —
Молитесь!
Небо, вот оно —
Над нами.
Мы же,
Как былинный витязь
Ищем раздорожный камень.

Что же выбрать?
Влево?
Вправо?
Может прямо?
Так короче.
Влево — деньги,
Вправо — слава,
Прямо —
Ближе к вечной ночи.

Много тайн —
Не только в сказке,
В жизни —
Их побольше будет.
Указатели-подсказки
Ждем
На перекрестках судеб.

Безмолитвенно,
Безбожно,
Меркантильствуем прилежно.
Деньги,
Слава —
Ненадежны,

Прямо
пойдешь...
Налево
пойдешь...
Направо
пойдеш

Ночь, в итоге —
Неизбежна.

Выйдя на свою дорогу,
Умудренные годами,
В мыслях
Помолитесь Богу,
Небо, вот оно —
Над нами.

Пробил час

Неужто час придет, переступлю межу
Незримую, но страшную, и я себе скажу:
— Ничто не нужно сердцу моему,
Мной интерес потерян ко всему.
От цели,
От мечты,
От песни,
От рассвета,
От осени,
Зимы,
И от весны,
От лета
И даже от любви, спокойно
ОТРЕКАЮСЬ!
Знать пробил час прощанья моего,
Пора туда, где нету ничего.

В пути

Собой заполнил я
судьбы своей же нишу,
Не всё вписалось, жаль,
в сей непростой проем.
И стон души своей
сегодня я лишь слышу,
Поскольку мир оглох
и в мире мы вдвоем.

Сегодня мне тесно
в незримой оболочке,
Раздвинуть силюсь я
судьбы упрямой твердь.
Еще кипит душа
в кипенья высшей точке,
А в точке замерзанья,
внизу маячит смерть.

Я силюсь обуздать
злой рок, всегда опасный,
Хоть он меня теснит,
я милости не жду.
Но кто-то, не спросясь,
меня тормозит властно,
То время на меня
набросило узду.

Мы все, в мои года
вступаем в бой неравный,
Кто верует в себя,
тот с шашкой на коне.

Уж лучше пасть в бою,
чем ждать конец бесславный —
И в этом даже смерть
на нашей стороне.

Пусть рок трубит «отбой»,
не поведу и ухом,
Я все еще в пути,
коль суждено идти.
Слегка я подустал,
зато не сломлен духом,
Я принимаю вызов,
кто б ни был на пути.

Крылья ночи

Я через лес иду,
В ночи сова хохочет.
Темно, как на беду,
Лишь только крылья ночи.

О страх мой!
Прочь его!
Путь напрямик короче.
Не вижу ничего,
Одни лишь крылья ночи.

Хотя б просвет найти,
Что б глубже в лес не сбоить.
Но на моем пути
Лишь крылья черной ночи.

Привыкнуть не смогли
К такому мраку очи.
И рядом, и вдали,
Повсюду крылья ночи.

Внизу, вверху роса,
Насквозь, до нитки мочит.
И даже небеса
Затмили крылья ночи.

Неужто заманить
В капкан свой
леший хочет?
Надежды робкой нить
Терзают крылья ночи.

А может на меня
Здесь кто-то зуб свой точит?
Эх, жалко нет огня,
Спугнул бы крылья ночи.

Но вон. видна едва
Заря, что день пророчит.
И смолкла вдруг сова,
И тают крылья ночи.

А вон и отчий дом —
Так значит не блудил я.
И золотым руном
Сверкают утра крылья.

Захватывает дух

Березовая роща,
Ивняк,
Сосновый бор,
Дубы, осины, вербы,
ели, клены.
Как можно в вашу плоть
взять и вонзить топор,
Когда вы на корню
порой зеленой.

Чтоб вам такими стать,
десятки лет росли,
Кто семьями,
а кто — поодиночке.
Животворящий сок
вы брали из земли,
Даря его весною
каждой почке.

Ах, до чего же сень
приветливая тут!
Живительная тень,
бодрящий душу воздух.
Здесь птичья щебетня
нашла себе приют
И тот, кто с топором,
нашел здесь отдых.

Вершины в облаках —
захватывает дух,
И с каждым годом, вы
всё выше, выше.

Напев зеленых крон
всегда ласкает слух,
И кажется, что небо это слышит.

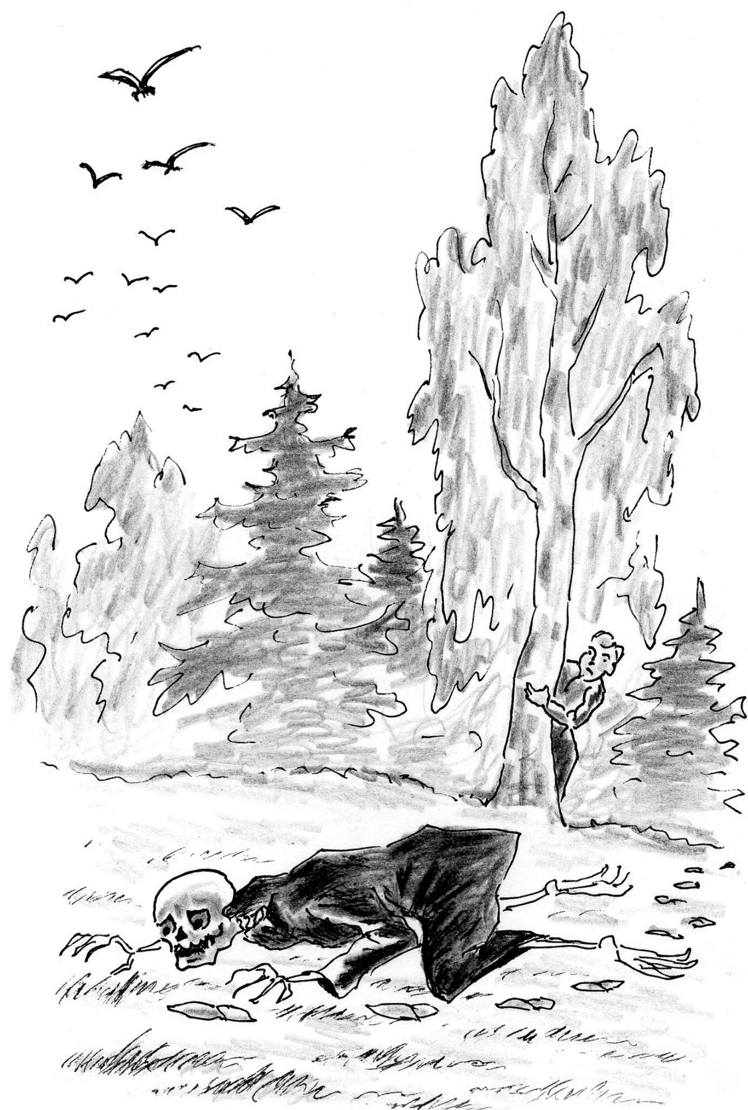
Под ваш напев я рос
и с ним в душе умру,
Я рад вас видеть,
прихожу к вам снова.
Заздравье вам пою,
проклятье — топору,
Мир вам, друзья —
Друзья всего живого!

Потерянный след

Неужто смерть я обманул случайно,
И долго так живу я потому.
Ведь есть я или нет —
для смерти тайна,
Вокруг не «вира» слышал я,
А «майна» —
Так имени кричали моему.

И затерялся я среди кричащих,
Теперь я среди строф
и рифм живу.
В союзах творческих,
как в непролазных чащах,
Нет моего следá…
Где я?
А-у-у!

В сих чащах нет
ни истины, ни друга,
Для всех там и меня
Как будто нет.
Вот почему
старуха-смерть — хитрюга,
Среди возни
мой потеряла след.

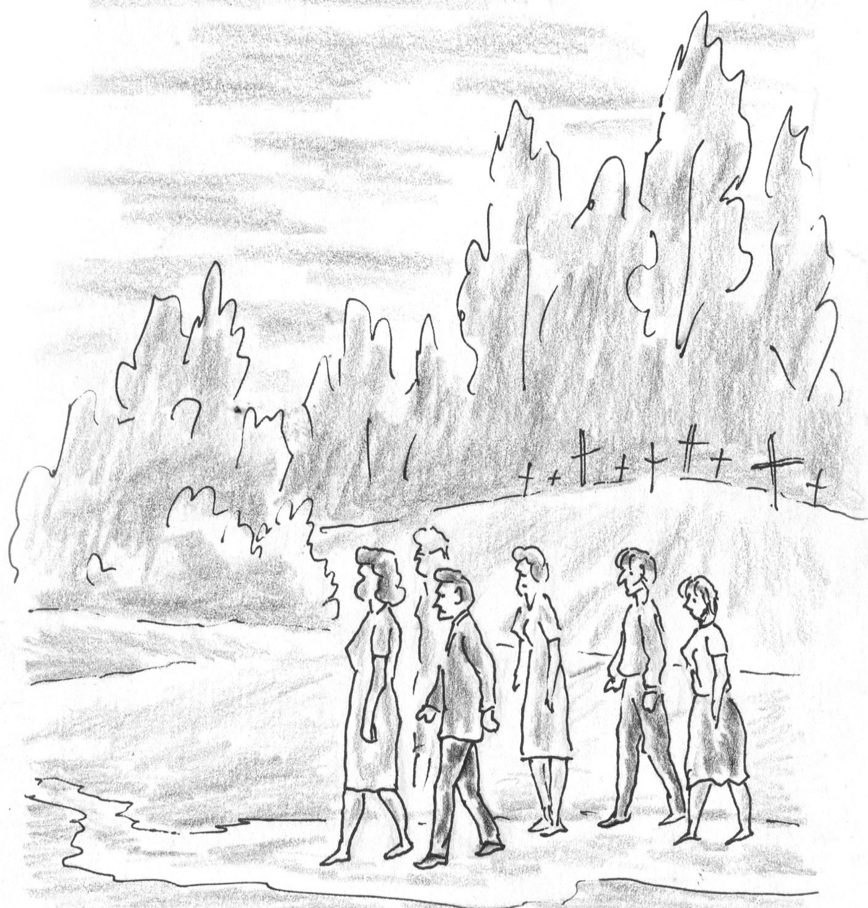
Дорога вдоль могил

На кладбище меня
ведет святая память,
Здесь у родных могил,
с ней часто мы стоим.
И представляю я,
и не могу представить
Здесь каменной плиты
с надгробием моим.

Вот мама и отец
покоятся здесь с Богом,
А рядом…
Рядом я избрал себе приют.
Здесь рядом с ними лечь
своим считаю долгом,
Хоть знаю, что они
совсем меня не ждут.

— Живи, сынок, живи! —
сказала умирая,
Мне мама, как завет
родительской души.
А позже и отец,
наказ сей повторяя,
Напутствовал:
— Сынок, за нами не спеши…

Дорога вдоль могил
мне с юности знакома,
Хоть лёг на грудь ее
бесчувственный асфальт.

Я сотни, сотни раз
ходил по ней из дома,
С девчатами, с друзьями —
на танцы и назад.

Их многих нет уже,
ровесников задорных,
С кем распевали песни
безоблачно, светло.
Теперь же, вместо них,
скопленье мыслей черных,
И молодость, и жизнь,
всё в прошлое ушло.

Рожденным после нас
жить нынче интересней,
Я — прошлое уже,
я тихо ухожу.
Другая молодежь
пускай пройдет здесь с песней,
Не думая о том,
что здесь и я лежу.

Измена

Все!
Все мне в этой жизни
Изменили,
Ни на кого покласться
Не могу.
Я статен был,
в неистощимой силе,
Теперь же стать
сгибается в дугу.

И силы покидают,
как молодка,
Брезгливо оставляет
Старика.
Вот так —
Неуправляемую лодку
Швыряет,
Крутит
И несет река.

Что ж, все мы машем
на прощанье силе,
Не дремлет старость,
злобная кума —
Залысины
Мой лоб и укрупнили,
Но этим
Не добавили ума.

Всё, что уплыло,
не вернешь обратно,
Прощаемся

И с самым дорогим.
Мне стала память
            изменять внезапно,
Жену назвал я
            именем другим.

Она меня спросила:
— Неужели
Есть кто-то у тебя
На стороне?
Я б рассказал ей
            о чужой постели,
Но что-то память
Изменила мне.

Был каждый прав

Важнее даже игр
казались наши споры,
Хотя не важен был
для нас итог,
В котором —
Примиренья,
Разногласья,
Ссоры,
Их вспомнить через день
никто уже не мог.

Но каждый лез в пузырь,
в ошибках утопая,
И каждый свой
превозносил «устав».
И горячились мы,
ни в чем не уступая,
И каждый был не прав,
и был бесспорно прав.

Бурлило детство так
в ватагах, не смолкая,
Своя в том прелесть,
жизненный задор.
Мы, словно воробьев
взъерошенная стая,
По случаю и без
вели свой жаркий спор.

И в этой кутерьме
эмоций хаотичной.

Плохое
Утаиться не могло.
В страстей кипеньи,
            в суете публичной,
Бурлила искренность,
            не приживалось зло.

Из повзрослевших нас,
            идущих молча в осень,
Не фонтанирует
Эмоций попурри.
Мы сдержаны, увы,
            в себе мы чувства носим,
Что за душой у нас —
            попробуй разбери.

Талисман

Хранит меня мой талисман,
Мой быт, мой сон, мои желанья.
Отягощает мой карман,
Но облегчает выживанье.

Мне талисман не Богом дан,
Его купил я за монету.
Ты нужен мне, мой друг наган,
Как вдохновение поэту.

Мир нынче алчен и жесток,
Но ты не подведешь, дружище.
И ты не будешь одинок,
Ведь я, ступая за порог,
Припрячу нож за голенище.

Таинственность и мы

Небесный свод ночной
зажег созвездий блики,
Не счесть холодных звезд,
для нас они мертвы.
Величественен он,
ночной шатер великий,
И миллиарды лет
безмолвствует, увы.

Посмотрим в небо мы
и в сердце станет чище,
И душу озарит
надеждой звездопад.
Но что мы в мире звезд
высматриваем, ищем,
Как будто манит нас
оттуда чей-то взгляд.

И эта тишина
волшебной звездной ночи
И бесконечность тайн
вглуби межзвездной тьмы.
На звезды смотрим мы,
как будто очи в очи —
Мы — и далекий мир,
таинственность — и мы.

Настоящее?..

Ничто, как известно, не вечно,
Ни моды, ни нравов течение.
Меняется жизнь скоротечно,
И люди в ней — не исключение.

Мы в будущем прошлое ищем —
Подсказывает подсознание,
Что прошлое дней наших чище,
Духовнее, натуральнее.

И я сокрушаюсь всё чаще,
В душе — состоянье щемящее:
Я вынужден жить в настоящем.
Оно — не совсем настоящее.

Муравейник

Явился в мир
Фантаст-затейник,
Ни к нам на землю,
В небеса.
Оттуда крикнул:
— Чудеса!
Какой огромный
Муравейник!

Их миллионы!
Миллионы!
Но что там?
Это же Содом!
Они попрали
Все законы
И тащат всё
Не в общий дом.

Нет!
Муравьям так жить
Негоже!
Им бы
Исправиться скорей.
Теперь же
Все они похожи
На первобытных
Дикарей.

За вас мне,
Муравьи, обида! —
Фантаст выкриквал
С высоты.—

Вы все —
Зачаточного вида,
Цветочки вы,
А не плоды…

———

Да, мы в своем развитьи
Блудим,
В зачатьи мы,
Вне всяких слов.
И далеко покуда
Людям
До совершенных
Муравьев.

«Да» и «нет»

О как несовместимы
«Да» и «нет»…
Он был беднее бедности
Вначале,
Он пел, вплетая «да»
В любой куплет,
Но — «нет!»
Все обстоятельства кричали.

Как много гибнет
В юные лета
Того, чему негоже
Быть в опале,
Того, по праву что
Вмещает «да»,
Но что не допускает «нет»
Вначале.

И вот с годами
Он богаче стал,
И бедность ныне
У него в опале.
«Презренный» даже
Заимел металл,
Но снова «да» и «нет»
Пред ним предстали.

Он может «да» сказать,
Возможность есть,
Но «нет» плюет на то,
Что он богатый,

На «да» его —
Всех «нет» не перечесть,
Обидно —
Он ни в чем не виноватый.

Лет равнодушных
Катит череда,
Над нами стопроблемно
Нависая.
Мы все проходим
Через «нет» и «да»,
Событий локти
Мысленно кусая.

Неровности

Пестрят неровностью,
абстрактностью окрестности —
Равнины,
Рощи,
Перелески,
Рвы.
Я — верноподданный
возвышенной словесности,
Бывает — невозвышенный, увы.

Везде, во всем гармония?
Условности!
Жизнь — вверх, то вниз,
как лодка по волнам.
Ломают ноги нам
земли неровности,
Хлад чьи-то душ
калечит души нам.

Жилища тощие, а рядом —
«чаши полные»,
Но надо ль на неровности пенять?
Построив равенство,
мы все-таки не ровные —
О, не дай Бог,
во всем нас уравнять!

Весна любви

Я верил. что важней
всего любви весна,
Когда был молод,
счастлив, беззаботен.
Увы, любви весна,
не вечная она,
Она уходит, наступает осень.

Приветствую любви
осеннюю пору,
Она намного чувствами богаче.
И день мы второпях
встречаем поутру,
И лишь прожив его,
как принято в миру,
Осмысливаем взвешенно, иначе.

И всё ж весна любви
и осенью живет
В сердцах, поступках и воспоминаньях.
А зрелость наших чувств
не завершает год,
А отдаляет зимних холодов приход
И неприятных заморозков ранних.

И вновь о том же...

Вот говорят:
— Долой из глаз —
Из сердца вон
И точка.
Но память возвращает нас
В «архив» без проволочки.

И тот архив —
Минувших лет
В душе бередит раны,
Да так —
Что просто клином свет,
Огромный,
Богом данный.

Но память наша —
Враг и друг,
Безбрежна и бездонна.
Вновь говорят:
— На всё вокруг
Смотрите отстраненно.

Как отстраниться можно от
Весны,
Всего прекрасней?
Как можно
Двигаться вперед,
Не помня день вчерашний?

Там —
Голоса родных, друзей,

Событья,
Даты,
Лица.
И эта боль — во мне,
Я — в ней,
И от нее не скрыться.

Питают памяти свечу
Прошедших лет мерцанья.
И хоронить я не хочу
Свои воспоминанья.

Благословил не Бог

Есть власть,
Которую пытались побороть
Все смертные земли
        из века в век.
Но тщетно…
Эта власть над всеми — плоть,
Точнее —
Плотские утехи, чары нег.

Сводил с ума
Умы умов прекрасный пол,
Теряли всё,
Кто был в исчадье зла влюблен —
Священники за ад —
Святой престол,
За попранную честь,
        цари — свой трон.

И приносились в жертву
        тысячи судеб,
Хоть эту власть
        благословил не Бог.
Вкус низменных страстей —
        на вкус не хлеб,
А похотливостью
Отравленный пирог.

Не просто избежать
        и нам ее когтей —
И стыдно
Нашей совести за нас,

Ведь подданными
низменных страстей
Мы были
На своем веку хоть раз.

Да, есть болезни
всех народов и времен,
Больные мысли есть
из светлой головы.
И время снова ставит
нравственность на кон —
Так было,
Есть
И будет так, увы.

Придет покой

Метель, как чудище живое,
Как белый саван на ветру.
Поет метель или же воет,
Метая снега мишуру?

В метель всегда идешь с опаской —
Вдруг опрокинет, свалит вдруг,
Ведь словно дьявольская пляска,
Гудит, свирепствует вокруг.

Но черт, он не такой и страшный,
Метель уйдет, придет покой,
Ведь сам когда-то бесшабашный
И ветреный я был такой.

Привкус дегтя

Стих сложить —
Не выпить чашку чаю,
За года сложил не мало их.
Что лукавить! Я ведь ощущаю,
Где парит, а где хромает стих.

О натура! Я ведь не изме́нен
Опытом.
Скрываю хворь свою —
Чувствую, что стих не совершенен,
Но его не рву, а в том сую.

Так и засоряю понемножку
Родниковость дара своего.
Этим в мед сую я дегтя ложку —
А-а, пустяк! И так съедят его!

Я виновен, это совесть будит,
Взвешиваю — как мне дальше быть.
Не исправлюсь если, значит будет
Повод и лежачего побить

На кладбище

Могил не много здесь,
а сколько в них бутонов
Возникшей жизни,
сколько в них цветов,
Не распустившихся —
и Божьему закону,
На зло нашла в земле
смерть чистым душам кров.

И сердце вопиит,
и разум протестует,
Читая жизни срок
в каких-то пару строк.
Их Ангел здесь скорбит
и с нежностью целует
У каждого цветка
их жизни лепесток.

Потеря и проклятья

Мне цыганка: — Эй, пригожий!
Подходи-ка, погадаю.
Все, что было, подытожу,
Все, что будет, тоже знаю.

Мне готов отдать получку
За услышанное каждый.
Так что, золоти мне ручку,
Ведь скупые платят дважды.

Клюнул я на это сдуру,
Протянул свою ей руку —
На душе чего-то хмуро,
Разгоню хоть этим скуку.

На ладонь она взглянула
И запела: — Вскрою ларчик!
Вижу! Вижу, ты с загула
Возвращаешься, красавчик…

Нет, не удивишь меня ты
И твой «вещий» голос бойкий —
Выдает мой вид помятый
Что иду домой с попойки.

— Будешь ты богат премного…
Эта линия — забавы…
Ну а эта вот — дорога
Прямо на вершину славы.

А сегодня, если верить
Этим складкам от запястья,

Огорчит тебя потеря,
И исторгнешь ты проклятья.

Золоти, красавчик, руку,
Рубль не жалей последний…
Расплатился я без звуку,
Выслушав цыганки бредни.

И пошел, себе гадая,
Предсказанья все итожа:
— Голова моя седая.
Что же потерять мы можем?

А-а, зайду куплю с зарплаты
Похмелиться, в магазине.
Я в карман, а кошелька-то
Как и не было в помине.

Осенила вдруг догадка
И застряла комом в горле —
Ловкость рук и речи сладкие
Кошелек с деньгами спёрли.

«Прости...»

Вглядитесь в меня,
что ж вы смотрите мимо,
Я здесь, перед вами,
я здесь, среди вас.
Но что же так холодно
И нелюдимо
Средь множества жизнеискусственных глаз?

Вглядитесь в меня,
повнимательней, глубже —
Вершину лишь айсберга
видит любой.
Не видеть другого —
что может быть хуже?
Но хуже всего —
любованье собой.

Вглядитесь в меня,
ну хотя бы прощально,
Хотя бы в конце
непростого пути.
Тогда может кто-то
покается тайно,
Тогда может кто-то
прошепчет «прости…»

Грош цена

В жизни, увы,
Не бывает все гладко —
Снова утраты
Клыками потерь
В сердце вцепились
Мертвою хваткой
И ни за что
Не отпустят теперь.

Мир, окружающий нас,
Очень сложный,
Годы размыли
Всех дат рубежи.
Радости прошлые —
Нынче ничтожны,
Горести давние —
Нынче свежи.

Тщетно в прошедшем
Душа ищет помощь,
Там лишь на раны —
Ушедшего соль.
Бьет по душе
Беспощадно, наотмашь,
Воспоминаний
Бездушная боль.

Жизнь —
И творений духовных каноны,
Жизнь —
И преград бездуховных полна.

В ней — состраданье
И волчьи законы,
Нежность,
Жестокость —
Всё это она.

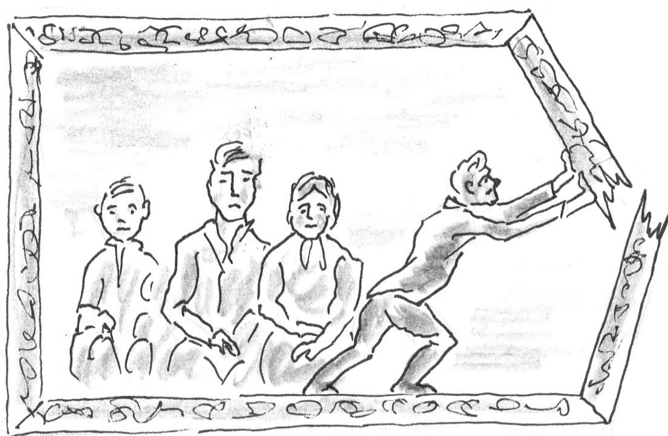
Время промчалось
Чрез жизнь мою бешено,
Спутав событья,
Года,
Имена.
Переоценено всё
Перевзвешено,
Многому — да и себе,
Грош цена.

Канон

Канон — это рама,
в которой картина —
Пейзаж ли,
сюжет ли на ней бытовой,
Или же портрет,
восседающий чинно,
Пусть живо написанный,
но не живой.

Как тесно в каноне
и мыслям, и песням,
И чувствам в окладе
из многих табу.
Гораздо желаннее и интересней
Творить из идей безграничных судьбу.

Ритм жизни претит
ограниченно-сонный,
Душа не согласна его принимать.
И всё же нас движут
к прогрессу каноны,
Ведь мы их стремимся преодолевать.

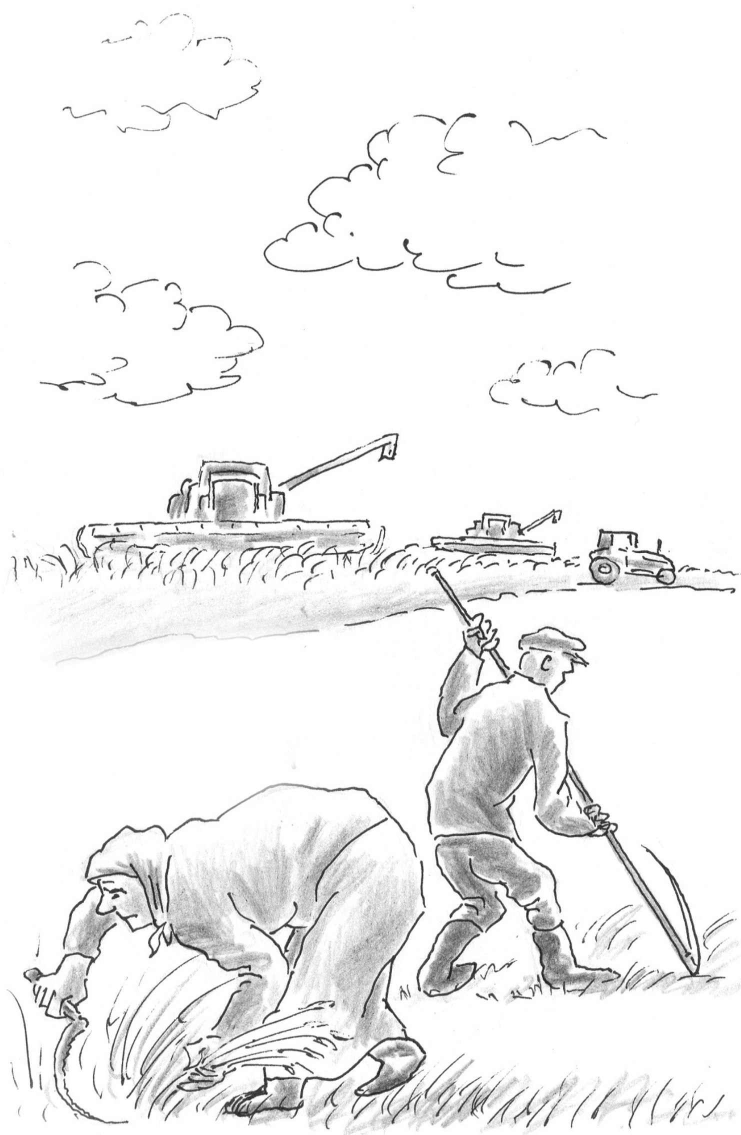
Изможденное время

Когда я вижу,
                    как средь поля, луга,
Работники стальные
                    косят, пашут,
Воспоминания, до боли туго
Всю жизнь мою былую опояшут.

Сожмут мне сердце
                    мысли в некой силе,
Бередят душу
                    болью всевозможной…
Мы косами
Изо дня в день косили,
Чтобы не пал за зиму
                    скот колхозный.

После косы
                    за плуг хватались руки
И следом,
Горбясь за худой лошадкой,
Опахивали все поля, излуки,
И отдыхали на меже
«Вприглядку».

Все было в срок
                    и вспахано, и сжато —
В карман «спасибо»,
                    трудодни впридачу.
Не думали,
Что где-то есть зарплата,
Что можно жить иначе и богаче.

Деревня наша —
куцая бригада,
Полдюжина «штыков» —
односельчане.
Из года в год
нас понукало «надо»
И в сказочное завтра
Обещанья.

Всех тешили пустые обещанья,
Хоть знали, что исполнятся едва ли…
Родители мои
И все сельчане,
Давно в земле,
которой жизнь отдали.

Не думаю, что позабудет кто-то,
Как сеял предок будущего семя.
Нет, не было б
сегодняшнего взлета,
Когда б не изможденное
То время.

Амбиции

О, эти амбиции наши!
Какие гримасы нам корчат!
Что? Масло не вредно для каши?
Что? Масло его не испортит?

Испортит и сделает горше,
Избытком смутит кашевара.
Беда для людей,
в коих больше,
Амбиций,
Чем Божьего дара.

Ребенок не согласен

Давно признали лучшие умы —
И светские мужи,
И духовенство,
Что мир несовершенен,
            несовершенны мы,
Но что есть в этой жизни
Совершенство?

Несовершенен, как известно, дух —
То силой восхитит,
То слабость явит.
Несовершенен строй любой,
            он из господ и слуг,
Закон несовершенен,
            что лукавит.

Священники в веках твердят, что Бог
Лишь совершенен —
Этим и прекрасен.
С подобным утверждением
            я согласиться б мог,
Но умерший ребенок —
Не согласен.

Проверю

Возможно ли стихи
делить на «до» и «после»?
У них и до и после —
бесчестье или честь.
Какой такой экспе́рт
провёл поэта дослед
И утверждает, что
И «до» и «после» есть.

Твердит, что в этом «до» —
до автора кончины,
Его стихи мертвы,
Как литаргичный сон,
Что в этом «до» —
его безвестности причины,
Что в этом «до» — он сер,
бесперспективен он.

Что в этом «до» пиши,
хоть супергениально,
Никто и не заметит,
и не прочтет никто.
Задвинет «до» тебя
в забытый угол дальний,
А станешь возникать —
Упрешься в то же «до».

Когда же наконец
не станет «до» в помине
И автора кончина
воспарит в зенит,

САЮЗ
ПІСЬМЕННІКАЎ

С твореньями поэт —
востребован отныне,
Читаем в «после» он
и в «после» знаменит.

Ох, этот мне эксперт —
вселяет в «после» веру,
А верующий, он,
всегда блажен в миру.
А верить или нет ему,
я сам проверю,
Когда наступит «после» мое —
И я умру.

Смерть

Смерть — злобная.
Иною не бывает,
Она всегда ужасна —
боль и шок.

В упор, кто век свой дожил,
Убивает,
А в спину тех,
не наступил чей срок.

Бьет со спины
мгновенно и сурово,
И оттого —
Ужасней и больней.
Вчера был молод человек,
Здоровый,
В гробу сегодня
породнился с ней.

Внезапной мертвой хваткой,
черной вспышкой,
Снабдит
Скоропостижный свой удар.
Зато играется,
как кошка с мышкой,
Цинично с теми,
кто летами стар.

То, до потери пульса,
Обездвижет,
Гася в глазах
полузакрытых свет.

Бедняга немощью
настолько выжат,
Что непонятно,
жив он или нет.

То может вдруг
поднять его на ноги
И отложить на время
срок его,
В родных вселит надежду,
а в итоге —
Всё то же с черным ящиком
Родство.

Я неизбежно
Этот мир покину,
Ну а пока
ношу огонь в груди,
Есть время
Нанести удар мне в спину,
Возможно,—
«Кошка с мышкой» впереди.

Родство

Меня в лесу
Не тяготит суетность
И алчность города,
    и беспардонность СМИ.
Пора бы в городе
    платить уже за вредность
Ненужных встреч
    с ненужными людьми.

Где каждый день
    в плену у расписаний,
Как будто без которых
    жить нельзя,
Где — нет да нет,
    в чужие лезешь сани,
По колее накатанной
Скользя.

Где, может, и меня
    к ненужновстречным
Причислил кто-то —
Бог ему судья.
Лишь с виду город
    кажется беспечным,
Как внутренне и внешне —
    разный я.

Нет, и в лесу
    душе моей не просто
Итожить отцветанья
    лет и дней.

Я пышно рос здесь,
а теперь лишь остов
Судьбы моей,
без кроны, без ветвей.

Но что сюда влечет?
Необъяснимо!
Есть с лесом
Малой Родины родство.
Проходит все —
и жизнь промчалась мимо,
А лес со мной
и преданность его.

Странно...

Как странно…
от рожденья каждый час
Ведет вперед,
в неведомое нас,
В прекрасное,
Что будущим зовем мы,
Мы им,
Как бабочки огнем влекомы.

Как странно…
От рожденья каждый год
Нас к совершенству,
в молодость ведет,
Где расцветает сила,
внешность, разум,
Способности, свершения —
всё разом.

Но «странно» почему?
Ведь всё путём,
Мы жизнь творим,
нам всё в ней нипочем,
Мы все в движеньи,
праздненстве, работе,
Мы торжествуем —
наша жизнь на взлете!

Так вот в чем «странно»!
Подустав от лет —
И к жизни прежних
ощущений нет,

И время —
Кот-баюн и провокатор,
И пройден
Наших бурных лет экватор.

И прежний горизонт —
сегодня тускл,
И чувств —
Не восхождение, а спуск,
И каждый год ведет нас
не к цветенью,
А к увяданию души
И опустенью.

Как все же странен
наших дней расклад,
Мы, суетясь,
Мостим дорогу в ад,
А может кто-то в рай?
Не все равно ли?
Жизнь до смешного призрачна,
До боли.

Деликатный мир

Вторгаясь в чью-тожизнь,
пусть даже деликатно,
Пусть даже лишь присутствием своим,
Не лишне оценить,
проверить многократно —
Не за чертой ли чьих-то тайн стоим.

Что б нé быть для других,
как наглый локоть в давке,
Учтем — тот отвратителен, кто груб.
Ведь слово может стать,
как слон в посудной лавке,
Сорвавшееся с непристойных губ.

О деликатный мир
взаимоотношений!
Обогащает наши души — и…
Бывает, что цветок
от резких дуновений,
Скорбя, теряет лепестки свои.

Самая лучшая

Шутка

С ней, самой лучшей,
Меня свел случай,
Меж нами вспыхнул электрошок.
Смотрела кротко
В карман красотка,
Рукою нежно — мой кошелек.

Я скрыл обиду,
Не по́дал виду,
Не дал ей в морду,
я ж джентльмен.
За взгляд сей жгучий
Ей, самой лучшей,
Свою получку отдал взамен.

От счастья пьяным,
С пустым карманом,
Домой я ехал — встречай жена!
Красоток взглядов
Уже не надо —
В моем кармане
дыра видна.

Звезда

Храни меня, моя звезда,
Всегда, везде,
Но если дар в тебе живет
волшебных фей,
Ты помогай другим,
не только мне, в беде,
А всем, нуждающимся
в помощи твоей.

Не угасай, свети всегда,
Моя звезда,
Душою зрячих
и незрячих выручай.
Твой свет востребован
особенно тогда,
Когда других звезда погасла
Невзначай.

Ты мой и вечности маяк —
Да будет так!
Дари призывные лучи,
к себе маня.
Не устоит перед тобой
ослепший мрак —
Свети, звезда моя,
не только для меня!

О Пресвятая Дева!

Она и та же бронза,
из одного расплава,
Одним и тем обожжена огнем,
Герою стала памятником —
честь ему и слава!
И эта ж бронза
стала кистенём.

И средь людей родных —
о Пресвятая Дева! —
Нередко зрим непримиримый спор.
Бывает — кровь одна,
из одного же чрева,
Разнит по жизни
Братьев и сестер.

И если вдруг вражда
воздвигнет баррикаду,
Родство тогда
отброшено, как хлам —
Примеры есть, как бились
смертельно, до упаду,
Отец и сын
по разным сторонам.

Ничего не изменится

Что-то сбоченилось,
Что-то разладилось,
Что-то, с чем прежде я не был знаком.
Сентиментальность ли в душу повадилась,
Старость ли в сердце
прокралась тайком.

Знать откопытили дни златогривые,
Всё, что осталось,
как эхо от них —
Вздохи печальные,
Всхлипы тоскливые,
Невозродимость мелодий былых.

Мне бы в погоню
за ними воспениться,
Но не увидеть их
И не догнать.
Замер, смиряясь —
ничего не изменится,
Значит умчались
и удаль, и стать.

Спасительный поцелуй

Мчится к водопаду
жизни човен,
Вот и водопад —
неужто в ад?
Только я ведь
Богом поцелован,
Так псевдопровидцы говорят.

Ну так что?
Для страха нет причины?
Вон обрыв!
а вот последний буй!
Кто ж спасет от гибельной пучины
Жизнь мою?
Неужто поцелуй?

Нелишне

Когда лишает чья-то воля
Тебя твоих благих начал,
Ты не кори лихую долю,
Себя кори, что промолчал.

Что был не к месту не напорист
И не ко времени учтив.
Ушел, как говорится, поезд,
Замешкавшихся огорчив.

В наш сложный век,
Порою, грубый,
Рубаха ближе всем своя.
Нелишне показать и зубы,
Свое отстаивая «я».

Законы

Что можно жить безоблачно —
Не верьте!
Эти слова от правды далеки.
Ведь грусти всей
    не выгрустить из сердца,
Как из души всей не изгнать тоски.

Закон седых веков непререкаем,
Известен нашим предкам он давно —
Чем глубже в грусть
    мы сердце погружаем,
Тем больше ей пропитано оно.

Другой закон противоречит эхом,
И в нем святая правда
    как ни жаль —
Ни радостью,
Ни праздником,
Ни смехом,
Не заглушить об умерших печаль.

И надвигаются века

Я слышу, как издалека,
Прошедшей жизни дождь заплакал.
И лижет душу мне тоска,
Словно хозяина собака.

И раздвигают груды лет
Восставшие воспоминанья.
И сердца раненого бред
Кровоточит, себя ж раня.

И надвигаются века —
Кого-то впрах,
Кого-то нá кол…
Я слышу, как издалека
Прошедшей жизни дождь заплакал.

Души

Плывет над хатою моей
Печаль ушедших душ куда-то.
И столько жалобного в ней
О милом прошлом безвозвратном.

И столько к нам, живым, любви
Таят божественные выси,
Что сколь на свете не живи,
Душой печаль небес не выпить.

Я узнаю их, узнаю,
На крыльях вечности летящих.
И душу грешную мою
Они зовут оттуда чаще.

О небо! Колыбель для душ,
Таинственности бесконечной.
Есть связь с уме́ршими — не чушь!
Она незримо длится вечно.

Живем под сенью неба мы,
Словно под пристальной опекой.
И смотрим в прошлое с кормы,
Она для душ живущих — Мекка.

Фигос под нос

Я доживаю жизнь…
Я прожил — так ли этак,
Я б раньше прозвенел на всю страну.
Я выполнил — ого! —
Пятнадцать пятилеток,
Шестнадцатая, кстати —
на кону.

Пашу,
Пишу,
Грешу —
Обидно мне, не скрою.
Так жил я или нет?
Вот в чем вопрос!
Всего лишь за одну
давали соцгероя.
А тут пятнадцать —
и фигос под нос.

Свои я пятилетки
не выполнял досрочно,
От «а» до «я» в них
вкладывал душу.
Что делаю всегда,
всю жизнь — так это точно:
Дерзать спешу,
Пашу,
Пишу,
Грешу!

29.06.2018

Тень

Нет преданнее тени никого,
Ни тайных мыслей,
Ни жены,
Ни друга.
В ней очертанье тела моего,
Скользящее и гибко, и упруго.

Ногами я по всей земле строчу,
Она со мною
          в том же гибком виде.
Я тень свою топчу,
          сквозь грязь тащу —
Не отстает она и не в обиде.

И всё ж расстаться
          суждено мне с ней,
Как ни печально —
          всё же, вне сомнений.
Настанет час,
Уйду я в мир теней,
И в мире том
          моей не будет тени.

Проклятья

Шутка

Ты, милый мой сосед,
стал нагло добиваться,
Как будто нет меня в живых —
моей жены.
Заглядывать мастак
ты под чужие платья,
Но мы ведь с ней
взаимно влюблены.

Предупреждаю я,
не без серьезной грусти:
Уйми свой гнусный пыл,
оставь мою жену,
Иначе я тебя,
козла в чужой капусте,
Примерно так
навеки прокляну:

«Пускай твоя супруга
обнимает тайно
В постели твоего
заклятого врага,
Чтоб ты, домой вернувшись,
их застал случайно,
И сердцем ощутил
растущие рога.

Желаю я тебе,
чтоб ты попался в сети
К такой же проходимке,

Как и ты.
Дай Бог, чтобы твои,
все будущие дети,
От негра были —
черные цветы.

Чтобы с таким, как ты,
последним паразитом,
Встречался каждый столб —
и не свернуть.
Чтобы врачи тебе,
вместе с аппендицитом,
Отрезали и то,
что ниже чуть».

Вечернее купанье

Любила на закате
В речке сонной
Купаться ты, всё сбросив,
Обнаженной.

Покрыла воду
Розовость заката,
Шли волны от тебя
Витиевато.

Нисколько не смущалась ты,
Надеясь —
Кто сможет подсмотреть
Твою здесь прелесть?

Пожалуй, только
Краснопёрки-рыбки…
Но таяло мое лицо
В улыбке,

Когда на берег
Вышла ты раздетой —
И замерла!
И — ах!
Одежды нету.

Ты оглянулась
Вкруг себя несмело…
О как сияло
Белизною тело

В вечернем
Полумраке розоватом!
И хоть себя
Считал я виноватым,

Всё ж за кустом сидел,
Собой довольный,
Надеясь выкуп
Получить достойный.

Бессмертье благосклонно

Кто думает всерьез,
что можно разлучить
Верстами ли,
Решеткой ли
Влюбленных,
Пусть усмирит
своей затеи прыть —
К любви само бессмертье
Благосклонно.

Бессмертие любви
восславлено в веках,
Как подтвержденье
верности и чести.
К примеру:
Он — в Бутырке,
Она — на Соловках,
Но их сердца —
неразлучимо-вместе.

Мадам из царства тьмы,
напрасно не корпей,
Огня любви
Твой холод не остудит.
Чтоб заковать любовь,
таких ведь нет цепей,
Чтоб заточить —
таких темниц не будет.

Перед любовью ты
не значишь ничего,

Хотя караешь
чересчур уж строго.
И если заберешь
кого-то одного,
Тот, умерший,
живет в любви другого.

Но если ты сразишь
безжалостно двоих,
И здесь —
Напрасны все твои старанья.
Влюблённые ушли,
любовь же после них,
Живет в веках,
В легендах
И преданьях.

Прах и пух

Ученые темнят иль истину глаголят,
Что мы не исчезаем
В пух и прах,
На атомы мы распадёмся…
Что ли?..
Смерть — видоизмененье, а не страх.

Что в виде атомов
мы будем жить веками,
Тому, кто умер —
крупно повезло.
Поди тут разбери
с куриными мозгами,
А я вот слышал,
будто атом — зло.

Понятен, наконец,
Мне мой взрывной характер —
Мне поперек не говори до… двух.
Ведь я, как бы ходячий
атомный реактор,
Чуть что —
И разлетитесь в прах и пух.

Песні

Осени начало

На губах улыбка, а в глазах смешинки
Украшают женщин в возрасте любом.
Что же вы так рано, первые снежинки,
Закружили в небе голубом?

Ах, весна умчалась,
На исходе лето.
Осени начало —
Где ты, счастье? Где ты?

Сердце за любовью неизбежно мчится,
Золотой комете и мечте подстать.
Ты была, как песня, ты была, как птица,
От которой глаз не оторвать.

Ах, весна умчалась,
На исходе лето.
Осени начало —
Где ты, счастье? Где ты?

Не таи обиду, не суди так строго,
Умолкает песня, та, что пел любя.
Я нашел немало, потерял я много —
Вспоминаю юность и тебя.

Ах, весна умчалась,
На исходе лето.
Осени начало —
Где ты, счастье? Где ты?

Приходи!

Ты придёшь на закате,
А уйдешь на рассвете.
Будут сказкой казаться
Встречи тайные эти.

Я люблю вечер каждый,
А рассвет ненавижу.
Неужели однажды
Я тебя не увижу?

Ты любовь пощади!
Не порань ее даже случайно
Приходи!
Приходи!
Пусть продлится
                любви нашей тайна.
Приходи!
Я ведь жду — приходи!

Пусть длинней будут ночи,
Нет в них места
                для скуки.
Дни, чем будут короче,
Тем короче разлуки.

Но однажды нежданно
Ты прошла ночи мимо…
Что ж ты, солнце,
                так рано
Повернулось на зиму?

Ты любовь пощади!
Не порань ее
            даже случайно.
Приходи!
Приходи!
Пусть продлится
            любви нашей тайна.
Приходи!
Я ведь жду — приходи!

Як далей мне жыць?

Ох, не мёд, скажу вам шчыра,
Долечка мая.
Я адзін, а вас чатыры —
Разгубіўся я.
Вы, як зоркі-чараўнічкі,
Нібы краскі, як сунічкі,
Я адзін, а вас чатыры —
Разгубіўся я.

Колькі раз рабіў я спробы
Больш не варажыць.
Вы усе мне даспадобы —
Як далей мне жыць?
Ты — святлянка,
Ты — чарнушка,
Ты — з касой,
Ты — з завітушкай!
Вы усе мне даспадобы —
Як далей мне жыць?

Я сталею нежанаты —
Так жыццё міне.
Можа б лепей вы, дзяўчаты,
Выбралі мяне.
Я — прыгожы,
Я — харошы,
Поўныя кішэні грошай —
Можа б лепей вы, дзяўчаты,
Выбралі мяне.

У адказ — яны ні слова,
П’ю адчай да дна.
Хто ж яна, мая палова,
З чатырох адна.
Падкажы мне, Божа шчыры
Мне не трэба ўсе чатыры,
Хто ж яна, мая палова,
З чатырох адна?

Трымайся за неба!

— Трымайся за неба,
            мая дарагая —
Наспела патрэба,
Бо сёння стаіць
            паміж намі другая —
Трымайся за неба!

— І ты, даражэнькі,
            за свет гэты Божы
Трымайся зубамі,
Бо сёння другі,
            за цябе больш прыгожы,
Стаіць паміж намі.

О-ё-ей! Не тое мы сказалі!
А-я-яй! Мы ж пажартавалі!
— Я ж хацеў так яе праверыць,
— У мой жарт лепш яму не верыць.

— Ды што ты? Хоць заўтра,
            мая дарагая,
Чакай мяне ў сваты.
Няхай лепей згода
            між нас пралягае
Ад хаты да хаты.

— Няхай, дарагі мой,
            два сэрцы яднае,
Дзве песні, два лёсы,
Святая дарога кахання, якая
Квітнее, як вёсны.

— Любая!
Я цябе кахаю!
— Любы мой! —
Сэрцам успрымаю!
Вось яно, сэрцаў святкаванне!
Вось яно, вечнае каханне!

Я вярнуся

Адпяшчоціла лета,
хутка восень міне,
Ды і сам
Назіму я ад’еду.
Засумуе
Бацькоўская хата па мне,
З цішынёй будзе весці
Бяседу.

Не сумуй, не сумуй,
Майго сэрца куток,
Майго лёсу выток,
Край адзіны.
Пасля доўгіх дарог
Я ступлю праз парог
Незабыўнай бацькоўскай хаціны.

Снег раскіне
За вокнамі бель-чысціню,
Я тугу роднай хаты
Адчую.
Я вярнуся тады,
белы сум разганю,
Адагрэю душу,
Заначую.

А пакуль што, бывай,
не сумуй, родны кут,
Бог адмераў нам вёснаў
так мала.
Што б са мной ні было,
я душой буду тут,

Дзе зямля мне
            маленства люляла.

Хоць гады паўстаюць
            паміж намі сцяной,
Нас з табой
            разлучыць немагчыма.
Мы з табою — адно,
Я — з табой,
Ты — са мной,
Родны кут мой,
            Малая Радзіма.

Не сумуй, не сумуй,
Майго сэрца куток,
Майго лёсу выток —
Край адзіны.
Пасля доўгіх дарог
Я ступлю праз парог
Незабыўнай бацькоўскай хаціны.

Матуля

Быццам светлая раніца
новага дня,
Ты даўно на нагах,
нібы сну не было.
Не, не сонца ўзышло,
а твая цеплыня,
А вачэй тваіх, маці,
ласкавых святло.

Ой, матуля, прысядзь,
адпачні ад дарог,
Ад бяссонных начэй,
Ад вірлівых падзей.
Каб я сілы табе
перадаць свае мог,
Ты бы стала
на многа гадоў маладзей.

А гады за табою
спяшаюцца ўслед,
І не дзецца нідзе,
не схавацца ад іх.
І здаецца, што гэты
прыцішаны свет
Пачывае на шчырых
далонях тваіх.

Ой, матуля, прысядзь,
адпачні ад дарог,
Ад бяссонных начэй,
ад вірлівых падзей.

Каб я сілы табе
    перадаць свае мог,
Ты бы стала
    на многа гадоў маладзей.

Залатыя, руплівыя
    рукі твае
Расхінулі начны,
    насцярожаны цень.
Вось і сонца ўстае,
    й салавейка пяе —
Каб уславіць цябе,
    прачынаецца дзень.

Ой, матуля, прысядзь,
    адпачні ад дарог,
Ад бяссонных начэй,
    ад вірлівых падзей.
Каб я сілы свае
    перадаць табе мог,
Ты бы стала
    на многа гадоў маладзей.

Ля роднага парога

Гады жыцця
знікаюць за плячыма,
Падзей мінулых —
Не пералічу.
І дзе б ні быў я,
да Малой Радзімы
На крылах
светлай памяці лячу.

Тут усе мае вёсны
Залатога юнацтва,
Тут мінулыя лёсы
Маіх продкаў усіх.
Тут мой боль невыносны,
З ім душы не расстацца,
Тут світанак узнёслы
Светлых мараў маіх.

Пад родным небам
сэрца спадзяецца,
Што і ў жыцці сучасным
казка ёсць.
А раптам мне
маленства адгукнецца,
А раптам тут
сустрэну маладосць.

Ах, як балюча
ўспамінаць былое,
Ах, як прыемна
з ім сустрэцца тут.

Ў абдымках быць
з Радзімаю Малою
І зноў убачыць
сэрцам родны кут.

Я з-за мяжы
не прагну анічога,
За ўсё удзячны
Бацькаўшчыне я.
Стаю, як сын,
ля роднага парога
Перад табой
Лагойшчына мая.

Тут усе мае вёсны
Залатога юнацтва,
Тут мінулыя лёсы
Маіх продкаў усіх.
Тут мой боль невыносны,
З ім душы не расстацца,
Тут світанак узнёслы
Светлых мараў маіх.

Ты такі адзіны

Я выйду на прасторы Беларусі,
Як вольны сын бацькоўскае зямлі.
Я бачу вас, я вамі ганаруся,
Лясы, азёры, хлебныя палі.

Жыві, мой край, мой кут,
Я з вамі сэрцам тут.
У святы, ў час бяды,
Я з вамі назаўжды.

О край мой родны, ў свеце ты адзіны
Другі не знойдзеш на зямлі такі.
Адвеку тут жывуць жыццём Радзімы
Аддана беларусы-землякі.

Жыві, мой край, мой кут,
Я з вамі сэрцам тут.
У святы, ў час бяды,
Я з вамі назаўжды.

Мой родны край славуты — і не дзіва,
Бо бачыцца і чуецца здаля
Узнёслая Купалава «Малітва»
І Коласава «Новая зямля».

Жыві, мой край, мой кут,
Я з вамі сэрцам тут.
У святы, ў час бяды,
Я з вамі назаўжды.

Паэмы
2018

Малая Радзіма

Аўтабіяграфічная паэма

Палоняць успаміны нас,
Мы неразрыўна з імі,
У іх жыве там наша ўсё,
Што мы пражылі.
Там нашы сэрцы, у мінулым,
На Малой Радзіме
Там нашы продкі й продкі іх,
Спяць у святой зямлі.

Калыску там люляе час —
Сусвет для немаўляці,
Ў якой утульна нам было
У першы час жыцця,
Якая памятае нас
І калыханку маці.
Й наказ бацькоў: — Ляці з гнязда,
Як вольны птах, дзіця!

*

А вось і першы крок яго
Па невялічкай хаце,
І зноў: туп-туп — за крокам крок,
О што за цуд яны!
Маршрут свой першы у жыцці,
Ён з дапамогай маці,
Адолеў ад адной сцяны
І да другой сцяны.

Ах, як жа шчабятала ўслых,
Ажно ўзахлёб дзіцятка,

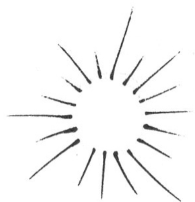
Як адагрэты верабей,
Што перажыў зіму.
І падалася сціслая,
З навіслай столлю хатка,
Высокаю і велічнай,
Агромністай яму.

Падслепаватых вокнаў сум
І печы гмах, і лава,
І парудзелыя ажно
Партрэты на сцяне —
О як жа нова ўсё было
І як усё цікава,
Здавалася, ўсё вабіла —
Пакратай і мяне.

*

Між тым, мінаў шчаслівы час
Ў паўзмроку хаты шэрым,
Дужэў паціху хлапчучок,
З нядоляй напалам.
Зноў з роднай маці за руку,
Ступіў на двор за дзверы,
А там!
Ён засвяціўся ўвесь —
Так шмат убачыў там!

У сэрцы светлым хлапчука
Адчулася патрэба
Агучыць бачанае ім
Працяглым: — О-ё-ёй!
А краскі ў лузе!
А зямля!
А колькі ўверсе неба!

І маці здзіўлена спытала:
— Што, сынок, з табой?

Працягваў ён:
— А гэта што?
А што далей вунь тое?
А там?
А тут?
А навакол? —
Здзіўляўся хлапчучок.
А маці:
— Ўсё вялікі цуд,
Дзіцятка залатое,—
Радзіма наша, дзе наш дом,
І родны твой куток.

Ў вайну мы гаравалі ўсе
З Радзімай, сынку мілы,
Цяпер жыццё у кожны кут
Вяртаем пакрысе.
На месцы спаленых дамоў
Растуць паціху зрубы,
Ды ранаў шмат яшчэ вакол,
Залечаны не ўсе.

Вушмі ён словы маці чуў,
А сэрцам чуў другое,
Бо шмат якіх не разумеў
Сваёй матулі слоў.
Ён покліч чуў жыцця вакол,
Як штосьці дарагое —
Малой Радзімы да сябе
Ён адчуваў любоў.

Хоць зараз вочы хлапчука
І бачылі не мала,
Не менш чаго з усіх бакоў
Улоўліваў і слых.
І сэрца казачную быль
З пяшчотай успрымала,
З Радзімаю сваёй малой,
Знаёмства кожны міг.

І гэты самы першы час,
З Радзімай — вочы ў вочы,
Хоць адбываўся першы раз,
Усё ж — галоўны раз.
Бо потым у сваім жыцці,
Шмат пасталелы хлопчык,
У сэрцы будзе несці ён
Шчаслівы гэты час.

*

У школу пешшу ў першы клас,
Па снезе, без дарогі,
А да яе — няблізкі свет,
Не менш, чым дзве вярсты.
Ныралі ў гурбы з галавой,
Свае шукалі ногі,
Бывала, што губляўся свет
Ад снежнае слаты.

І гэтак кожны Божы дзень,
Не летняю пяшчотай,
А ў маразы за дваццаць і —
У снежную пургу.
І ўсё ж у кволых рызманах
У школку йшлі з ахвотай,

Зачы́таны буквар, за ўсё
Меў большую вагу.

Ці ж хтосьці сталы мог забыць
Буквар пасляваенны,
З некаляровым аздабленнем
І з «ма-ма» па складах?
Які тады ён дзіўны свет
Нам адкрываў таемны,
Уводзіў далікатна ў веды
Цераз няведаў страх.

Напэўна, пасля Бібліі,
Буквар у кніжным свеце,
За ўсе энцыклапедыі —
Галоўны кніжны твор.
Ён — ветразь, пад якім штогод
Няўрымслівыя дзеці
Плылі з маленства ў свет надзей
І на жыцця прастор.

Падзяка і паклон табе,
Наш сябар незабыўны,
Мільёны раз прачытаны,
Малечаю Буквар!
У акіяне ведаў ты,
Наш самы першы, дзіўны,
Заўжды бясцэннага жыцця,
Такі ж бясцэнны дар.

*

Праз час адбудавацца зноў
І вёсачка паспела,

Прайшоўшы непакорна праз
Ліхіх гадоў пару.
Глядзела больш упэўнена сучаснасць
І больш смела,
У новы дзень, у новы час,
Імкнулася ўгару.

І людзі ачунялі, ім
Даволі жыць ў абносках,
І кожны ад пустых сталоў.
Й бясхлебіцы адвык.
І песні загучалі зноў
Па навакольных вёсках,
І ўжо згубіў шчаслівы час
Шчаслівым шлюбам лік.

І, паміж тым, праз колькі год
І хлопчык скончыў школу,
Зрабіўся зграбным юнаком —
Нішто не спыніць час.
З маленства ад зямлі ён быў,
Ён быў «наскрозь» вясковы —
Ці мог ён здрадзіць і сабе.
І абмінуць калгас?

Ён, як і ўсе яго сябры
У ботах, у ватоўцы,
У працы што ні дзень былі
Адзінаю сям’ёй,
Як продкі продкаў, як бацькі,
І ўсе аднавяскоўцы
Гімн працы кожны дзень «пісалі»
Праўцю сваёй.

А колькі моладзі было,
Сустрэч і вечарынак!
А колькі гульняў і забаў
У вольны час было!
Там, дзе хлапечыя гурты,
Дзе цесна ад дзяўчынак,
Запальвае каханню час
Зялёнае святло.

Ці ж абмінуць каханне мог
Той, нам юнак знаёмы?
Не абмінула юнака
Ўзаемна і яно.
Прынёс на крылах салавей
Да іх любоў без стомы,
Каб закаханых сэрцы два
З’ядналіся ў адно.

*

У нейкі час, у нейкі дзень,
Ён выйшаў з хаты ў поле:
— Бывай, адзіны родны край!
Бывай не назаўжды!
Я на тваіх далонях рос,
З табой адной мы долі,
Ад’еду не надоўга я,
Ўсяго на тры гады.

Вось мне прыслаў ваенкамат
Павестку прызыўную,
Ды нашай повязі з табой
Павестка не парве.
Тваю любоў і прыгажосць
Я ў сэрцы ушаную,

Як ушаноўвалі спрадвек,
Хто жыў тут і жыве.

Бацькі бывайце і сябры,
Каханая таксама,
Гады жыцця, што тут прайшлі
Нягоршымі былі.
Сустрэчы буду я чакаць,
Як з лепшым часам, з вамі,
Бо кожны чалавек — ніхто
Без роднае зямлі.

*

Мільгалі дні, ішлі гады,
Аддаў ён доўг Айчыне,
Былі вайсковыя манёўры,
Стрэльбы, марш-кідкі.
Служыў Радзіме, а душой
Быў на Малой радзіме,
Бо там каханне, родны дом,
Бацькі і землякі..

І ўсё ж скруціўся ў іншы бок
Далейшы лёс хлапечы,
Яны, абставіны жыцця,
Мяняюць лёс і нас.
Не могуць мары векаваць
Каля бацькоў на печы,
І ён пакінуў родны дом,
Вяскоўцаў і калгас.

Дарогі клікалі яго,
Як тыя з хаты крокі,
Калі ён з маці ўпершыню

Малым ступіў на двор.
Цяпер адкрыўся перад ім
Жыцця абшар шырокі,
І новых мараў далягляд,
І дзейнасці прастор.

Не, ён не здрадзіў ні сабе,
Ні дням юнацкім чыстым,
І мары першыя з душы
Не выкінуты вон.
Ён зразумеў, што Беларусі
Будзе больш карысным,
Дзе новых мар складаўся гімн,
Дзе больш патрэбен ён.

І ўсё ж застаўся лепшы час
У казачным дзяцінстве,
У беззаганнасці святой
Юнацкіх мар і дзён.
Цяпер, праз настальгічны боль,
Ён адчуваў адзінства
З тым, што было, але прайшло,
Як незабыўны сон.

Цяпер, у залах гарадскіх,
Ён адчуваў агульна,
Хоць гэта быў музей, палац —
Ды шмат чаго было,
А як жа ў хатцы той малой
Было душы утульна,
І неба там было вышэй,
І сонца менш пякло.

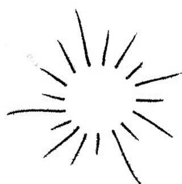
Ён са сталіцы ў вольны час,
Каб сэрцам наталіцца,
Імчаў у вёсачку глынуць
Мінулага глыток.
Нідзе у свеце, толькі тут,
Душы яго сталіца,
На ўсёй планеце толькі тут
Жыцця яго выток.

*

А што прыдбаў «у лепшы час»
Ён ад Малой Радзімы
За тое, што падараваў
Ёй лепшыя гады?
Калгас быў бедны,
Больш плаціў падзякай, чым грашыма,
Ды і падзякаю людзей
Адорваў не заўжды.

Яда, як кажуць, з плеч у печ,
Зімою — бульба, сала,
Ды і яно не кожны дзень
Магло аздобіць стол.
А лета — ягадным было
І шчаўем частавала —
І з дня на дзень,
І з году ў год
Такі вось «разнасол».

Адзенне — з беднасці было,
Абноўкі — з той жа «касы»
Насілі ў спёку і мароз,
Знасіць іх не маглі.
Абутку верх з пазыкаў быў,

Падэшвы і абцасы —
З нявыплачаных працадзён
А году ў год былі.

Чаму ж так прагне ў родны кут
Заўжды душа жывая,
У незаможны час, які
Ўявіць хто б сёння мог?
Хто сэрцы да канца жыцця
Адтуль не адпускае?
Хто для падтрымкі нашых душ
Бацькоўскі кут бярог?

Не грошы грэлі сэрцы нам,
(А хто сагрэўся сёння?)
Люлялі не катэджы нас,
А ўтульнай хаты кут.
Нас вабіла увышыню
Блакіт-нябёс бяздонне —
Ці знойдзем сёння шмат людзей,
Хто бачыць гэты цуд?

Не толькі нам дала жыццё
Малой Радзімы годнасць,
Яна і блаславенне нам
У новы час дала.
Мы спасцігаем праз яе
З адвечным першароднасць —
Што чалавек і ёсць дабро
У бітве супраць зла.

Як не схіліцца прад табой,
Зямля бацькоў — матуля?
Ці ж можна не любіць цябе,

Забыцца на цябе?
З народзін,
З самых першых дзён,
Мы подых твой адчулі,
Які і сёння грэе нас
І кліча да сябе.

*

Не ўсё ідзе, як хочам мы,
Жыццё нам правіць планы —
Вось-вось закончыцца тунэль,
А дзе яно, святло?
Здаецца, лёгкі будзе дзень,
А выпаў дзень складаны,
Чакаеш добры ураджай,
А жыта палягло.

І ўсё ж мы верым у дабро,
У творчых планаў справы,
Хоць сустракаюцца ў жыцці
Няўдачы табалой.
Душы і працу аддаём
Мы на карысць дзяржавы,
А сэрцам —
Сэрцам мы з табой,
З Радзімаю Малой.

І хто назваў цябе «Малой»,
Святло і святасць лёсу?

Ці ж ёсць што большае для нас,
Чым да цябе любоў?
Ў вялікай шчырасці тваёй
Квітнелі нашы вёсны

І кожны да цябе ляціць —
Ізноў!
Ізноў!
Ізноў!

Ніколі для душы жывой
Не сціхнуць часу хвалі.
І ад Малой Радзімы нас
Не адгародзіць час,
Бо з ёю гаравалі мы
І разам святкавалі —
І гэта аб'яднала нас,
І парадніла нас.

Бумеранг

Была ли их любовь взаимной?..
Ответ такой примерно дашь,
Как горизонт туманный, дымный,
Как исчезающий мираж.

Чужие души ведь —
Потемки,
Сокрыты тайнами сердца.
Их даже все
приемы фомки
Взломать не смогут до конца.

В любви —
И ангелы, и черти,
Она — на взлет,
Она — в пике.
Любовь живет
не только в сердце,
Но часто и… на языке.

Любовь взаимностью богата
А невзаимность рушит твердь
Любви и чувств —
тогда расплата
Неотвратима, словно смерть.

*

Любви все возрасты покорны —
Об этом знает стар и млад.
Но в ней —
Цвет розовый и черный,

Любовь —
Лиса и виноград.

Но за любовью
в рань и в полночь
И по́ снегу пойдешь босой…
Илья, увы, уже Антоныч,
Был в данном случае лисой.

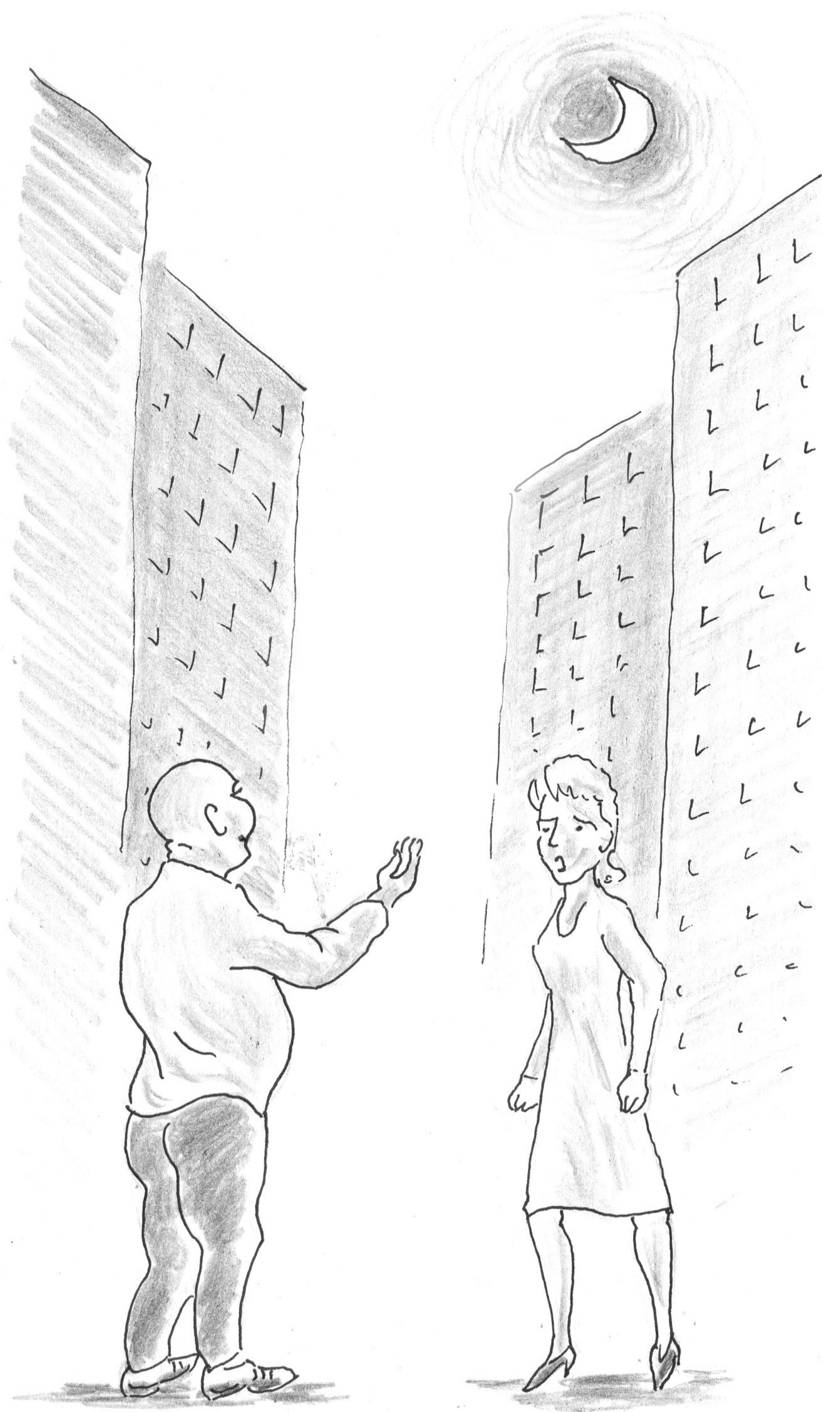
Она, Илона — виноградом,
Недосягаемым пока.
Чтоб ей владеть,
Чтоб быть с ней рядом,
Он «за рога хватал быка».

Ему бы…
Но об этом позже,
Известно — камень враг косе.
Что ж, браки в счастье —
все похожи,
По-своему, несчастны все.

*

Илья стареет —
скоро сорок,
Но всё холостякует он.
Живя за ширмой отговорок:
— Проблемы…
Бизнес…
Не влюблен…

Он кавалер,
Но перестарок,
Вторя половина дня,

Костер сгасает…
Как огарок,
Еще дымит,
Но нет огня.

Он, без семьи,
Как песнь без музы,
Как парус
Обветшалый в штиль.
Но будущего брака узы
Его страшат,
Как водевиль,

В котором —
Тайна и начало,
Непредсказуем и конец.
Ничто ему не предвещало
Колец союза и сердец.

Но всех любовь подстерегает
Во все века,
Во все лета.
Господь ведь в небе зажигает
Луну и звезды неспроста.

Любовь —
Сердец святая мекка,
Призывный колокольный звон.
И нет такого человека,
Кто не был ею покорен…

Илья однажды,
Ночью лунной,
Луны не видя,

Шел домой,
И вдруг
Столкнулся с очень юной…
Не девушкою, а весной.

Такое дивное открытье
Он сделал,
Глянув на нее.
— О как я неуклюж!
Простите
Слоноподобие мое!

Не бойтесь, я…
Я не опасен.
И если есть вина за мной,
Ее я искупить согласен,
Скажите лишь —
Любой ценой!

— Ого! — воскликнула нескромно,
С улыбкой юная весна.—
А если будет неподъемной
Для виноватого цена!

Сняла неловкость эта шутка
И не оставила следа.
Илье внезапно стало жутко —
Уйдет она —
И навсегда.

Он позабыл про всё…
Про годы,
Он слышал лишь ее одну,
Он вдруг увидел

В небе звезды
И дивноликую луну.

Ему бы…
Но об этом позже?
Нет!
Скажем именно сейчас —
Ему бы…
Отнестись построже
К себе
Под взглядом юных глаз.

В истории пример поищем,
Как был судьей
Святой обман —
И принц прикидывался нищим,
Чтоб скрыть
От девушки свой сан.

Чтоб не за сан,
Не за богатство,
Шла под венец любви чета.
Любовь не терпит святотатства,
И если есть она —
Чиста.

Илье же юная плутовка
Была настолько дорога,
Что он схватил —
Без подготовки
Счастливый случай
«За рога».

Когда же «дивное открытье»
Сказало:
— Кончен маскарад!
Вослед он крикнул:
— Погодите!
Не уходите!
Я богат!

Он прикусил язык,
Но поздно,
Поторопился на все сто.
Она сердито,
Даже грозно протяжно вопросила:
— Что-о-о?!

Купить любовницу решили,
Как будто в деньгах весь успех
Но возраст ваш —
Подобен шиле,
Его не скроет ночи мех —
Вам мой ответ —
Презренный смех.

Илья похолодел…
Внезапно
Луна исчезла,
Млечный Путь,
Ведь слов не воротить обратно,
Как и надежду не вернуть.

Илья впервой в подобной теме,
Насилу совладал с собой.
Но он внезапно в это время,

Услышал в сердце
Чувств прибой.

И он впервые,
Ночью звездной,
Открыл в себе второе «я»
Открыл себя —
Таким «бесхозным»,
Вне слова вечного —
Семья.

Он, будто бы
прося пощады,
Всю душу выплеснул до дна:
— Нет, мне любовница не надо,
Нужна подруга и жена.

Да! Да!
Нужна жена-подруга,
Семейной чистоты родник.
А крикнул…
Крикнул я с испуга —
Ушли бы вы,
              а мир велик.

И что имел бы я в итоге?
Всё ту же деловую жизнь,
Ведь наши
На земле дороги
Навряд ли вновь пересеклись.

Вы, безымянная икона,
Исчезли б в глубине времён.
— Не безымянна я… Илона…

— А я Илья,—
Ответил он.

Илона улыбнулась еле,
Спросив его второе «я»:
— И что же вы
во мне узрели?
— Не знаю…—
Выдохнул Илья.

Она,
Не без издевки милой,
Спросила, хохотнув притом:
— Чем вы богаты?
Яхтой? Виллой?
Деньгами?
Золотом?
Умом?

Или дырявые карманы
У женишка на склоне лет?
Один…
Пешком…
И без охраны…
Илья, боясь «небесной манны»,
Искал мучительно ответ.

— Я?..
Я, не то чтобы богатый…
Но вытащил
счастливый фант,
А посему, есть и деньжата,
И прочее…
Я — коммерсант.

Я на́жил не путем обманным
Всё, что имею, а трудом…
— Ха-ха!
Так вы жених с приданным! —
Съязвила девушка.

Потом
Она, по-деловому, строго,
Сказала:
— Хватит! Поздний час.
Поскольку много дней у Бога,
Продолжим в следующий раз.

*

Илья лез в женихи
«С разгону»,
Своей персоне шарм придав.
Вот так она «закадрил» Илону,
Собой заинтересовав.

Поди теперь узнай,
Разнюхай,
Каких Илона чувств полна,
Какой
Загадочною мухой
Была укушена она.

Илья был сердцем слеп,
Как впрочем,
И в наши дни
«Неравный брак».
Мы над старперами хохочем —
Она — юна,
А он — дурак.

Их, старых,
Пожалеть бы надо,
Прогнать маразм из головы.
Но их,
Мужей рогатых стадо,
Не уменшается, увы.
Им, со стыда сгореть бы,
К слову,
Сквозь землю провалиться бы.
Они же ладят телешоу
Из омерзительной судьбы.

*

Оставим их —
Копаться нам ли
В их, дурно пахнущем белье.
Свои понадобятся грабли,
Свои —
Чтобы прозреть Илье.

Какие грабли!
Ведь влюбленный
Не замечает рвов и пней.
Илья Илоны лик иконный
Боготворил —
Дышал лишь ей.

Она —
Период жизни яркий,
Она —
Как радуга с небес.
Он дорогие ей подарки
Дарил по случаю и без.

Он шел на ухищренья эти,
Одно преследуя свое —
Заманивая птичку в сети,
Но план был свой и у нее.

Куда ему тягаться с нею!
У ней —
И молодость своя,
И сеть ее
  была прочнее —
И в ней
Запутался Илья.

*

Илья витиевато, плавно,
К своей шел цели
  до сих пор.
Но вот решился он
На главный,
На откровенный разговор.

Но он —
С вступительного слова,
Всё оценил
Хоть был влюблен,
Что к вариантам
  всем готова
Илона, более, чем он.

Он, чувством
  в небеса влекомый,
Вдруг ощутил тупик угла —
Она — ведущий,

Он — ведомый,
Он — нитка,
А она — игла.

Он не привык
 к словесной драке
И не решился сдачу дать,
Услышав:
— Лишь в гражданском браке
Мы можем сосуществовать.

Хотя и не были согласны
С подобным сердце и душа —
Но ведь Илона —
Так прекрасна
И так юна!
Так хороша!

Он опрометчивого шага
Всех отделяет лишь момент.
В конце концов —
ЗАГС и бумага,
В любви —
Не главный аргумент.

*

Илья был в городе
 всё реже,
За исключеньем важных дел.
Он жил с Илоною в коттедже,
Давно который заимел.

Коттедж —

Как будто вор в законе,
Средь приземленных
                сельских хат.
Стоял он в пригородной зоне,
Был вызывающе богат.

Покоев внутренних убранство —
Смешенье стилей,
Этих, тех,
Скорее не изыск — мещанство,
Желанье прыгнуть
                выше всех.

Просил порядка, рокировки,
Богатой мебели раздрай.
Илона прямо из «хрущевки»
Переселилась в этой рай.

Ей, как сказали б,
Голопятой,
Здесь чаша до краев полна.
Она бесвкусицей богатой
Ослеплена,
Восхищена.

Вокруг достаток и удобства,
Лишь наслаждайся,
Ешь и пей.
А что за новые знакомства
Из посещаемых гостей!

Все балагурят —
Не святые,
И не гнушаются питья,

Все, как один,
      они «крутые»,
Так называет их Илья.

Илоне без Ильи понятно —
Не малой все величины.
И, что особенно приятно,
Что ею все восхищены.

Но это не предел для «вира»,
Кто с этим словом не знаком?
Еще имеется квартира
В престижном месте городском.

И в той квартире
      деньги правят —
Ковры и люстры,
Мебель, бар.
Кто против роскоши —
Лукавят,
Кто против денег —
То пиар.

А что ее Илья был лысый,
Илона видела и нет…
Ведь женщины —
Породы лисьей,
Всех околпачат —
Не секрет.

И всё ж порой
Илона в ситцах
Ходила б лучше,
      чем в шелках.

Илья в ежовых рукавицах
Держал ее,
Вселяя страх.

Он со всего
пиар мог выжать
«Парил»,
Хоть был душой без крыл.
И часто
Можно было слышать:
— Я подарил!
— Я заплатил!

Попреки эти перетерли
Взаимоотношенья в ад.
Кусок
Переседает в горел
Всегда,
Когда за ртом следят.

*

Притворство чувствуя подкожно,
Илья
Был мыслями томим —
Любить за деньги —
Невозможно,
Надежды таяли, как дым.

Он чувствовал
объятий вялость
И редких поцелуев хлад.
И оскорбление вливалось
Незримо в душу,
словно яд.

И ревность им овладевала,
И унижений глубина,
Как только,
Не таясь ни мало,
Глазела на других она.

Ее капризные все штучки,
Слащавых славословий
Лесть,
Ее вечерние отлучки
В нем вызывали
только месть.

Илона чувствовала тоже
В их отношеньях
прежних сбой,
Что нету ничего дороже,
Чем без кривляний
быть собой.

Что почва
Жалких раболепий
Взрастит
Колючий лишь репей,
Что даже золотые цепи —
Цепями будут
Средь цепей.

Что если кушать
мед единый
Он станет горек,
как полынь…

А ей бы —
Парой голубиной
Взлететь в заоблачную синь.

С любимым
Над землей летая,
Нести свободу на крыле.
Взлететь…
Но клетка золотая
Надежно держит на земле.

Она предвидела размолвку,
Настроясь —
На «прощай», «прости».
Уйти отсюда
Хоть в «хрущевку»,
Хоть к черту в зубы,
Но уйти.

Пришла пора,
пока не поздно,
Ровнять извилины судьбы.
Но неожиданно
И грозно.
Илья поднялся на дыбы.

— Что слышу!
Ты уйти решила!
С чего решила?
С коих пор?..
Илья припомнил мех и шило,
Знакомства давнего позор.

И вот позор вернулся снова —
Или он рядом был всегда?
Всё старое глядится ново
Через событья и года.

*

И вот любовь,
пусть одного лишь,
В крутое ринолось пике.
Илья кричал:
— Ты быть изволишь
Всегда моей!
Ты — на крючке!

И если оборвешь ты леску,
Приму
Грех тяжкий на душу —
За подлый твой уход,
В отместку,
В рай неземной
пришлю повестку,
Земных грехов тебя лишу.

— Ты мне грозишь! —
Она восстала,—
Решил, что будешь
силой мил?
Но он
Не сбавил крик ни мало:
— Я столько средств
в тебя вложил!

Что представляла ты когда-то?
И кем ты стала

С оных пор?
В шелках!
В икре!
В брилах!
Богата!
А что взамен?
Терпеть позор!

Она сняла сережки, кольца,
Открыла шкаф:
— Вот гардероб.
Всё оставляю!
Всё! Увольте!
Убьешь меня — положишь в гроб!

*

У неудачника Максима,
В душе смятенье чувств свое —
Не то,
Чтоб жизнь летела мимо,
Не то,
Чтоб он мимо нее.

Кругом —
Бунтарский дух, свобода,
На демократе демократ.
А он,
В свои двадцать два года
Застрял —
И ни вперед, ни взад.

Какой-то проходимец вшивый,
И тот —
С деньгами, на коне.

Лжефирмы,
Кооперативы
Поганками по всей стране.

У всех бездельников —
Есть дело
И все в раздрай вовлечены.
Вцепились
Мертвой хваткой в тело,
В плоть
Перестроечной страны.

Максим болтался
в этой гуще,
Но на обочине был он.
И от ненужности гнетущей
Поставить жизнь готов
На кон.

Он даже делом никудышным
Ни в чем не мог
Себя занять.
Что может хуже быть —
Быть лишним?
«Неуд» в душе —
Судьбы печать.

И вдруг звонок:
— Алло! Максиме?
— Да я!
Обязан я кому?
— Вам незнакомо мое имя…
И знать его вам ни к чему.

Максим сердито хмыкнул:
— Странно…
Ответил кто-то:
— Не совсем…
Вот так в тот день
Максим нежданно
Был втянут в разговор.
Но с кем?

О, если б только разговором
Был ограничен случай сей.
Был день обычный,
О котором
Он вспомнит
среди тысяч дней.

Дальнейший ход событий впокид
Обрушится,
Как страшный сон.
И этот день
Им будет проклят,
В душе и в мыслях
Заклеймен.

Максим, немало удивленный
Спросил:
— Но кто вы?
А в ответ:
— Наш разговор не телефонный,
Жду встречи,
А пока — секрет.

Максим опять:
— Но что вам надо?

— На сквере у авиакасс,
Я на скамейку к вам подсяду,
Там все скажу вам.
Ровно в час.

Максим, в назначенное время,
Нервозно,
На пределе сил,
Ждал встречи с тем…
Или же с теми,
Кто в сквер зачем-то пригласил.

Тянулись вечностью мгновенья…
День солнечный
стал тускл и сер
От охватившего волненья,
Стучало сердце на весь сквер.

И наконец,
Тревожным взглядом
Максим увидел,
как во сне,
Как подошел
И сел с ним рядом
Мужчина, дав обзор спине.

— Простите, что я к вам спиною,
Терпенье проявите к ней.
Я разговора суть раскрою
И в этой позе —
Так верней.

Максим успел заметить ране
Пускай не все,

Не до конца,
Что был пришедший на свиданье
В солнцеочках на поллица.

Был, не ко времени, в панаме.
Хотя довольно молодой,
Был с прикрепленными усами
И накладною бородой.

И говорил он осторожно,
Меняя голос на фальцет.
Узнать такого невозможно
Без этих «украшений».
Нет!

Максим сказал:
— Я здесь… И что же?
Слова пришельца
                правдой жгли:
— Вы, милый юноша, похоже
И не у дел,
И на мели.

Обидно быть
                судьбы изгоем,
Известно вам,
                что эта так.
Я предлагаю вам —
Не скрою,
Большие деньги за пустяк.

Услуга ваша —
Наша такса,
Зарплата одного лишь дня:

Вот здесь вот —
десять тысяч баксов —
Я вас не видел —
Вы меня.

— За что такое подношенье? —
Спросил Максим,
не взяв пакет.
— Имейте, юноша, терпенье,—
Услышал тихое в ответ.

— За баксы предстоит работа,
Не буду чересчур темнить:
Вам надо…
Замочить кого-то.
— Что?! — закричал Максим,—
Убить!

Пришедший,
Уши затыкая,
Зашикал зло:
— Зачем орать!
А сумма!
Сумма-то какая!
Любым потребностям подстать.

Поездка к морю…
Ресторанчик…
Амуры-шуры…
Казино…
Девчонка — божий одуванчик,
Пырнул ее — и решено.

Ни раздражения не прятал,
Ни удивления Максим.
— Кто меня в киллеры усватал?
Я не был
И не буду им!

И в чем девчонка виновата?
Кому она —
Заклятый враг?
— Все, милый юноша, когда-то
Боятся сделать
Первый шаг.

А все вопросы —
Без ответа,
Как для меня,
так и для вас.
Не надо углубляться в это
Не надо
Навлекать «атас».

Задача всем одна —
И точка,
Ее решение —
Венец.
А нас, посредников — цепочка,
А кто начало?
Кто конец?..

Посланник
Этот черный прибыл
В момент отчаянья души.

Максим не просто
на мели был,
Он жил на жалкие гроши.

Он жил
Среди людского шума,
В чужой заглядывая рот.
Он — нищ.
А тут такая сумма
Сама к нему!
Сама идет!

Максим расклеился,
Раскиснул,
Цеплялся за любую мысль.
Спросил:
— Я долен дать расписку?
Но незнакомец сухо прыснул:
— Расписка ваша —
Ваша жизнь.

И потому
Вполне спокойно
Вручаю даже пистолет.
Там, в нем —
С патронами обойма,
«Макар» —
Как запасной билет.

«Макар» —
В руках не любит дрожи,
Вам выбирать,
кто друг деньжат:

Или же он,
Или же ножик,
Любой — нам важен результат.

Вот деньги,
Фото вашей «дичи»,
«Хрущевки» адрес,
Телефон…
Но если вы
               вдруг захотите
Сбежать (отбросим все приличья),
То ждет вас поминальный звон.

Закон —
Бетонов всех бетонней,
Вы — мщенья меч!
Сомненья прочь!
Связь будет лишь односторонней,
Контроль за вами —
День и ночь.

*

Максим устало оглянулся,
Один он.
Рядом никого.
Он словно ото сна проснулся,
Реальность —
Обожгла его.

Он уповал
На глюков милость,
На психики ажиотаж.
Неужто это всё случилось

Со мной?
И это не мираж?

Не страшный плод
Воображенья,
А шрам судьбы?
Кровавый след?
Он ощутил ладоней жженье,
Сжимающих собой пакет.

И вдруг —
Как будто резко кто-то
Толкнул, что б медлить
Он не смел.
Схватил Максим скорее фото,
Взглянул —
И сердцем обомлел.

И без сомнения —
Красива,
И однозначно —
Молода.
«И вдруг за что-то это диво
Лишу я жизни
Навсегда.

За что,—
Шептал Максим со стоном,—
Я рвать собрался
                жизни нить?
По чьим оплаченным законам
Решаю —
Жить ей иль не жить?

Что я наделал, переверток?
Избрал себе преступный путь…»
Он, жгущий руки,
мерзкий сверток,
Хотел подальше зашвырнуть,

Как что-то гадкое и злое,
Но спохватился,
Ни к чему!
— О нет! О нет!
Вернуть его я
Обязан.
Но кому? Кому?

*

Максим,
Терзаемый сомненьем,
Клеймя характер мягкий свой,
С волнением,
Без промедленья,
Нашел тот адрес роковой.

Поскольку днями
не был занят,
Бывал здесь,
не жалея дней.
Но он не знал,
что делать станет,
Когда пересечется с ней.

Он видел девушек немало,
Глядел в упор им
И вослед,
Но ни одна не совпадала

С тем,
Что имел фотопортрет.

На нет и нет суда.
Он втайне
Мечтал, что съехала она.
Тогда и он
          не будет крайний,
И в этом —
Не его вина.

«Эх, было б так,
          я стал бы волен…» —
Мечтал Максим.
Но вот звонок:
— Алло! Шеф вами не доволен,
Учтите — на исходе срок.

Максим затрепетал тревожно
Подранком в гибельной сети́
— Верну вам деньги,
          если можно!
Я не могу ее найти!

Но «нет!» звучало
Непреклонно.
Максим вскричал,
          стерпев укор:
— Хотя бы имя как?
— Илона…
И был закончен разговор.

Максим неотвратимой встречи
Искал.
Хотел ее и нет.
И вот в один
прекрасный вечер
С живым лицом
совпал портрет.

Он к ней
Приблизился несмело,
Коснулся взглядом ее глаз.
Язык невнятно,
Онемело,
Спросил ее:
— Который час?

Она, напротив, «языкасто»
И весело произнесла:
— Я вас здесь вижу
очень часто,
У вас любовь или дела?

Его пронзал
То жар, то холод,
Он покраснел,
как в цвете мак.
Он лепетал какой-то довод:
— Я вас…
Я здесь…
Я просто так…

Не верилось такому чуду:
Жизнь так мила —
И без прикрас.

Максим вздохнул:
— Я счастлив буду
Еще хоть раз увидеть вас.

Вот вам
Мой номер телефона,
Меня зовут Максим…
А вы?..
— Ну что ж…
Меня зовут Илона,
Но телефона нет, увы.

*

Максима жизнь —
Как на экране
Смертельно-страшного кино.
Две жизни,
Две судьбы в капкане,
А дальше?..
Что им суждено?

Они встречались регулярно —
Беды ли то,
Судьбы ли знак?
Их жизнь хрупка,
                как свет фонарный —
Неяркий круг,
А дальше мрак.

Он знал —
И это угнетало,
Что девушка обречена.

Он об амурах думал мало,
Она же — расположена.

Она хотела быть заметной
И яркой, как
               весной цветы.
Без этого ведь
               жизнь бесцветной
Становится,
Как тень мечты.

Он знал —
Не может долго длиться
Игра ли,
Близость двух сердец.
Максим никак не мог открыться,
Чтобы не навредить вконец.

И все ж, однажды,
Осторожно
Решился на последний шаг:
— Скажи, Илона,
               если можно,
Есть у тебя по жизни враг?

Она…
Оторопев, несмело,
В сердцах воскликнула:
— Ого!
Уж слишком это черно-бело…
А знать тебе-то для чего?

Затем продолжила устало,
Как после долгой суеты:

— Вокруг, Максим,
людей не мало…
Надеюсь,
Что мой враг не ты.

Максим
Захохотал нервозно:
Да я!
Покорный твой слуга!
Затем изрек
вполне серьезно:
— Не враг я…
Хуже я врага…

Илона уловила чутко
Надрыв,
Надлом какой-то в нём.
— Ты что, Максим!
Такая шутка
Не надо мне
и днем с огнем.

Максим секрет,
Как нож из ножен,
Достал
Из тьмы души на свет…
— Какой тобою
смысл был вложен,—
Она спросила,— в этот бред?

Ты что, не выспался?
Ты болен?
Скрывает что душа твоя?
Максим, сказав лишь «а»,

Был волен
Продолжить до конца,
До «я».

И парень,
Глядя вниз подлобно,
Не скрыл,
Какой он был простак.
Всё, по возможности,
Подробно
Ей изложил,
закончив так:

— Когда б я знал,
кто эта сволочь,
Я с ним не мягок был бы —
Крут.
Я б день его
Сменил на полночь,
А суд его —
На самосуд.

Но он, как крот,
в норе глубоко,
Вокруг него —
Приспешных рать.
Не испугался бы я срока,
Чтоб только гадину достать…

Она,
Тревожа мыслей залежь,
Как будто вспомнив некий сон,
Сказала,
Явно для себя лишь:

— Да…
Всё ж пошел на это он…

Ах негодяй ты,
зря рожденный,
Решил меня убрать тишком…
Максим опешил.
Удивленно
Спросил Илону:
— Ты о ком?

Илона вспыхнула мгновенно,
Метнув на парня
гневный взгляд:
— А ты!
Ты — трус обыкновенный!
Ты, как и он,
такой же гад!

Максим договорить ей нé дал
Вскипел,
Швыряя ей слова:
Я гад, что я тебя не предал?!
Я трус, что ты еще жива?!

И это мне —
Твое «спасибо»!
Уж лучше б ты
ушла без слов.
Или ты скажешь, кто он,
Либо
Найду, хоть наломаю дров.

*

Был вечер
И довольно поздно,
Максим уже дремал слегка.
Внезапно
Он вскочил нервозно
От телефонного звонка.

Был слышен
Тот же голос в трубке —
Слова,
Как мерзкие плевки:
— Ну что?
Ты до сих пор голубке
Еще не открутил башки!

Вдруг крикнул
На высокой ноте,
Как будто по команде —
«Фас!»
— Ты с ней встречался для чего-то,
Не раз,
Не два,
А много раз!

Вы с ней затеяли, похоже,
Предсмертный на крови роман.
Тем хуже для тебя.
Дороже
Платить придется за обман.

Максим пытался встрять:
— Не надо
Мне клеить не мои дела.

Но в трубке
Грозных слов тирада
Его попытку пресекла.

— Учти!
Метать не будем бисер
Перед таким щенком,
Как ты.
У нас над киллером
            есть киллер
Чтобы таким ломать хребты.

Короче —
Завтра в десять ровно,
Как раз
На предночной заре,
С тем,
Что не заработал кровно,
Я жду тебя на пустыре —

Развязка кольцевой дороги,
Где знак стоит —
«На Могилев».
Там подведем свои итоги —
И по рукам.
И будь зоров.

— А может быть
            на старом месте? —
Максим взмолился,—
Возле касс?
— Нет! Дважды в сквере —
Много чести,

Там проходняк,
Там много глаз.

А ты — с валютой
И с «макаром»,
А вдруг «атас»?
А вдруг менты?
Так что забудь
о месте старом,
Надеюсь,
Всё усвоил ты?

*

Максиму сразу
стало жутко,
Со смертью —
это не игра.
Он не присел ни на минутку,
Квартиру мерил
До утра.

Нутром он
Понимал отлично —
Путей для отступленья нет.
Пустырь
У черта на куличках —
Это
В один конец билет.

Метались мысли обреченно.
И вдруг,
Как луч среди теней
Надежда вспыхнула — Илона!
Она!

Она!
Скорее к ней!

Спасением и смертью между,
Воздав
Счастливой мысли дань,
Максим,
Храня в душе надежду,
Помчался к ней
в такую рань.

Илона сердцем углядела
В глазах его
беды оскал.
— Ты от кого так оголтело
Такою ранью убегал?

Ты — вне себя,
лицом потерян,
Что хуже может быть,
чем есть?..
— Среди зверей
сам станешь зверем,
У них одно лишь —
смерть и месть.—

Макси впервой
ругнулся матом,
Чего не делал отродясь.
— Я без вины
стал виноватым
За то, что их не принял грязь.

Что их звериные законы
Не принял,
 как диктат извне.—
Затем
Взглянул в глаза Илоны:
Ты!
Только ты поможешь мне!

Не только мне,
 но и себя ты
Не ввергнешь
В мутный водоем.
Тогда мы оба
 век двадцатый
Благополучно доживем.

— О чем ты?
Что должна я сделать,
Чтоб нас покинул
 этот мрак?
— Так…
Для тебя — пустяк и мелочь…
Кто он,
Твой неуемный враг?

Кто он,
Таинственный Иуда,
Чужой невинности вампир?
Всё зло,
Угрозы все оттуда —
Мне там искать
Войну иль мир.

Илона сникла:
— Мне известен
Беды, что нас несет,
Исток.
Богат он,
Вместе с тем — бесчестен,
Он мягко стелет,
Но жесток.

Он, у себя в мирке —
Малюта,
Самовлюбленность,
Крутизна.
И все ж, в его мозгах —
Валюта,
В душе и сердце —
Лишь она.

Ты не найдешь там
Ни пощады,
Ни отступного —
Ничего.
— Но мне увидеться с ним надо!
Так кто он?
Назови его!

И где искать его берлогу? —
Илья настаивал,
Просил.
Илона, на пределе сил,
Раскрылась,
Назвала дорогу.

И ту квартиру,
в коей прежде
Стыда боялась своего,
И ту деревню,
где в коттедже,
Илья мог быть
скорей всего.

*

Когда осталась
вдруг Илона
Одна,
С собой наедине,
Забилось сердце учащенно,
Всё прокрутив,
как в страшном сне.

Она внезапно осознала
Ошибки все
Судьбы своей.
Какого страшного накала
Достигла жизнь
последних дней.

И ни Илья,
заплывший жиром,
Не снизит градус,
ни Максим.
Они не разойдутся миром,
Враждебность помешает им.

В душе
Лицо Максима всплыло —
Какой был взгляд его суров.

И сердце в ужасе застыло —
Он явно
Наломает дров.

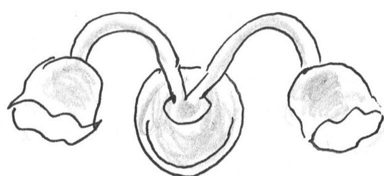
Событий ускорялся счетчик:
Вчера — теперь,
Вчера — теперь
И, без малейших проволочек,
Илона ринулась за дверь.

Она бежала,
Ужас сея
На встречных,
кто ее видал.
Скорей в милицию!
Скорее!
Успеть предотвратить финал!

*

Илья —
До полночи шашлычил,
Теперь,
В постели нежась, был.
Он шорох у дверей услышал,
Вмиг обернулся —
И застыл.

В дверях
Стоял какой-то парень,
Смурной,
В задрипанном пальто.
Илья сердито,
словно барин,

Спросил вошедшего:
— Ты кто?

Ты как проник сюда,
Бомжила?
Вон!
У меня подачек нет.—
И тихо, чтоб смелее было
Нащупал рядом пистолет.

Максим,
Нисколько не смущенный,
Ответил:
— Не бомжила я.
Я к вам с приветом от Илоны…
— Покойной?!
Подскочил Илья.

Максим торжественно,
сквозь зубы,
Не узнавая голос свой,
Ответил:
— Нет же, душегубы!
Я от Илоны!
От живой!

Для вас
Я сделаю открытье,
Что деньги не всесильны.
Нет!
Вот ваши доллары.
Возьмите! —
И бросил на постель пакет.

— Так это ты,
            щенок упрямый.
Водил нас зá нос
            долгий срок!
Не миновать
            могильной ямы
Тому, кто станет поперек.—

Илья взревел,
Душила злоба:
— Тобой раскрыт я!
Ничего!
Вы не жильцы с ней больше!
Оба! —
Взял пистолет: — Вот крышка гроба! —
Максим опередил его.

Он выстрелил в Илью,
Не целясь.
Интуитивно,
Наугад.
И в этот миг
К нему,
К постели,
Ворвался вдруг опернаряд.

И за спиной у них Илона —
В начале нового пути.
Максим промолвил обреченно:
— Я жизнь убил,
            чтоб две спасти…

Им в сети
            не один заманен…

Тут кто-то крикнул:
— Жив еще!
Он не убит!
Он только ранен!
К тому ж, не тяжело,
В плечо.

Когда же увели Максима,
Илона крикнула вослед:
— Я буду ждать тебя, любимый,
Хоть год,
Хоть два,
Хоть сколько лет!

Чего бы пожелать?..

Чего бы пожелать,
Пресытившись годами,
Что пронеслись,
Желания поправ,
Сыграв шута
В разящей душу драме,
И трагика
В комедии сыграв?

Чего желать тому,
Кто в хитрой лотерее
Невыигрышный
Выкупил билет,
Ни сил,
Ни средств,
Ни жизни не жалея,
Спеша раскрыть
Бессмертия секрет?

О смертный простачок!
О я глупец наивный!
Отыгрываться поздно,
Проиграв,
Отвергнув веру
В разум коллективный,
В клеймо:
Кто не как все —
Всегда не прав.

Но тем, кто не как все,
Поют хвалу столетья
И монументы

Ставит память им,
Им, не прельщенным даже
Золотою клетью,
Слагавшим и в цепях
Свободы гимн.

*

И я свой челн судьбы
Бросал волнам навстречу,
Всё сдерживал «ура»
Тисками уст,
Всё вглядывался вдаль,
Авось удачу встречу,
Но горизонт надежд
Был пуст и пуст.

В безветрии и в штиль
Мотора не хватало,
А в шторм —
Грозили креном паруса…
О человек, ему —
Всегда чего-то мало,
Всегда чего-то много.
Чудеса!

Но человек так мал,
А мир вокруг — огромен,
В нём и столетья
Свой теряют след.
И перечень моих желаний
Был не скромен —
Достиг ли я желаемого?
Нет!

*

Желать и приобресть —
Меж ними уйма «если»,
Наметить и иметь —
Порой нужны лета.
Ведь ежели в душе
Звучать не будут песни,
Скорей всего что их
Не запоют уста.

Чтобы желать, ума великого
Не надо,
Но если даже
Наделен умом,
Желаньям на пути
Судьба чинит преграды —
И всё же большинство
Преград в себе самом.

Размыты, как мираж,
Былого очертанья —
Был в нём я
Или не́ был?
Вот вопрос!
О если бы сравнить
Желанья и деянья,
Какой бы был огромный
Перекос.

Мы, дверь в грехи открыв
Желаниям безбожно,
Живя лишь раз,
Усвоили одно:
Что не запрещено,

То без разбору, можно —
А это —
Гиблый принцип домино.

*

Порхает мотылек,
Умытый солнцем вешним,
Найти б цветок ему,
Впервые после сна.
Желания его
Наивны и безгрешны,
И сам он безобиден,
Как весна.

Но у людей, увы,
Желания «гибридны»,
И с каждым годом
Всё заметней сдвиг —
Ведь в детстве золотом
Желанья безобидны,
Но сколько же потом
Корысти в них.

И пыл обид уняв,
Я всё же благодарен
Судьбе, что всё сложилось
Так, как есть.
Остался я собой,
Себе — хозяин-барин,
Несбывшегося хоть
Не перечесть.

*

Чтоб быть мудрей, чем жизнь,
Одних желаний мало,
И жизни недостаточно
Одной.
О сколько жизнь на жизнь
Глаза нам открывала,
Мы — вновь на грабли,
Мы — стена стеной.

Я жизни проиграл,
А думалось иначе,
Раскладывая
Лет и дел пасьянс.
Я дорого платил,
И жизнь вернула сдачу —
Желанье загадать,
Последний шанс.

Чего бы пожелать
Во власти увяданья,
Не обижая жизнь,
Не насмешив?..
Пожалуй, пусть живут
Во мне мои желанья,
Пока живут они —
Я буду жив.

*

А жизнь —
Отсуетясь,
Отпев свое,
Отплакав,
Очистило зерно

От шелухи.
Возможно, я скроил бы
Прошлое иначе,
Свои ошибки зная
И грехи.

Возможно, я б сменил
Желанья на желанья,
В ту пору до которых
Не дорос.
Но где б я был сейчас?
Какие очертанья
Имело б «я» моё?
Опять вопрос.

Желанья все свои
Я подкреплял стремленьем
Желанного достичь
Любой ценой,
Порой не совпадая
С разума веленьем —
И разум
Потешался надо мной.

Пришла пора срывать плоды —
И сердце радо,
Пусть тише жизнь,
Но движется вперед.
Желаю я…
Чего?
Ненужного не надо,
А нужное —
Пускай оно грядет.

Ревность

Что может быть
прекрасней ритуала
Венчания
Двух молодых сердец!
Она —
Невестой пред венцом стояла,
Он — женихом.
О как она сияла,
Услышав, как спросил
        святой отец.

Вопрос он задал
        жениху вначале
И ей — он до сих пор
        в ушах звучит.
О как слова
        торжественно венчали:
«Согласны ли вы
        в счастье и печали
Быть вместе,
        пока смерть не разлучит?»

— Да!
Снова — Да!
Как сладостное эхо —
Мы вместе!
Мы едины!
Навсегда!
Но в жизни —
        от задумок до успеха
Нередко мало
        одного лишь «да».

Союз любви
закончится плачевно
И задохнется
в горечи дыму,
Когда
Колючей проволокой ревность
Вонзиться в сердце
Ей или ему.

*

Не будем называть
невесты имя
Да и его
Не прозвучит из уст.
Вначале, после свадьбы
между ними,
Как, впрочем,
между нами молодыми,
Возвысилась любовь
фонтаном чувств.

Их счастье
Не является секретом,
Секрет раскрыт сей
тыщи лет назад.
Купались в старину
в фонтане этом
И в наши дни, кто любит —
Стар и млад.

Фонтан любви
неистощимо славит
Навек слиянье
двух сердец в одно,

Но там лишь, где любовь
 любовью правит,
Со счастьем счастье
 где обручено.

Но если же она
 иль он случайно
В фонтан
Сомненья каплю уронил,
Фонтан утратит
 блеск первоначальный
И чистоту —
Он станет сер и хил.

*

Любовь слепа
 и потому не мало
Преподнесет проблем —
Ему и ей.
Семейной жизни
 хрупкое начало
Таит опасность
 в хрупкости своей.

Медовый месяц —
 дни, как под копирку,
Листает,
Наслаждений не тая.
За ним —
Послемедовая притирка
Двух мнений,
Двух характеров,
Двух «я».

То — в магазины,
то — с деньгами туго,
Бывает, лезли в долг —
не без того.
Все дни — работа,
порознь, друг без друга —
Кто рядом с ней?
А кто возле него?

Усталые с работы.
Вечер.
Поздно.
Она — на кухню,
выдохнув едва.
Он —
ожидает ужина нервозно,
И время нет
на теплые слова.

*

Он не работал
до седьмого пота
В какой-то фирме —
числился, как все.
Компьютер перед ним —
его работа,
А сам он в фирме —
спица в колесе.

И не смущала
скромная зарплата —
Ну что ж,
Какая есть, такая есть.
Зато был рад:

— Я каждый день «до хаты»
С работы возвращаюсь
ровно в шесть.

Он вскоре понял «радость»,
от которой
Негодованье
Сдерживал едва —
Жена его по графику
на «скорой»
Челночила
К больным на вызова.

На брак и на семью
взглянул он шире,
Смутила разум
мыслей пелена —
Он вечером одни,
в пустой квартире,
А где теперь она?
И с кем она?

Впервой в его душе
змея сомнений
Зашевелилась,
Ревностью шипя…
Теряет цвет оазис
чувств весенних
В холодных
недоверия цепях.

*

Сказать, что их любовь
взаимная угасла,

Так нет —
Живут они лишь первый год.
Но он в огонь любви
лил недоверья масло,
И пламя нежных чувств
не разгоралось, чахло,
Всё чаще он пускал
упреки в ход.

— Ты изменяешь мне!
Ты стала вдруг другою!
Ты с кем-то предаешь
любовь мою! —
— О как же ты не прав! —
она к нему с мольбою,—
И где б я ни была,
моя любовь с тобою,
Я просто
До предела устаю.

Изматывают нас вконец
к больным визиты,
Так это днем,
а ночью — во сто крат.
— Ты ври, да меру знай! —
он закричал сердито,—
С мужьями
Жены праведные спят!

А ты?
Передо мной сейчас
овечкой скромной
Стоишь,
Из мужа делая осла.

Откуда знать могу,
что где-то ночью темной,
Не делаешь ты
темные дела?..

И от подобных слов
у ней на сердце горше,
Да и ему не слаще —
Он не рад.
Чем дальше в темный лес,
тем дров ненужных больше,
От них, подгнивших,
только чад и смрад.

*

Так продолжалось день
и месяц, и полгода,
Средь них сверкал
в любви признанья луч.
Но дёготь — в бочке дёготь
и после ложки мёда,
И солнце —
Слабо греет из-за туч.

Он остро понимал,
что ревность голословна,
Он презирал себя,
ее любя.
Но продолжал искать «крючки»
на месте ровном,
Всё дальше в угол
Загонял себя…

Кончался выходной,
вновь без нее, постылый,
Спустился вечер,
ей придти б пора.
Но звякнул телефон,
она сказала: — Милый,
Мне надо задержаться
До утра.

Покушай без меня —
поверь, и я не рада,
Не огорчайся, дорогой,
Молю.
Порою выше нас
простое слово «надо» —
До скорой встречи.
Я тебя люблю.

Теперь в его груди
змея сомнений смутных
Вцепилась в сердце,
впрыскивая яд.
Он с болью простонал:
— Что ж, будет судным утро,
Карающим —
и нет пути назад!

*

Она открыла верь в квартиру
Осторожно,
Усталая —
Бледна, измождена.
Он бурей налетел:
— Давай же, ври безбожно!

Она спросила:
— В чем моя вина?

Он ближе подскочил,
ей крикнул прямо в ухо:
— Вопросы задаю
здесь только я!
Вина твоя в одном,
ты — не жена, ты — шлюха!
С такой, как ты,
мы — больше не семья.

Довольно!
Ты со мною
год играла в прятки
Я сыт тобой по горло!
Сыт! Пардон!
Сейчас же собирай
при мне свои манатки,
Закончен маскарад —
отсюда вон!

Устало прислонясь к стене
она сказала:
Ты жил,
Невиноватую виня.
Упреков от тебя
я слышала немало,
Теперь смирись
и выслушай меня.

Вчера кончался день,
я на часы глядела —
Скорей домой!

Но вот звонок опять.
Записывая вызов,
вся похолодела,
Я поняла —
твоя живет там мать.

Машина мчалась к ней,
сиреной завывая.—
И вот квартира,
Мать твоя,
Твой тыл.
Она, закрыв глаза,
лежала чуть живая,
Сердечный приступ
зло свое творил.

Укол!
Еще укол!
И снова вой сирены —
Скорей в реанимацию!
Скорей!
Всю ночь возле нее
была я после смены,
Теперь ей легче,
можешь ехать к ней.

— А что ж ты не звонила? —
он произнес несмело…
Она спросила:
— Чем бы ты помог?
Расстраивать звонком
мать сына не хотела,
У матери есть сердце —
видит Бог.

Он весь оторопел,
 как после слов гадалки,
Внезапно напророчившей
Беду.
Он бросился к двери́,
 растерянный и жалкий,
Потом к жене метнулся,
 как в бреду.

Застыл возле нее —
 ни звука, ни укора,
В немой мольбе
 прижал ладонь к груди.
Затем опять к двери:
— Я к матери!
Я скоро!
Я мигом!
Никуда не уходи!

Он дался в дверь, лихой
 внезапности похлеще.
Она одна,
Без суеты теперь,
 и личные все вещи
И — вслед за мужем
 вышла в ту же дверь.

*

В народе говорят:
— Ревнует, значит любит…
Но почему молчит
 «народа рот»,
Что туч ревнивых град
 любви посевы губит

И рушит семьи,
и плодит сирот.

Что ревности метель
улыбки с лиц сметает
И взгляды тонут
в море горьких слез.
Любимые в любви
любимым доверяют,
Хоть знают —
есть шипы в букете роз.

Но кто ж из-за шипов
от розы отвернется?
Кто злобы ради
вырубит сады?
Что б жажду утолить
из чистого колодца,
Все сберегают
Чистоту воды.

Гумар
2018

Ратавальны рубель

Дзед збіраўся ўжо памерці
Пакорна, без злосці.
Раптам — стукаецца ў сэрца
Хтосьці альбо штосьці.

Што за з’ява!
Што за ліха!
Дзед расплюшчыў вочы
І дапытваецца ціха:
— Хто і чаго хоча?

— Ты ў мяне рубель пазычыў,
Вось і Бог за сведку,
Не аддаў, а замантычыў,
Я й міліцыю паклічу! —
Чуе гвалт суседкі.

— Прыкішэніў суму гэту,
Лёг і гора мала!
Я цябе б і з таго свету
За рубель дастала! —

Вось хто грукацеў у дзверы
Так, што няма спасу —
І памерці з-за халеры
Ой, не будзе часу.

Давялося ўстаць з пасцелі,
Каб аддаць пазыку.
Раптам людзі наляцелі
Ад такога крыку.

— О-о, дык тут у вас «амуры»,
Любіш, дзед, суседак!
Захварэў, а шуры-муры
Ладзіш напаследак.

Дзед адчуў прыліў імпэту,
Ліха азірнуўся.
Ён нібыта з таго свету
У жыццё вярнуўся.

— Калі ўжо такія госці,
Рэж, суседка, сала!
Дзеля гэткай весялосці
Й пляшкі будзе мала!

Спазніліся

Жарт

Зацёртыя,
Занюханыя словы,
Ізбітыя,
Затоптаныя рыфмы.
Іх ужываць
Апошні час гатовыя
Паэты і бывалыя,
І новыя,
Як нежывое
Ужываюць грыфы.

А што рабіць,
Калі ўсё перапісана,
Калі ўсё неаднойчы
Пераказана?
На творчай ніве,
На Парнасе —
Лысіна,
Без музы верш,
Як човен Сценькі Разіна.

І маладым,
Сучаснасцю загушканым,
Падставы ёсць
Для скаргаў аблапошаных —
Было не цяжка
Пушкіну стаць Пушкіным
Сярод і слоў,
І вобразаў «няношаных».

Нялёгка вам,
Мае калегі, мучацца,
За класікаў не менш
Таленавітыя,
Эх, дзвесце год таму бы
Вам парупіцца,
Ў гісторыі
Былі б вы п’яна-сытыя…

Падняўся ціск,
Хоць укалі магнэзію —
Ўсё лепшае
Даўным-даўно расхоплена.
Запознена
Прыйшлі мы у паэзію —
Пайду лепш у кабак,
Нап’юся до́п’яна.

На пляже

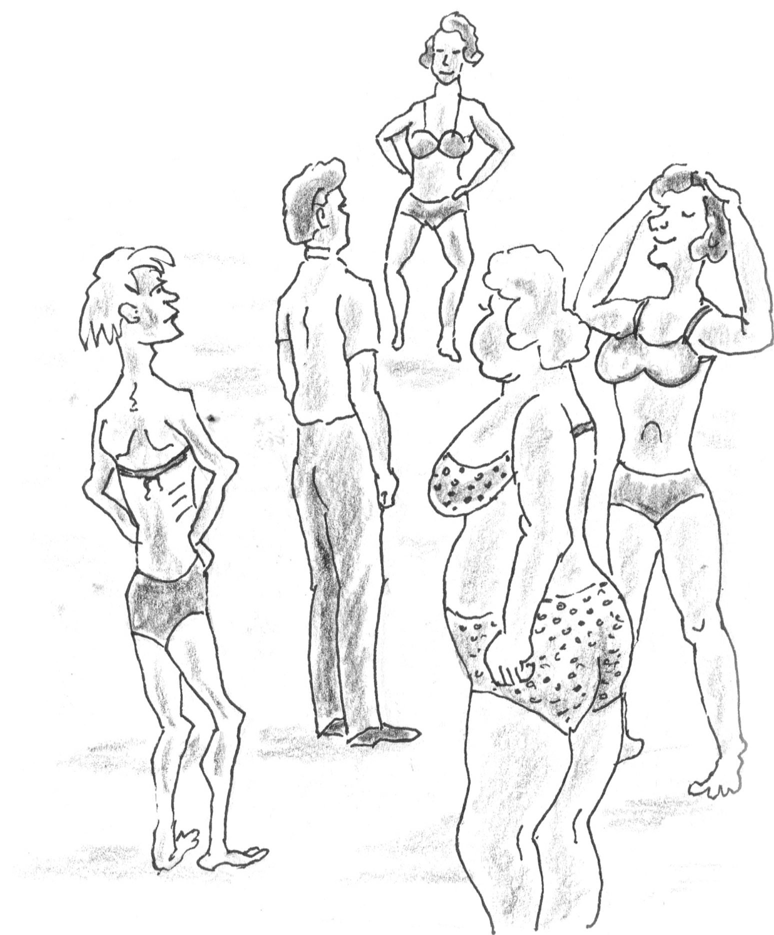
Шутка

Пускай она в шелках,
в позолочёных даже,
И стан, как у осы,
и грудь стремится вверх,
Ты выбирай, мой друг,
жену себе на пляже,
Там видишь только то,
что Бог надел на всех.

Там всё, как на ладони,
не то что в залах людных,
Там недостатки все
видны — наперечет.
Там ни корсетов нет,
ни хитростей подгрудных,
Ни тошных бандажей,
вжимающих живот.

И если выбрал ты
на улице красотку,
Под соусом любым
тащи ее на пляж,
Все лишнее сними,
чтоб в воду лезть иль в лодку —
Ты взглянешь на нее
и ощутишь мандраж.

Ах, как живот обвис!
А грудь «играет в прятки»,

А бедрам невдомек,
что женские они,
А ребра — напоказ,
а как остры лопатки —
У недостатков сих
все прелести в тени.

А если я не прав,
не лезь со мною в свару.
Ах, ум тебе важней —
духовный «оливье»!
Тогда иди в театр,
ищи себе там пару
Иль в лекционный за
«О браке и семье».

Сучаснасці фасад

Як кажуць, мы —
сучаснасці фасад,
Належым да саюзаў,
Аб’яднанняў,
У прафсаюзу,
Ў партыях нас шмат —
Грамадству служым
шчыра, без ваганняў.

Я страціў сябра
лепшага свайго,
Не маючы і ў думках
Святатацтва.
І чым я так абразіць
Мог яго,
Калі сказаў яму:
— Ты — член грамадства.

Венера Мілосская

Да жонкі з жартамі Фядоска
Звярнуўся: — Бачыў я у сне,
Што я з Венераю Мілосскай
Жыву — і ўсе зайздросцяць мне.

— Яна ж без рук! — У адказ Агата,—
А ў гаспадарцы — процьма спраў.
А ты за дзень засмецціш хату,
Хто б за табою прыбіраў?

Ён зноў звярнуўся да Агаты:
— Ты б і без рук была ў цане.
Затое ты, пасля зарплаты,
Не лазіла ў кішэні мне.

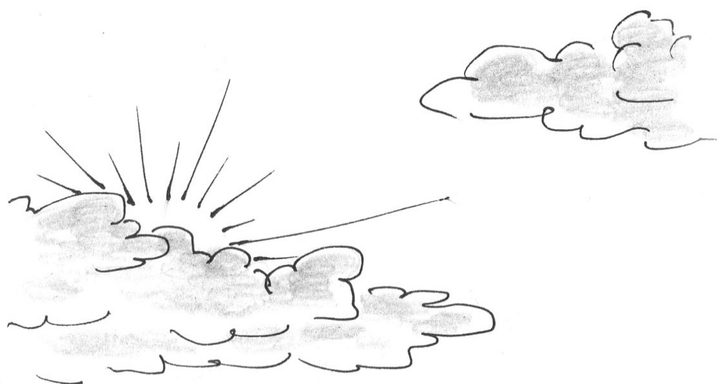

Второе дыханье

Твердит комментатор
        на всех состязаньях,
Что старт для спортсмена —
        рекордов лимит,
Что есть у спортсменов
        второе дыханье,
Что с ним он на финише
        всех победит.

И каждый из нас
        верит искренно, свято,
Что в жизни изменчивой
        ждет ход конем,
Что за горизонтами —
        главная дата,
Вот там мы крылами
        махнем так махнем.

И деда Игната
        с подколкой спросили:
— Вчера ты грозился —
        «налево» пойду.
Но дед с хитрецой усмехнулся:
— Всё в силе!
Открытья второго дыхания жду.

Прызнанне ў каханні

Ён ёй прызнаўся у каханні,
Узнёсла гледзячы на неба.
Яна спытала ў хваляванні:
Скажы мне, як табе я трэба?

Ён ёй: — Адкрыць я сэрца мушу —
Ты трэба мне, як хлеб сталу
Яшчэ — як бульба беларусу,
Яшчэ — як сала трэ хахлу.

Як языкам зласлівым кпіны,
Як холад квасу, каб не ўкіс,
Як італьянцу трэб масліны,
І як кітайцу трэба рыс.

Яна — у крык:
— Бог шчасце даў!
Мяне ніхто так не кахаў!

Инструкция

Чтоб стать поэтом,
Просто надо
Взять ворох
Самых разных слов,

Зарифмовать их —
И награда:
Еще один поэт
Готов.

Варажба на картах

Раскіну карты —
Паваражу сабе,
Магчыма, штосьці
ў будучым убачу.
Хоць мала ісціны
ў карцёжнай варажбе.
Што я губляю?
Рызыкну на ўдачу.

У калодзе картаў —
таямніцы многа
Ды з іх павінна
спраўдзіць хоць адна.
Дзевятка пік —
далёкая дарога…
Ого! Адкуль яна?
Куды яна?

А вось і дама!
Не стрымаць азарту!
А хто ж за ёю
пасьпяшае ўслед?
Наступную кладу
з ёй побач карту —
Вале-е-ет…
А я ж даўно ўжо не валет.

А я ж кароль —
сівы і забубённы,
Сябе шукаю,
як цыганка тая.
Храстовы туз?..

А гэта ж дом казённы,
Яго мне сёння
          толькі не хапае.

Навошта ён мне
          гэты дом? Навошта?..
Тут падыйшла
          з паперамі нявестка.
— Забрала я
З паштовай скрынкі пошту —
Вось вам тут
          у міліцыю павестка.

Уникальный случай

Что есть медовый месяц —
Врут!..
Он, сгоряча, в пылу открытья,
С ней, после брачной ночи —
В суд:
— Не буду жить с ней,
Разведите!

Но судьи — это мастера
Мирить семейные разлады.
— Ведь свадьба сыграна вчера,
Зачем же строить баррикады?

Не ставьте крест,
Умерьте пыл,
Ведь лучше точки —
Многоточье.—
Он крикнул судьям:
— Я открыл
Обман супруги
                этой ночью.

Она не сохранила честь,
Об этом больно мне трезвонить.
Прошу сей аргумент учесть
И с ней развод мой
Узаконить.

Тогда был задан ей вопрос:
— Нам верить в обвиненье это?..
У судей по спине мороз
Засуетился от ответа.

— Ответ мой будет:
«Да» и «нет! —
Проклятье роковой минуте.
Я с папой в восемнадцать лет
Присутствовала на салюте.

Застыли пушки
              в ряд вдали,
Готовясь к залпам холостыми.
Мы с папой ближе подошли
И молча стали
              рядом с ними.

Когда же грянул
              первый залп,
Внезапно
В темень предночную,
Зеваки в страхе —
              в крик и в гвалт,
И разбежались врассыпную.

Их всех бы тех зевак
Никто
Не устоял на нашем месте.
Вот тут
Со мной случилось то,
Что муж назвал
              потерей чести.

У папы…
Да и кто от нас,
Из всех мужчин
              стоял в сторонке,

От залпа лопнули за раз
В ушах ушные перепонки.

А у меня…
А честь моя…
Теперь проблемы под завязку…
Муж закричал:
— Не верю я!
И вы не верьте
в эту сказку!

Один судья унял грызню,
Супругов обнадежил быстро:
— Сейчас спецу я позвоню,
Знакомому артиллеристу.—

Надежды солнышко взошло,
Судья —
Решительно и смело
Снял трубку и —
— Алло! Алло!
Звоню я —
Вот какое дело…

И он кому-то изложил
Всю суть проблемы
мирным тоном.
Затем сказал:
— Умерьте пыл! —
Еле живым молодоженам.

И вновь спокойно продолжал:
— Явилась ревность
черной тучей.

Сказал мне профессионал,
Что это —
Уникальный случай.

Хоть редко,
Но такие есть,
Слишком интимные утраты.
А то, что потерялась честь,
Так это случай виноватый.

Из ничего
Скандал раздут,
Ваш брак отныне
признан чистым…
По сей причине не берут
Всех девушек
В артиллеристы.

Вернулся лад,
Скандал утих,
Вершилась жизнь
светло и мило.
Ушли супруги,
счастье их
Еще сильней объединило.

А вот судье тому —
Ура!
Пустой он трубке
пел рулады.
Да, судьи —
это мастера
Мирить семейные разлады.

Он даже номер
Не набрал,
Экспромтом действовал,
Подспудно —
Молодоженам он соврал,
Но ложь святая —
Неподсудна.

Пчолы і трутні

Ў вуллі́ хоць трутнямі яны,
Ды першыя да мёду ў соты.
Яны ля пана — ўсе паны,
Угодніцкія рыфмаплёты.

Да сэрца трутні пчаляру,
Не джаляцца, хоць іх не мала.
А пчолы і гаспадару,
Бывае, не шкадуюць джала.

Гуканне восені

Раптоўна лета надыйшоў фінал
І верасень сабраўся
у прочкі сумна.
Гуканне восені —
цікавы рытуал,
Ён адзначаецца
і весела, і тлумна.

І вось застаўся горад за спіной —
Хтосьрэжа закусь,
нехта голле паліць.
Пісьменнікі вясёлай табалой
Распачалі у лесе «рытуаліць».

За тостам тост —
і ім канца няма,
Кульнуць, гукнуць
і зноўку наліваюць…
Мінае восень,
хутка ўжо зіма,
А тых пісьменнікаў —
Гукаюць і гукаюць.

Вось такое кіно

Хвалявалася яна —
Раптам хтосьці бачыў…
Падкруцілася віна,
Як быў муж на дачы.

Думала —
Віну здыму,
Лепш самой прызнацца.
Трошкі раскажу яму
Каб падстрахавацца.

— Мілы мой!
Не так даўно,
Як ты быў
На дачы,
Да мяне залез ў акно
Нейкі тып лайдачы.

— Ну і што?
Хто бараніў
Сон твой ад разбоя?
— Лбом ён дзверы адчыніў,
Выгнала яго я.

Выпхнула за дзверы —
З воч,
Патлы аж ляцелі.
— Не мані!
Ты ж тую ноч
З ім была ў пасцелі.

Ты ж шаптала:

— Дурань мой
Дзесь на дачы дрыхне.
Я быў тып лайдачы той,
Так што хвост падцісні!

Зноў я знік цераз акно
І — цішком на дачу.
Вось такое я кіно
Ноччу той убачыў.

Узаемныя віншаванні

Ад хіміі карысці мала,
Бо валасам — хана.
І лысіну цяпер хавала
Пад парыком яна.

А я — як эталон паводзін,
Без тлумачальных слоў,
І падарыў у дзень народзін
Ёй хну для валасоў.

Ў адказ мне гэта аферыстка
Ўручыла, зноў без слоў,
Дарунак дробны і някідкі —
А ў ім…
Навошта зубачысткі?
Ў мяне ж няма зубоў.

Дарункі Бога

Жарт

Што даў мне Бог,—
калі зляпіў
Мяне з святла і ночы?
Даў рот,
Каб я і еў, і піў,
А для чаго даў вочы?

Няўжо,
каб з нецвярозых ног
Не даўся лбом у дрэва?
Ці каб не толькі
прама мог
Глядзець —
Яшчэ й «налева»?

Каб бачыў я вясну зімой,
А колер светлы ў чорным?
Ці каб пяшчоціў
погляд мой
Без стомы
Ў небе зорным?

Даў дзве рукі —
здзек нада мной,
Я ж здольнасцяў шмат маю —
Трымаю пэндзаль — у адной,
Пяро — ў другой трымаю.

Я ж жыў
На закусі й віне

Ў сваім узросце сталым.
А чым трымаць
кілішак мне?
А чым відэлец з салам?

Яшчэ дарунак не благі
Даў Бог —
Ці даў каму так?
Бо каб не ён,
не дзве нагі,
Куды б я дзеў абутак?

Дарункі не пералічу
Усе —
Адзін ў сакрэце.
А для чаго мне даў свячу?
Я ж тут —
На гэтым свеце.

Джын

А вось і рэчкі плынь
паружавела зранку,
Прыйшоў на бераг я,
Бо вольны быў ад спраў.
Для ўдачы, на чарвей
я плюнуў у бляшанку,
Закінуў вуду і —
ні дыхаў, ні міргаў.

Даў паплавок нырца —
Ура! Клюе з разгону!
І сэрца — ёк ды ёк,
нібыта паплавок.
Я лёску тузануў —
тут «не страляй варону»,
І рыбка — ў руцэ,
гарыць, як вугалёк.

Ды рыбка не прастая!
Ды рыбка залатая!
Ці ж можна пажадаць
штось лепшае ў жыцці.
І голасам людскім
яна ў мяне пытае:
— Што хочаш ты?
Зраблю!
Ты толькі адпусці!

Я голас чуў яе —
ледзь-ледзь праз хваляванне,

Нібыта ён гучаў
з мульцяшнага кіно:
— Я выканаю ўсё!
Любое пажаданне!
Любое пажаданне,
але ўсяго адно.

Хоц прапанова рыбкі
мяне і ўсхвалявала,
Успыхнуў я душой,
але адразу згас.

Прыкінуў я…
Адно?..
Не, гэтага мне мала,
Мне трэба, каб служыў
мне хтосьці доўгі час.

Я запярэчыў:
— Не!
Мне трэба значна болей!
Жаданняў у мяне,
хоць пруд прудзі, даруй.
Я згодзен адпусціць
цябе, малёк, на волю,
Ты мне ўзамен —
бутэльку з Джынам ахвяруй.

Ён зробіцца рабом
усіх маіх капрызаў,
Маіх непрадказанняў
і фантастычных мар.

Ён мне пакажа свет
без аніякіх візаў,
Ўсё зробіць для мяне,
бо я яго ўладар.
І рыбка — у адказ:
— Я ў ход пусціла чары,
Я споўніла тваё
жаданне, бачыць Бог.
Бывай, шчасліўчык, ты —
ўладар ажыўшай мары,
Бутэлька ўжо ляжыць
на беразе ля ног.

Схапіў бутэльку я,
цяпер на ўсё я здольны,
Адкаркаваў хутчэй —
слуга мой Джын, вылазь!
А ў ёй звычайны «джын» —
напітак алкагольны,
Прымаў які усмак
я з «тонікам» не раз.

Прызнацца, як кульну
я «джыну» пад завязку,
Такія глюкі бачу,
што сам мне чорт слугой,
Што пазайздросціў бы,
напэўна, Джын той з казкі
Й стары Хатабыч знаны
з бабаю Ягой.

А што ж цяпер рабіць
з бутэлькаю праклятай?

Не выкідаць жа вон
як кажуць, першы блін.
Кульну яе з гарла —
хоць гэта будзе святам.
О глюкі!
Вы са мной!
Цяпер і сам я Джын.

Збор твораў
Сяргея Давідовіча
у дзесяці тамах,
выдадзены пры падтрымцы
чалавека светлай душы
Віктара Уладзіміравіча
ШЭЙМАНА

Змест

Вершы 2018

Аўтарскія рускамоўныя вершы 2018

Песні

Паэмы 2018

Гумар 2018

Літаратурна-мастацкае выданне

ДАВІДОВІЧ Сяргей Фёдаравіч

ЗБОР ТВОРАЎ

Том 10

Вершы
Паэмы

Адказны за выпуск *А.М. Вараксін*

Малюнкі *С. Ф. Давідовіча*
Фота *Л. С. Тайноўскага*

Мастацкае афармленне серыі *С. Ф. Давідовіча*
Тэхнічны рэдактар *Л.А. Талстухіна*

Падпісана да друку 10.07.2018. Фармат $84\times108^{1}/_{32}$. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 22,68.
Ул.-выд. арк. 14,02. Наклад 50 экз. Заказ 7.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: індывідуальны прадпрымальнік
А.М. Вараксін. Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца,
вырабніка і распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/99 ад 02.12.2013.
E-mail: artmanager3@mail.ru№ 1/99 ад 02.12.2013.